

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы

Г. Кузнецов, В. Поляковский

Иллюзии свобод
и горькая
действительность

L.A. 801.

NUTRO

HUMAN RIGHTS

U.S. IMPERIALISM

**Иллюзии свобод
и горькая
действительность**

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События

Факты

Документы

Г. Кузнецов, В. Поляковский

Иллюзии свобод и горькая действительность

Москва
«Мысль» 1978

На первой сторонке обложки:

Старая запуганная леди

Рисунок Олли Харрингтона, США

На второй сторонке обложки:

*Орудие американского империализма
по «защите прав человека»*

Рисунок Лео Хааса, США

На третьей сторонке обложки:

Путь к миру и прогрессу не преградить!

Рисунок Нуэса, Куба

Принятие новой Конституции СССР продемонстрировало непреложный факт единодушного одобрения и полной поддержки всеми советскими людьми политики Коммунистической партии и Советского государства, главное содержание деятельности которых составляет забота о человеке, о благе всего советского народа, о социальном прогрессе человечества, прочном мире во всем мире.

Новая Конституция СССР явилась концентрированным итогом всего 60-летнего развития Советского государства. Она ярко свидетельствует о том, что идеи, провозглашенные Октябрем, заветы Ленина успешно претворяются в жизнь. Новая Конституция Советского Союза, подчеркивал Л. И. Брежнев, «вновь убедительно показала, что понятия свободы, прав человека, демократии и социальной справедливости наполняются действительным содержанием только в условиях социализма»¹.

И глубоко закономерно, что народы социалистических стран, миллионы трудящихся капиталистических и развивающихся государств, самые широкие слои мировой общественности, все подлинные борцы за демократию и социализм отнеслись к факту принятия новой Советской Конституции как к крупнейшему международному событию, поскольку она является подлинной хартией прав человека, и равной ей нет и не может быть при капитализме.

«...События последних лет с новой силой подтверждают, что капитализм — это общество, лишенное будущего»², — подчеркивалось в Отчетном

¹ См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978, с. 581.

² «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 29.

докладе ЦК КПСС XXV съезду партии. Этот вывод основан на глубоко научном обобщении фактов, которые свидетельствуют об общем кризисе капитализма, переживающего период резкого обострения присущих ему противоречий.

Как подчеркивалось в итоговом документе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, которая состоялась в июне 1976 г., «экономическая и социальная структура капиталистического общества вступает во все большее противоречие с потребностями трудящихся и народных масс, а также с требованиями социального прогресса и демократического и политического развития»¹.

Государственно-монополитический капитализм до крайности усугубляет основное противоречие буржуазного строя между общественным характером производства и частным способом присвоения. Чем дальше империализм заходит в своих попытках приспособиться к меняющейся обстановке, тем глубже становятся его внутренние социально-экономические антагонизмы. «Возросшие возможности производства, науки и техники монополии используют в своих эгоистических целях — для усиления эксплуатации масс, укрепления аппарата насилия над ними, машины военной агрессии и авантюры. Социальная пропасть между монополистической верхушкой и огромными массами рабочего класса, всех трудящихся продолжает углубляться. Иными словами, империалистический строй — это постоянная и неискоренимая угроза для условий жизни и самого существования широчайших народных масс в странах капитала, где все чаще возникают острейшие классовые конфликты, — подчеркивал Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве. — Громадная опасность для народов заключена и в присущей империализму тенденции

¹ «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе». К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года. М., 1976, с. 29.

к ликвидации демократических свобод, к фашизации общественно-политической жизни»¹.

Подъему рабочего движения, активизации прогрессивных сил государственно-монополистический капитализм, растапывая даже куцые буржуазно-демократические права, моральные нормы и создавая атмосферу насилия, произвола и запугивания, пытается помешать с помощью широкого контрнаступления на всех фронтах политической, экономической и социальной жизни. При этом государственный аппарат выступает в качестве верного приказчика монополий, «его препохабия» капитала, интересы которого верой и правдой охраняет.

«При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс»², — писал В. И. Ленин, отмечая, что в то же время буржуазия не может осуществлять своего господства «без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ...»³.

Эта тактика находит воплощение прежде всего в систематической пропаганде буржуазного «образа жизни», которая ведется в капиталистических государствах с помощью тщательно отлаженного аппарата идеологического воздействия. Цель — довести людей до оупления, разжечь низменные и накопительские инстинкты, вызвать у них ажиотаж и стремление к удовлетворению все более изощренных потребностей — и все это во имя отвлечения масс от классовых выступлений, угрожающих подорвать устои всей системы. Важнейшей составной частью этого пропагандистского наступления является систематическая кампания лжи и клеветы против Советского Союза, других социалистических государств, против социалисти-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2. М., 1973, с. 370.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 115.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 176.

ческой демократии. Цель та же — ослабить притягательную силу социализма, а тем самым отсрочить свою собственную гибель.

В свое время В. И. Ленин подчеркивал, что империализму свойственна реакция по всей линии. В последние годы появилось особенно много убедительных доказательств этого. В наиболее развитых капиталистических странах быстро растет влияние так называемого военно-промышленного комплекса, т. е. союза крупнейших монополий с военщиной в государственном аппарате. Этот зловещий союз оказывает растущее воздействие на политику многих империалистических государств, делает ее еще более реакционной и агрессивной. А там, где эксплуататоры не в состоянии обеспечить нужный им «порядок» в рамках буржуазной демократии, власть передается в руки откровенно террористических режимов фашистского толка, которые пользуются поддержкой со стороны правящих кругов империалистических держав и крупнейших монополий. При этом правительства империалистических держав и их ставленники немало не заботятся о том, что своими акциями, направленными против социального прогресса, они подрывают нормы международного права, топчут Устав Организации Объединенных Наций и положения Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Радетели «свободы», норовя оторвать побольше от ассигнований на социальные нужды людей — больницы и школы, жилье и пенсии старикам, кидают сотни миллиардов долларов в год на алтарь военно-промышленных монополий, непрерывно производящих все более и более изощренные орудия убийства человека. И каким цинизмом надо обладать, чтобы, разглагольствуя о правах человека, ратовать за производство чудовищной нейтронной бомбы, предназначенной прежде всего для уничтожения людей! Демагогическая кампания в защиту «прав человека», которую ведут «друзья нейтронной бомбы», лишний раз разоблачает подлинное лицо империализма — злейшего врага народов.

Предлагаемая вниманию читателей книга — это документ, книга — свидетельские показания. В ней на основе богатейшего фактического материала рассказывается о том, что в странах, где правит капитал, «демократия», «безграничные права» и «широчайшие свободы», которыми столь назойливо похваляется официальная западная пропаганда, есть ничто иное, как фикция. И доказывает эту истину, сама не желая того, буржуазная пресса. Парадокс? Ничуть не бывало! Просто в силу различных причин — конкурентной борьбы, межпартийных склок, политической конъюнктуры или предвыборных битв — даже стоящие на страже высших интересов капиталистического строя владельцы газет и журналов время от времени позволяют себе роскошь критически оценивать отдельные стороны буржуазного общества. И тогда правда оборачивается сенсационными разоблачениями.

Собранные вместе десятки «показаний» вылились в книгу. Ее можно назвать свидетельством политического стриптиза «свободного мира» — общества бездушного попрания прав человека, общества, где иллюзии свобод разрушаются при столкновении с горькой действительностью.

Глава I

«Охота на ведьм»,
или тотальная
слежка

Седой коренастый мужчина, забравшийся на телефонный столб у дома вашингтонского газетного обозревателя Джозефа Крафта, ничем не отличался от обычного монтера: потертая одежда, проверочный телефонный аппарат на боку, в руках отвертка. В распределительной коробке на верхушке столба он отыскал две клеммы телефонной линии от аппарата Крафта и подсоединил к ним миниатюрный радиопередатчик. Теперь стоило поднять трубку в квартире журналиста, как в багажнике стоящей неподалеку автомашины срабатывал магнитофон и разговор записывался на пленку.

55-летний Джон Рейган, проделавший эту операцию, был не простым специалистом по установке подслушивающих устройств. Он не только выполнял задание Белого дома, но и числился советником президента США по электронной технике. И когда один из сотрудников Белого дома сказал, что работа поручается ему по указанию «самого», Рейган понял, что речь идет о президенте Ричарде Никсоне.

В течение многих лет Рейган руководил в Федеральном бюро расследований подслушиванием телефонных разговоров в Нью-Йорке. Затем ушел из ФБР и стал сотрудником частного сысского агентства, совмещая эту деятельность с работой в Вашингтоне, где возглавлял группу по обеспечению безопасности в национальном комитете республиканской партии.

В один прекрасный день ему позвонил Луис Николс, вице-президент нью-йоркской фирмы «Шенли индастриз инкорпорейтед», бывший до этого помощником директора ФБР. По его просьбе Рейган занялся выявлением подслушивающих уст-

ройств в помещениях, занимаемых Никсоном в Вашингтоне.

Когда Никсон, решив баллотироваться на пост президента США, разместил штаб-квартиру по проведению предвыборной кампании в Нью-Йорке, Рейган проверил и ее. Там он познакомился с Джоном Колфилдом. Этот бывший детектив полицейского управления Нью-Йорка, одно время выступавший в роли телохранителя Никсона, к весне 1968 г. занял пост специалиста по обеспечению безопасности.

На 5 августа 1968 г. в Майами-Бич был назначен национальный съезд республиканской партии. Рейган предложил свои услуги его организаторам. Никсон и сотрудники его штаба разместились в отеле «Хилтон-Плаза». Именно там Рейган и Колфилд встретились за обедом с Джоном Эрлихманом, который после вступления Никсона в должность президента стал его помощником по внутренней безопасности. Эрлихман поручил приятелям всю организацию охраны и обеспечение безопасности Никсона и его сотрудников на съезде.

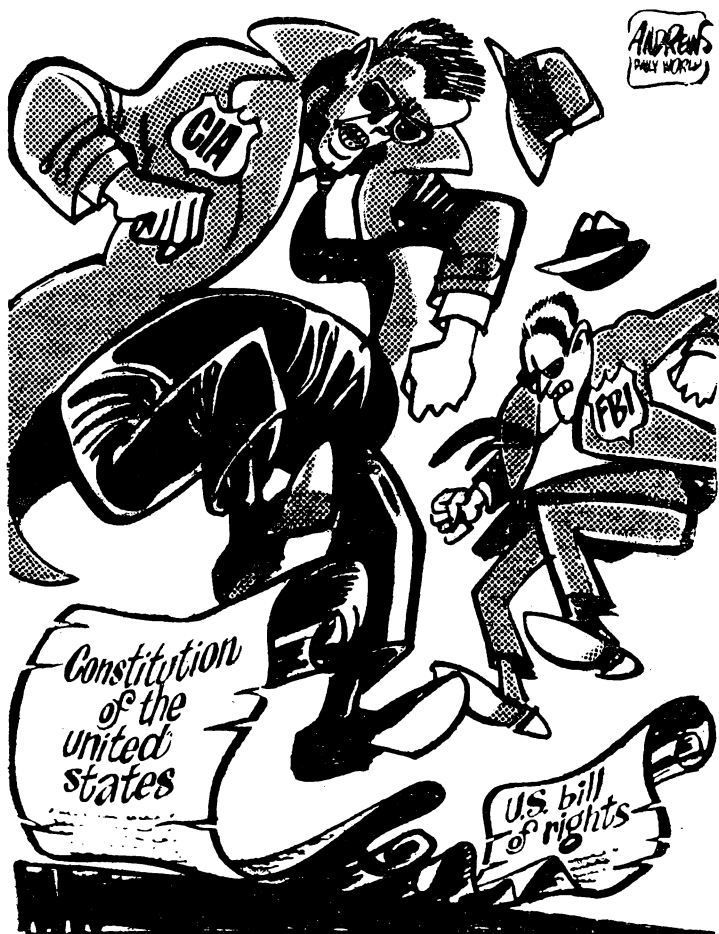
В начале апреля 1969 г. «покровитель» Рейгана Джон Колфилд получил повышение: советник президента Эрлихман взял его к себе в штат. Ему были поручены по указанию Белого дома проведение тайных политических расследований и слежка за определенными лицами. Эрлихман и приказал Колфилду организовать подслушивание телефонных разговоров Джозефа Крафта, которое технически осуществил Рейган. За Крафтом был установлен и непосредственный надзор: агенты ФБР ходили за ним по пятам, «провожая» на работу, на официальные банкеты, домой к друзьям. К тому времени Ричард Никсон находился на посту президента Соединенных Штатов всего около 4 месяцев...

Так, напоминая хитро «закрученный» политический детектив, началась одна из операций по подслушиванию, в которую оказались вовлечены высшие руководители Соединенных Штатов, — операция, означавшая грубое нарушение основных гражданских прав американцев и попрание той

•

самой «демократии», которой столь любит бахвалиться Вашингтон.

Подслушивание телефонов газетного обозревателя Джозефа Крафта было отнюдь не первым и далеко не последним актом нарушения конституции, осуществляемым по прямому приказу и во имя узкокорыстных интересов руководителей Сое-

Для ЦРУ и ФБР
ни один закон не писан

диненных Штатов. Оно легко вписывалось в сотни тысяч других, ему подобных, ибо современная история США — это история общества политического сыска, слежки, лжесвидетельств, сфабрикованных процессов, наклеивания «ярлыков», физических и моральных расправ, жестокого подавления всяческого инакомыслия, а также общественной деятельности, разрешаемой законами, но неугодной правящему классу, такой, как борьба за мир; это история общества, которое его глашатаи с помощью хорошо оплачиваемой пропаганды вопреки здравой логике выдают за современный «образец демократии», якобы гарантирующей расцвет свободы личности.

Только благодаря тесной связи с пресловутым взломом в отеле «Уотергейт», в результате которого президенту Никсону пришлось уйти со своего поста, дело о тайной слежке за Крафтом и еще шестнадцатью высокопоставленными правительственными чиновниками и журналистами приобрело скандальный характер и общественность узнала, что его «героями» были сам президент Ричард Никсон, его помощник по вопросам национальной безопасности, а затем государственный секретарь Киссинджер, министр юстиции и генеральный прокурор Митчелл, а также многие деятели из персонала Белого дома. Однако характерно, что, несмотря на обнародование вопиющих фактов, заговорщики из правительства и послушные им исполнители либо отделались легким испугом, либо получили весьма условные наказания, да и то по совокупности за свершенные преступления в «уотергейтском деле». И это лишний раз свидетельствует о возведенных в закон беззакониях политического строя, который нынешний президент США Дж. Картер пытается выдать за эталон для других государств и народов, ведя свою демагогическую кампанию в «защиту прав человека» и тщательно скрывая, насколько прогнил рекламируемый им «товар».

Впрочем, пороки буржуазной демократии — явление, присущее не только Соединенным Шта-

•

там. И нарушения элементарных человеческих и гражданских прав отнюдь не ограничиваются одной тайной слежкой. В докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев подчеркивал, что «капитализм все нагляднее проявляет себя как общество без будущего. Его экономику хронически лихорадит. Технический прогресс выбрасывает за ворота предприятий такие массы рабочих, что это угрожает потрясением всей социально-политической системе. Бесперывно растут цены, проблемой номер один остается инфляция. Скандальные разоблачения темных политических махинаций, продажности, злоупотреблений властью, грубых нарушений закона со стороны наиболее высокопоставленных деятелей взрываются, как бомбы, то в одной, то в другой стране, демонстрируя разложение правящего класса»¹.

Американский буржуазный писатель и публицист Дэвид Уайз собрал в книгу факты о злоупотреблениях властью со стороны высших руководителей Соединенных Штатов, об открытых и систематических нарушениях прав американских граждан во имя всевластия капитала теми, кто должен их охранять в первую очередь. Вот один из эпизодов, приведенных в книге Д. Уайза «Американское полицейское государство. Правительство против народа», который помогает воссоздать широкую картину заокеанской «демократии».

Весной 1973 г. попытки Никсона замять «уотергейтское дело» явно стали терпеть неудачу. Юрисконсульт президента Джон Дин начал «раскалываться» в комиссии, занимавшейся расследованием. Каждый день приносил новые разоблачения. В Лос-Анджелесе провалился процесс, затеянный против Дэниела Элсберга, передавшего в печать секретные документы Пентагона (в них шла речь об эскалации американской агрессии во Вьетнаме. — *Авт.*). Дело пришлось прекратить, когда правительство было вынуждено признать,

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 6, с. 592.

что люди Белого дома в поисках порочащих материалов самочинно проникли со взломом в кабинет психиатра, консультировавшего Эллсберга, и что разговоры подсудимого подслушивало ФБР. К 15 мая 1973 г. в печать просочились сведения о том, что среди семнадцати жертв электронной слежки, санкционированной Белым домом, было четыре журналиста и тринадцать государственных служащих, главным образом штатных сотрудников возглавлявшегося Киссинджером Совета национальной безопасности. Президент утверждал, что разрешил подслушивание телефонных разговоров из соображений «национальной безопасности», дабы предотвратить утечку важной информации.

30 июня 1974 г. комиссия палаты представителей по вопросам процедуры приняла резолюцию, требующую «импичмента» (особая судебная процедура, применяемая в отношении президента и ряда других высших должностных лиц США, согласно которой палата представителей конгресса возбуждает уголовное дело, а сенат выносит приговор большинством в две трети голосов.— *Авт.*) президента за государственные и должностные преступления. Комиссия обвинила Никсона в злоупотреблении властью, выразившемся, в частности, в том, что, «нарушая или игнорируя конституционные права граждан, он поручал федеральным органам и их сотрудникам вести либо продолжать электронное наблюдение или другие виды слежки в целях, не связанных с национальной безопасностью».

В докладе палате представителей американского конгресса комиссия, перечисляя обвинения против Никсона, указала и на «подслушивание телефонных переговоров».

Перед сенатской комиссией выступил и Джо-зеф Крафт, который заявил:

— До сего дня не могу понять, почему меня выбрали в качестве объекта для слежки и надзора. Не ставилось ли при этом целью поймать в ловушку либо меня, либо кого-то другого, кто мог общаться со мной. Я твердо знаю лишь одно: чудовищу слежки дали вырасти, и если оно не

будет поставлено под контроль беспристрастных лиц, думаю, все мы падем его жертвой.

В интервью с автором цитируемой книги он заметил:

— Мы чертовски близко подошли к превращению в полицейское государство. Намного ближе, чем я считал возможным.

Стоит пояснить, что Крафт, как говорится, «никогда ранее ни в чем предосудительном замешан не был». Завоевав известность своими комментариями, он на протяжении многих лет регулярно публикует свою «колонку» примерно в 150 периодических изданиях США, получающих ее в централизованном порядке с помощью специальной службы; его обхаживают чиновники из госдепартамента и ЦРУ. И хотя Крафт осуждал безудержную эскалацию войны во Вьетнаме, а позже, случалось, выступал за сотрудничество с Советским Союзом, он ни в одном из своих комментариев даже не был близок к тому, чтобы замахнуться на устои американского капитализма.

Крафту суждено было открыть список «объектов» электронной слежки, однако «в одиночестве» оставался он очень недолго.

...Под ногами мягко шуршал теплый песок, роскошные пальмы окаймляли пляж, но красоты тропической природы, казалось, лишь подчеркивали неприятный характер разговора, который в полдень 9 мая 1969 г. вели двое мужчин в плавках, шагавшие по берегу. Одним из них был Генри Киссинджер, занимавший тогда пост помощника президента по вопросам национальной безопасности. В тот уик-энд он прилетел с Никсоном в Ки-Бискейн, штат Флорида, где находился «южный Белый дом», чтобы вместе с президентом поработать над его важной речью по вопросам вьетнамской политики, которую тот готовился произнести через несколько дней. Вторым был 30-летний Мортон Гальперин, один из тех способных молодых людей, которых Киссинджер набрал в штат Совета национальной безопасности. Гальперин также приехал во Флориду, чтобы принять участие в подготовке речи по Вьетнаму, но, разгу-

ливая с ним по пляжу, Киссинджер мог сообщить своему помощнику лишь неприятные новости.

В то утро оба прочитали в «Нью-Йорк таймс» сообщение Уильяма Бичера, корреспондента газеты, связанного с Пентагоном, о налетах бомбардировщиков Б-52 на Камбоджу. Эта информация поразила Белый дом, как гром среди ясного неба, ибо бомбардировки Камбоджи хранились в глубочайшей тайне. О них знала лишь горстка официальных лиц, включая тех двоих, что шагали по пляжу в Ки-Бискейне.

Налеты продолжались уже четырнадцать месяцев. За это время гигантские Б-52 совершили свыше 3800 боевых вылетов, обрушив более 108 тыс. т. бомб на страну, по отношению к которой американское правительство официально сохраняло нейтралитет. Разрушительные рейды авиации держались в секрете не от камбоджийцев, которые едва ли могли не заметить, как Б-52 уродовали их землю, а от мировой общественности и от американского народа, поскольку США фактически вели войну, а конституция наделила правом объявлять войну конгресс, а не президента или его помощника по вопросам национальной безопасности.

Кто же выдал тайну газетчикам? Подозрение пало на Гальперина. Будучи специалистом по Вьетнаму, он возражал против эскалации войны. Из-за своих политических убеждений — а он был членом демократической партии! — Гальперин пользовался «особым» вниманием со стороны Гувера. И Киссинджер позднее даже уверял, что взял его к себе вопреки яростным протестам директора ФБР.

И все же в Ки-Бискейне Мортону казалось, что он сумел убедить Киссинджера в своей непричастности к появлению сообщения в «Нью-Йорк таймс».

— Киссинджер предложил лишить меня доступа к наиболее секретным материалам, чтобы, если снова случится нечто подобное, он мог бы сказать: «Послушайте, Гальперин тут ни при чем, он об этом даже не знал», — рассказывал тот впоследствии. — Ведь и о бомбардировках я узнал

•

случайно, ибо не был связан с этой операцией, а просто оказался в кабинете Киссинджера, когда полковник Александр Хейг (ныне генерал, верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Западной Европе.— *Авт.*) вбежал туда с первым сообщением о налете.

Согласившись с предложением своего шефа, Гальперин не только не мог предполагать, что он уже никогда при Никсоне не получит доступа к секретной информации, но и не думал, что скоро его вообще заставят уйти с правительственной службы.

В 18 час. 20 мин. того же дня в кирпичном доме в пригороде Вашингтона зазвонил телефон. Мортону Гальперину было о чем поделиться с женой после возвращения с прогулки по пляжу в обществе «партнера». Но в тот самый миг, когда Айна Гальперин сняла трубку в доме № 8215 по Стоун-Трейл-драйв, в 16 км от него, на коммутаторе, расположенном в старом здании почтамта в центре Вашингтона, замигал красный сигнал. Сидевший за пультом агент ФБР быстро вставил штекер в гнездо и натянул на голову наушники...

Разумеется, Гальперин тогда не мог знать, что в тот день еще до их прогулки его друг и бывший коллега по преподаванию в Гарвардском университете Генри Киссинджер успел несколько раз поговорить по телефону с Эдгаром Гувером в Вашингтоне, который и пустил в ход механизм подслушивания.

На следующее утро, в субботу 10 мая, у Билла Салливэна (заместителя директора ФБР по вопросам контрразведки, недавно погибшего на охоте при загадочных обстоятельствах.— *Авт.*) в ФБР появился полковник Александр Хейг, который незаметно, но быстро становился одним из незаметных подручных Генри Киссинджера. А когда нахлынуло половодье «уотергейтского дела», он до конца сохранил верность Никсону.

После визита Хейга в ФБР Салливэн, чтобы зафиксировать состоявшийся разговор, написал памятную записку, где отметил, что Хейг потребовал «от имени самых высокопоставленных лиц»

осуществления надзора техническими средствами за четырьмя правительственными служащими, в том числе за Хельмутом Сонненфелдтом (позже он стал советником по вопросам национальной безопасности, заняв пост Киссинджера. — *Авт.*). Его дом располагался всего в четырех кварталах от Белого дома, так что записям разговоров Сонненфелдта не приходилось проделывать долгий путь, чтобы попасть на стол Киссинджера, который, как и Сонненфелдт, в свое время бежал от ужасов режима фашистской Германии под защиту «конституционной демократии» США.

В списке Хейга значилось также имя полковника Роберта Персли, помощника по военным вопросам у Мелвина Лэйрда, министра обороны в правительстве Никсона и отъявленного «ястреба». Лэйрд был уверен, что его собственный телефон не подслушивается, поскольку он регулярно справлялся об этом в Агентстве национальной безопасности, и его каждый раз заверяли, что все в порядке. Но он пришел в ярость, когда много лет спустя узнал о подслушивании разговоров Персли, поскольку беседовал со своим помощником по телефону по нескольку раз в день.

На заседании Совета национальной безопасности, рассказал Лэйрд в одном из газетных интервью, он рекомендовал бомбардировки Камбоджи, но настаивал, чтобы это решение было предано гласности.

— Я рекомендовал разбомбить убежища. Я придерживался мнения, что эту операцию просто было бы невозможно сохранить в тайне, — подчеркнул Лэйрд.

В результате, когда 9 мая в «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение Бичера, президент и Киссинджер заподозрили в передаче этой информации журналисту... министра обороны.

«Лэйрд, разумеется, в 1969 году не знал, — пишет автор книги «Американское полицейское государство. Правительство против народа», — что Киссинджер через Хейга дал указание ФБР об организации подслушивания телефонных разговоров его помощника».

Вслед за этим Хейг потребовал от ФБР организовать подслушивание телефонных разговоров еще двух его коллег по Свету национальной безопасности. Затем он обратился с просьбой к ФБР «поставить на подслушивание» еще одного газетчика. Названное им имя фигурировало в «уотергейтском деле» лишь под инициалами П. П. Это был англичанин Генри Брэндон, возможно, самый авторитетный из иностранных корреспондентов, аккредитованных в американской столице. Интерес к нему достиг апогея в августе 1969 г., когда ФБР стало известно, что он обедал вместе с Мортоном Гальпериним.

Когда в «Нью-Йорк таймс» за подписью известного журналиста Хедрика Смита появилось еще одно сообщение о Южном Вьетнаме, обеспокоившее Киссинджера, он потребовал организации подслушивания телефонных переговоров и этого корреспондента.

В совместном докладе по вопросам подслушивания трех сенатских подкомиссий, представленном в 1974 г., говорилось: «Подслушивались разговоры самого президента, когда тот беседовал с лицом, за телефоном которого велось наблюдение».

30 апреля 1970 г. Никсон начал авантюру в Камбодже, развязав необъявленную войну. Вторжение американских войск в эту страну вызвало массовые демонстрации молодежи по всей Америке и привело к трагедии в Кентском университете, где четыре студента, протестовавшие против политики Вашингтона, были застрелены национальными гвардейцами. Президент со свойственным ему двуличием уверял страну, будто эту акцию нельзя назвать вторжением.

Резонанс в стенах Белого дома и вне его вызвал новый пароксизм мании подслушивания. Казалось, Никсон и его ближайшее окружение считали: стоит только подсоединиться к достаточному числу телефонных проводов и окружить Белый дом кольцом автобусов, чтобы отгородиться от антивоенных демонстраций и нараставшей волны народного гнева, — и все проблемы будут решены. За 13 дней с начала вторжения в Камбоджу было

организовано прослушивание еще 6 телефонов. 13 мая 1970 г. Никсон встретился в Белом доме с Гувером. Он был озабочен одним: как бы сведения о подслушивании не просочились в печать. Поэтому было решено... нет, не отказываться от слежки, а просто направлять все резюме телефонных разговоров только Холдеману.

Атмосфера, царившая у Белого дома в начале мая, напоминала, что он является крепостью в осаде, повествует Д. Уайз. Даже много времени спустя рассказы людей президента об антивоенных демонстрациях в Вашингтоне наводили на мысль, что автобусы, кольцом окружившие Белый дом, были не только символом. Люди внутри, во всяком случае некоторые из них, опасались не столько за безопасность США и президента, сколько за собственную шкуру. Во время массовой демонстрации 9 мая у ограды Белого дома стояли войска.

«Только психологией осадного положения можно объяснить то, что тогда творилось, — цитируем мы книгу. — Аверелл Гарриман — один из наиболее известных американских дипломатов, старейший государственный деятель, которого едва ли можно отнести к разряду «подрывных элементов». Однако стоило ФБР узнать из подслушанного телефонного разговора бывшего посла США в Лаосе Уильяма Салливэна, что в доме Гарримана должно состояться собрание противников политики правительства в Камбодже, как оно отреагировало в классических традициях тайной полиции: организовало слежку за домом Гарримана в пригороде Вашингтона».

Подслушивание по указанию «самого» телефонных разговоров кончилось в феврале 1971 г. Но это не означало прекращения слежки за ближайшими сотрудниками президента. Наоборот, она вступила в новый этап. И об этом свидетельствует книга «Американское полицейское государство. Правительство против народа»: «Тайна о «телефонном надзоре» осталась в глубине как опасный риф, готовый обнажиться, лишь только начнется отлив. Секрет был известен и президенту, и Киссинджеру,

и Хейгу, и Гуверу. Знали его и некоторые другие лица в Белом доме и ФБР. После «Уотергейта» отлив все ускорял темп, и риф, по крайней мере его уродливая верхушка, показался на поверхности. В конечном итоге материалы о прослушивании 17 телефонов вошли в заключение об «импичменте», которое вынудило Никсона покинуть Белый дом. Интересно отметить, что 14 февраля 1971 г. через четыре дня после того, как было прекращено прослушивание последнего из 17 телефонов, Никсон установил секретную систему магнитофонной записи разговоров в Овальном кабинете, где работает сам президент.

Между тем прослушивание 17 телефонов не было вызвано необходимостью и в конечном итоге оказалось бесполезным. В то же время с политической точки зрения за него пришлось очень дорого заплатить».

Когда в феврале 1973 г. кампания, имевшая целью замять «уотергейтское дело», была в полном разгаре, со всей остротой встал вопрос: как скрыть факт подслушивания, проводившегося столько времени? Никсон явно боялся, что тайна вот-вот выплывет наружу.

Первое вторжение со взломом и установка подслушивающих устройств 28 мая 1972 г. в помещении национального комитета демократической партии, разместившегося в комплексе «Уотергейт», и поимка взломщиков во время повторного вторжения 17 июня дали толчок цепной реакции, которая в конце концов привела к разоблачению тайных акций, проводившихся Белым домом. Среди них фигурировали и вторжения со взломом, и слежка за «неблагонадежными», организованная с помощью ЦРУ, ФБР и других федеральных разведывательных и следственных органов, и составление списков «врагов», и получение незаконных пожертвований в фонды предвыборных кампаний, и взятки с укрывательством преступников, и мошенничество и махинации, и злоупотребления властью, для перечисления которых не хватило бы и целой книги. Все это всплыло на свет в период, когда печать и комиссии конгресса, иногда

при содействии некоторых недовольных членов федерального бюрократического аппарата, продолжали копаться в развалинах «Уотергейта».

Осенью 1972 г. и в первые месяцы 1973 г. Белый дом предпринимал еще отчаянные попытки, чтобы остановить разоблачение. Но полное отрицание того, что подслушивание телефонных разговоров когда-либо имело место ложь, соучастником которой стал и сам президент, не «сработали». Слишком много людей знало тайну, и цепная реакция продолжалась.

11 мая 1973 г. Киссинджер устроил в Белом доме пресс-конференцию, в ходе которой репортер спросил его о подслушивании разговоров Гальперина:

— Знали ли вы в то время, когда это происходило, что домашний телефон одного из ваших сотрудников прослушивается, и получали ли вы какую-либо информацию на основании этого подслушивания?

Нервничая, Киссинджер пустился в долгое, двусмысленное объяснение — классический образец официальной лжи.

— Должен сказать со всей беспристрастностью, — заявил Киссинджер, — что я не буду касаться отдельных случаев, отмечу лишь, что мы попросили директора Федерального бюро расследований представить полный отчет об операциях, и он сделает это.

И ФБР представило отчет, 14 мая один из его руководителей созвал пресс-конференцию, на которой информировал собравшихся, что материалы подслушиваний найдены и изъяты. Отвечая на вопросы, он сказал, что попытка помешать утечке информации с помощью подслушивания подозреваемых лиц была предпринята после обсуждения этого вопроса в 1969 г. Кто его обсуждал? Гувер и Киссинджер. Так впервые было официально упомянуто имя Киссинджера как одного из инициаторов электронной слежки. Дело было подброшено, подобно нежеланному подкидышу, к его дверям. Но Киссинджер не замедлил отречься от «отцовства».

«Скромность» Киссинджера в объяснении своей роли никого не удовлетворила...

— Это для меня вопрос чести, — объявил государственный секретарь на другой пресс-конференции. — Я постоянно стремился, быть может, и не всегда успешно, придерживаться определенных принципов в своей жизни. Если я не смогу следовать этим принципам, я уйду из общественной жизни. Я считаю подслушивание отвратительным, — продолжал он. — Очень больно подслушивать людей, с которыми тесно связан.

Заявление, вызвавшее в Вашингтоне сенсацию, Киссинджер заключил словами:

— Я не считаю возможным руководить внешней политикой Соединенных Штатов в условиях, когда репутация государственного секретаря становится предметом обсуждения. И если этот вопрос не будет разрешен, я уйду в отставку.

При этом он поторопился добавить, что откажется от своей угрозы, если сенатская комиссия по иностранным делам очистит от подозрений его имя. Он уже направил ее членам письмо, официально требуя обсуждения всей своей деятельности на государственных постах, и будет только рад предстать перед комиссией в качестве свидетеля...

«Это был смелый и хитро рассчитанный ход, — считает Дэвид Уайз. — Вот уже больше года в политической жизни Америки доминировал «Уотергейт». Ричард Никсон выглядел в глазах американцев руководителем с запятнанной репутацией, дело о его «импичменте» близилось в палате представителей к завершению. Коррупция, разъедающая Америку изнутри, наносила ущерб и ее авторитету за рубежом. Миллионы простых американцев, даже те, кто голосовал за Никсона, были приведены в замешательство и возмущены деяниями президента. Лишь один человек из высокопоставленных лиц вышел из всех скандалов почти незапятнанным — Генри Киссинджер».

Настроения, царившие в Вашингтоне, выразил член палаты представителей Трент Лотт, республиканец из Миссисипи, входивший в состав комис-

сии по вопросам процедуры. Говоря о Киссинджере, Лотт заявил:

— Даже если они (подслушивания) велись по его указанию, что здесь такого? Какое это имеет значение, если нам грозит потеря одного из лучших людей в правительстве?

Сенатская комиссия по иностранным делам заседала в июле за закрытыми дверями в течение пяти дней, снова допрашивала Киссинджера, но ее члены единогласно проголосовали за снятие с Киссинджера всяких подозрений в обмане сенаторов относительно его роли в организации подслушивания телефонных разговоров. Комиссия пришла к выводу, что спор носит лишь «семантический характер». Но доклад комиссии по иностранным делам не привлек особого внимания. Это была неделя, когда президент Никсон подал в отставку.

Два года спустя, защищая «киссинджеровское подслушивание» при рассмотрении судебного иска, поданного Муртоном Гальпериным, представители правительства пытались оправдать подслушивание тем, что речь могла идти о борьбе с иностранной разведкой. От имени Киссинджера и других представитель министерства юстиции утверждал, что в случае утечки секретных сведений враги страны, «купив газету, оказывались посвященными в ход мыслей главы государства» и могли получить секретную информацию, не прибегая к шпионажу.

Другими словами, правительство пыталось доказать, что разговоры журналистов и официальных лиц можно подслушивать только потому, что «Нью-Йорк таймс» читают в Москве. Это весьма опасная доктрина, ибо она практически означает, что американские официальные лица, отвечающие на вопросы корреспондентов, являются подручными иностранных разведок. Отсюда следует логический вывод: правительство вольно шпионить, подслушивать или осуществлять надзор за любым репортером, освещающим вопросы внешней политики или обороны, за любым правительственным служащим. Следовательно, Билль

о правах, являющийся частью конституции США, теряет реальное значение.

Вот вывод, который делает автор этой книги:

«Случаи подслушивания телефонных разговоров незаконны и противоречат конституции. Но даже если отбросить вопрос о законности подобных операций, можно с уверенностью сказать, — это грязное дело, свидетельствующее о вопиющем злоупотреблении властью.

Ричард Никсон не первый президент, занимавшийся тайным подслушиванием под предлогом обеспечения «национальной безопасности». Его операция всплыла на свет лишь случайно из-за «Уотергейта». До Никсона сообщения о подслушиваниях при других президентах время от времени появлялись в печати...

Однако признать, что и другие президенты организовывали подслушивание, — не значит оправдать Ричарда Никсона. По всей видимости сам факт противозаконного использования полицейских сил государства для подавления свободы мысли и свободы печати не тревожил никого в правительстве.

Это может произойти снова и, возможно, уже происходит. В 1975 году Эрни Белтер, подключавшийся к телефону Гальперина, ушел на пенсию и с неохотой вспоминает о своей карьере специалиста по подслушиванию, однако нет причин полагать, что коммутатор на прежнем месте работы этого агента не готов к действию и красные сигналы не мигают и в данный момент...»

Уотергейтский скандал, приведший к позорной отставке президента, всплывшие наружу вопиющие злоупотребления властью, цинизм и чувство вседозволенности, которые были характерны для деятельности Никсона и его окружения, стали своеобразным апофеозом попрания американской «демократии» и прав граждан, которые «гарантированы» так называемым Биллем о правах. Однако американская действительность свидетельствует: права в стране попираются каждодневно. И не только отдельных личностей, но и целых народов — негров, индейцев, пуэрториканцев; больших

социальных групп населения — молодежи, женщин; подрываются основы деятельности общественных организаций — негритянских, студенческих, женских и т. п., разрешенных законом политических партий, профсоюзов.

«Внутренний шпионаж» и репрессии под видом деятельности по обеспечению национальной безопасности и борьбы против «подрывных элементов» стали частью повседневной жизни и приобрели колоссальные масштабы. Они направлены против всего американского народа. Уотергейтский скандал и последовавшие за ним другие разоблачения нарушений элементарных норм законности вызвали взрыв возмущения, который последовал, когда тайное стало явным, и заставили конгресс Соединенных Штатов заняться рассмотрением положения дел в этой области, тем более что вскрылись факты тайной слежки за членами высшего законодательного органа страны — сенаторами и конгрессменами, оказавшимися «под колпаком» ФБР и ЦРУ. Специальная подкомиссия сената по изучению деятельности правительственных разведывательных органов подготовила доклад «Разведывательная деятельность и права американцев», основанный на изучении документации Федерального бюро расследований, Центрального разведывательного управления, разведывательных органов Пентагона, многочисленных донесений агентов, внутренних приказов и инструкций, заявлений руководителей этих ведомств. Этот доклад рисует далеко не полную картину нарушения прав человека в Соединенных Штатах, ибо его авторы явно не старались вывести на чистую воду всех нарушителей, а главное — вдохновителей беззакония, стремились как можно реже называть вещи своими именами. Тем не менее, читая этот документ, можно сделать вывод: факты попрания политических и гражданских прав человека в Соединенных Штатах стали системой, они исчисляются миллионами. Впрочем, в этом можно убедиться, ознакомившись с выдержками из доклада «Разведывательная деятельность и права американцев», опубликованного в качестве официального доку-

•

мента конгресса США. Итак, перед вами документ.

«В январе 1975 года сенат конгресса США принял решение создать комиссию для расследования и изучения деятельности правительства в области разведки, а также причастности ведомств федерального правительства к незаконной, неподобающей и неэтичной деятельности, если таковая имела место.

Расследование строилось таким образом, чтобы ответить на следующие вопросы:

— Какие государственные учреждения принимали участие во внутреннем шпионаже?

— Сколько американских граждан стали объектом разведывательной деятельности со стороны правительства?

— Какими нормами определялось начало и прекращение расследований разведывательного характера?

— В какой мере собранные сведения включали интимные подробности личной жизни объектов расследования или их политические взгляды; использовалась ли подобная информация для нанесения ущерба гражданам?

— Какие действия предпринимали разведывательные ведомства, помимо слежки, — например, попытки дискредитации или уничтожения отдельных лиц или групп, ставших объектами слежки?

— Действовали ли разведывательные ведомства в нарушение закона? Как в принципе относилось разведывательное сообщество (так в США называют ведомства, занимающиеся слежкой и шпионажем. — *Авт.*) к законности?

Ответ на каждый из этих вопросов вызывает тревогу. Слишком много граждан стали объектами шпионажа. Слишком много государственных ведомств занимались этим шпионажем. Было собрано слишком много информации. Правительство часто осуществляло негласную слежку за гражданами в силу их политических убеждений, причем даже в тех случаях, когда эти убеждения не представляли угрозы насилия или незаконных дейст-

вий в интересах какого-либо враждебного иностранного государства.

Действуя главным образом через тайных осведомителей и используя также другие методы вторжения в частную жизнь — прослушивание телефонных разговоров, установку подслушивающих устройств, тайную проверку корреспонденции, проникновение в помещения, — правительство накопило огромное количество информации о личной жизни, взглядах и связях американских граждан. В течение десятилетий осуществлялось расследование деятельности не только организаций и групп, которые считались потенциально опасными, но и тех, которые лишь подозревались в контактах с потенциально опасными организациями.

Основой для начала слежки служили нечеткие и туманные нормы. При проведении операций использовались порочные методы, в том числе попытки разрушать семьи, срывать встречи или собрания, подвергать людей профессиональному ostrакизму, провоцировать различные инциденты, чреватые смертельным исходом.

Деятельность разведывательных ведомств служила политическим и личным интересам президентов и других высокопоставленных лиц. Наряду с многочисленными случаями превышения власти под нажимом высокопоставленных лиц в правительстве и конгрессе эти ведомства периодически проводили противозаконные операции по собственной инициативе, а затем скрывали их от официальных лиц, которых надлежало ставить об этом в известность».

Следовательно, печально вздыхали авторы доклада, «официальные государственные лица, в том числе те, кто прежде всего обязаны проводить законы в жизнь, сами нарушали их или пренебрегали ими в течение длительного времени. Органы исполнительной власти не определяли границы допустимой деятельности, не создавали системы контроля над разведывательными ведомствами. Конгресс также не установил достаточного надзора, редко проявлял интерес к тому, как используются выделяемые им средства. Большинство случаев

разведывательной деятельности внутри США не попадало в поле зрения судебной системы, а когда судебным властям все же приходилось сталкиваться с этими вопросами, они всячески стремились обойти их стороной».

Каждый из этих выводов комиссия подтверждала фактами.

«Разведывательные ведомства Соединенных Штатов расследовали деятельность большого числа американских граждан и организаций, — гласит далее доклад, — только в центральном аппарате ФБР накопилось более 500 тысяч индивидуальных дел по линии внутренней разведки, помимо материалов местных отделений ФБР. Лишь в 1972 году ФБР было заведено 65 тысяч новых дел. Практически в поле зрения разведки попало гораздо больше людей и организаций, чем имеется дел, поскольку каждое дело по линии внутренней разведки содержит информацию более чем на одного человека или организацию».

Число отдельных американских граждан и организаций, к которым проявила интерес внутренняя разведка, иллюстрируется следующей статистикой:

«В 1953—1973 годах Центральным разведывательным управлением было вскрыто и сфотографировано около 250 тысяч писем. На этой основе ЦРУ составило информационный индекс на 1,5 миллиона фамилий.

В ходе «Операции ХАОС», проводившейся ЦРУ в 1967—1973 годах, около 300 тысяч человек было занесено в автоматизированную информационную систему ЦРУ. Отдельные дела были заведены примерно на 7200 американцев и более чем на 100 организаций.

По секретной договоренности Агентства национальной безопасности (АНБ) с тремя телеграфными компаниями США в период 1947—1975 годов достоянием АНБ стали миллионы личных телеграмм, направленных или из США, или в США, или через США.

Подсчитано, что с середины 60-х годов по 1971 год разведка армии США завела отдельные досье примерно на 100 тысяч американцев.

В 1969—1973 годах внутренняя налоговая служба США завела досье более чем на 11 тысяч граждан и организаций; налоговые расследования чаще всего проводились по политическим признакам, а не по прямой компетенции этой службы.

Одно время по меньшей мере 26 тысяч человек были занесены ФБР в списки лиц, подлежащих задержанию в случае «чрезвычайных государственных обстоятельств».

Эти факты — обвинительный приговор «демократии» Вашингтона. Благодаря публикации доклада конгресс официально подтвердил совершение правительственными организациями преступлений против американского народа. Разведывательные ведомства собирали массу информации об интимных подробностях жизни граждан, их участии в политической деятельности. Среди объектов разведывательной деятельности были не только активисты, но и рядовые члены различных организаций. Расследования нацеливались на участников движений, связанных с расовой проблемой и правами женщин, на ведущих сторонников ненасильственных действий и «расовой гармонии», на лояльных политических деятелей и на религиозные организации. Среди них оказались даже Христианский фронт и Христианская мобилизация, возглавлявшиеся священником Кофлином, а также известный своей консервативностью Американский совет христианских действий во главе со священником Макинтайром.

Каковы же были методы сбора информации?

Так, осведомители, внедренные в «Движение за освобождение женщин», собирали данные о его программе и действиях, лидерах и отдельных членах. В одном из их сообщений приводились фамилии всех женщин, посещавших собрания; в другом говорилось, как каждая на одном из собраний рассказывала о дискриминации, которой она подверглась. В третьем содержался вывод о том, что целью движения является «освобождение женщин от оупляющего однообразия жизни». Вместе с тем в этом же документе содержалась рекомендация продолжать расследование по линии разведки.

Чем же еще занималась заокеанская охранка?

— Один из руководителей движения за гражданские права, соратник Мартина Лютера Кинга, был подвергнут расследованию по подозрению в том, что он может «сочувствовать» коммунистам. Местное отделение ФБР пришло к заключению, что это не соответствует действительности. Однако из штаб-квартиры ФБР последовало указание о продолжении расследования на основании презумпции виновности — «виновен, пока не доказана невиновность».

— В ряде случаев расследование деятельности различных организаций продолжалось десятилетиями. Например, под надзором находилась Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения на предмет «выявления возможных связей с Коммунистической партией США», хотя лидеры этой ассоциации всегда относились к числу «умеренных».

— В поле зрения разведывательных организаций оказались известные всей стране политические деятели. Так, разведка армии США вела досье на сенатора Стивенсона и члена палаты представителей Микву на том основании, что они принимали участие в митингах и разных собраниях. Когда Р. Никсон баллотировался на пост президента в 1968 году, одно из адресованных ему писем было перехвачено ЦРУ. В 60-х годах президент Джонсон обращался к ФБР с запросом о сопоставлении заявлений ряда сенаторов по Вьетнаму с позицией Коммунистической партии США, а также поручал провести проверку личностей ведущих сенаторов, выступавших против вьетнамской авантюры.

Разведывательные ведомства армии США проводили следующие мероприятия в рамках программы сбора «косвенной информации» относительно лиц или организаций, принимающих активное участие в деятельности, которая потенциально способна вызвать «гражданские беспорядки»: направляли агентов на религиозный праздник в начальную школу в Вашингтоне, поскольку там ожидалось появление «инакомыслящего»; фиксировали заявления протеста женщин-матерей в Милуоки,

получавших пособия по социальному вспомоществованию; внедряли своих людей в ассоциацию молодежных религиозных организаций в штате Колорадо; направляли агентов на конференцию священников в Вашингтоне, где обсуждались меры по контролю над рождаемостью.

В конце 60-х — начале 70-х годов объектом самого тщательного наблюдения стали студенческие организации.

Перед агентурой ФБР была поставлена задача расширить усилия по дискредитации студентов из движения «Новые левые», которые участвовали в антивоенных демонстрациях, членов организаций «Студенты за демократическое общество», «Союза студентов-негров» и других им подобных. При этом использовались такие методы, как публикация сомнительных фотографий (в меморандуме штаб-квартиры ФБР указывалось, что «должны, естественно, использоваться фотографии наиболее негативного характера»), дезинформация (с целью ложного оповещения об отмене мероприятий), клеветнические письма родителям студентов.

Разведывательный отдел ФБР при этом тенденциозно подбирал — точнее, подтасовывал — данные о том, что находящиеся под наблюдением «подрывные» организации «стремятся оказать воздействие или контролировать другие группы». Одним из примеров всеобъемлющего характера этой «теории инфильтрации» явилась инструкция штаб-квартиры ФБР, направленная всем местным отделениям в середине 60-х годов, о расследовании деятельности всех университетов, поскольку некоторые из них якобы попали под влияние подрывных элементов.

«Расследование комиссии, — констатируется далее в докладе «Разведывательная деятельность и права американцев», — выявило факты тайных операций против американцев, а также использование незаконных и неподобающих методов для сбора информации. Некоторые примеры:

— Программа контрразведки ФБР — «КОИНТЕЛПРО» — была рассчитана на «подрыв» организаций и «нейтрализацию» граждан, в кото-

рых видели угрозу для внутренней безопасности. При этом многие из методов ФБР никоим образом не соответствовали нормам «свободного общества». Тактика «КОИНТЕЛПРО» включала следующее:

— Анонимные нападки на политические взгляды определенных лиц с целью вынудить предпринимателей лишиться этих лиц работы.

— Анонимные письма женам или мужьям объектов разведывательной деятельности с целью разрушения семейных отношений.

— Анонимно и необоснованно называть осведомителями ФБР членов ряда радикальных организаций, создавая тем самым предпосылки для изгнания этих лиц из соответствующих групп и провоцируя физическое насилие в их отношении.

— Главарю уличной шайки в Чикаго, которая характеризовалась «склонностью к насильственным действиям», было направлено анонимное письмо, где говорилось, что партия «Черные пантеры» «доберется до него». Авторы письма рассчитывали, что письмо спровоцирует уличную банду на ответные действия».

А вот одна из самых позорных операций ведомства Гувера. С конца 1963 г. и до его убийства в 1968 г. объектом интенсивной кампании со стороны ФБР был Мартин Лютер Кинг, которого стремились нейтрализовать как активного руководителя движения за гражданские права. «Дозволено было все», — заявил человек, отвечавший за «войну» ФБР против Кинга.

Дискредитировать Кинга как лидера движения за гражданские права ФБР стремилось с помощью деятелей администрации, лидеров конгресса, глав иностранных государств, послов США, а также представителей университетов, церкви, прессы. Добавим: речь шла о преследовании человека, имя которого было знакомо всему человечеству, а заслуги оценены присуждением Нобелевской премии мира.

ФБР не останавливалось ни перед какой гнусностью. Так в попытке ошельмовать Кинга, разрушить отношения в его семье и более того — дове-

сти до самоубийства с помощью шантажа, ФБР направило ему магнитофонную пленку с подслушанным и тайно записанным личным разговором. К ней была приложена подлая записка, авторы которой предлагали Кингу покончить с собой еще до получения Нобелевской премии.

Убийство Мартина Лютера Кинга официально приписывают уголовнику-одиночке Рею. Однако ни для кого не является секретом, что он в лучшем случае был исполнителем чужой воли — воли американской охранки, которая вынесла ему приговор еще в 1963 г.

Тогда, 28 августа 1963 г. состоялся вошедший в историю США «поход на Вашингтон» — массовая четвертьмиллионная манифестация в поддержку борьбы за гражданские права негритянского народа. Руководителем этого крупнейшего выступления был Кинг. Со ступенек памятника-мавзолея Авраама Линкольна он произнес знаменитую речь «Есть у меня мечта». Кинг закончил ее словами старинного религиозного гимна негров, которые позже были выбиты на его надгробии: «Свободен наконец. Свободен наконец. Спасибо, боже всемогущий, я свободен наконец!»

Именно тогда отдел внутренней разведки ФБР сделал вывод, что «эта демагогическая речь свидетельствует: Кинг — наиболее опасный и самый активный негритянский лидер в США». Через несколько дней после этого ФБР приняло решение расправиться с Кингом — «сбросить его с пьедестала, полностью искоренить его влияние».

В начале 1968 г. штаб-квартира ФБР разъяснила местным отделениям, что с Кингом как с политической фигурой должно быть покончено, ибо он является лидером, способным «объединить и гальванизировать националистическое движение черных». ФБР видело в Кинге потенциальную угрозу; считалось, что он может «выйти за пределы своей лояльности доктринам белых либералов».

Однако вернемся опять к докладу сенатской подкомиссии:

«Слежка за американцами не только далеко выходила за границы разумного, но и часто осуществ-

влялась незаконными или неподобающими методами. Характерны следующие примеры:

— В течение примерно 20 лет ЦРУ осуществляло программу просмотра почтовой корреспонденции. Аналогичную программу проводило и ФБР до 1966 г. Однако после этого ФБР продолжало получать от ЦРУ данные просмотра корреспонденции. В 1970 г. главы обоих ведомств в одном из документов, адресованных президенту США Никсону, признали, что просмотр почты имеет незаконный характер. Однако они пошли на сознательную ложь, заявив, что подобная практика прекращена. В документе предлагалось возобновить ее на том основании, что она приносит полезные результаты. Первоначально президент утвердил новую программу, но через пять дней аннулировал свое согласие. Так или иначе, но просмотр корреспонденции продолжался. В течение всего этого времени официальные лица ЦРУ отдавали себе отчет в незаконности подобных операций, но их тревожила лишь «возможность скандала».

— С 1942 года по май 1975 года Агентство национальной безопасности получало от международных телеграфных компаний миллионы телеграмм, которые американские граждане посылали, полагая при этом, что они не попадут на чужие глаза.

В числе многих других объектами расследования были: члены палаты представителей США, сотрудники аппарата конгресса, журналисты, различные группы и организации, которые не занимались никакой преступной деятельностью и не представляли реальной угрозы для национальной безопасности.

Со времени второй мировой войны разведывательные ведомства практиковали проникновение в служебные помещения или частные жилища без соответствующего ордера. В ряде случаев это делалось с целью установки микрофонов; в других — задачей ставилось похищение списков членов организаций, которые ФБР считало «подрывными».

Наиболее распространенным методом слежки было использование осведомителей. Выборочный анализ фактов внутреннего шпионажа показывает,

что к их услугам ФБР прибегало в 83 процентах случаев».

Официальные лица разведывательных ведомств нередко признавали незаконный характер тех или иных видов деятельности, но они опасались только «возможности скандала, если эти действия будут раскрыты», а законностью и конституцией просто-напросто пренебрегали. Очень характерны в этом отношении показания в комиссии некоего Хастона, из которых приведем лишь два вопроса и ответы на них.

— Нашелся ли кто-нибудь, кто бы сказал, что предлагаемые действия, — а вы уже квалифицировали их как незаконный просмотр корреспонденции, проникновения в помещения, похищения, — нашелся ли кто-нибудь, кто бы сказал, что эти действия недопустимы, поскольку они противоречат конституции?

— Нет.

— Нашелся ли кто-нибудь, кто бы сказал, что эти действия недопустимы, поскольку они незаконны?

— Нет.

В принципе то же самое заявил на слушаниях в конгрессе один из руководителей ФБР, который в течение 10 лет возглавлял отдел разведки:

— Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь задавался вопросом: не противоречат ли законности в целом, конкретному законодательству, этике или морали те действия, которые мы решили предпринять? Мы никогда не интересовались этим аспектом.

Перед лицом столь очевидных разоблачений авторы доклада «Разведывательная деятельность и права американцев» вынуждены были пойти на некоторые обобщения. Мы вновь цитируем доклад: «Подавляющее большинство нарушений, допускавшихся в течение длительного времени, в значительной мере объясняется тем обстоятельством, что президенты и другие высокопоставленные деятели государственного аппарата, включая министров юстиции, фактически отказывались от выполнения своей конституционной обязанности — уста-

навливать границы разведывательной деятельности.

Конгресс зачастую не осуществлял эффективного контроля, а в ряде случаев принимал законы, которые разведывательные ведомства понимали как поощрение их операций. С другой стороны, выявились случаи, когда разведывательные ведомства скрывали недопустимую деятельность от своего руководства в правительстве и от конгресса.

Комиссия рассмотрела некоторые последствия разведывательных операций. Иногда урон был явным — разрушенная семья, потеря друзей, утрата работы. Иногда тенденциозная разведывательная информация оказывала воздействие на общественное мнение и подход официальных лиц, определяющих политику. Однако больше всего страдали свобода и частная жизнь граждан, которые должна охранять наша конституция и которые в широком масштабе нарушали правительственные учреждения».

В середине 50-х годов, когда ФБР начало осуществление программы «КОИНТЕЛПРО», о которой упоминалось выше, в центре внимания стали операции по подрыву и дискредитации деятельности Коммунистической партии США. Впоследствии ФБР расширило ее рамки за счет операций по дискредитации антивоенных организаций, в которых участвовали коммунисты, но которыми они не руководили.

В ходе «холодной войны» поход правительства против коммунистов получил благословение в решениях Верховного суда США и законах конгресса. Например, во время войны в Корее на основании закона Смита Верховный суд поддержал решение нижестоящих инстанций о признании руководителей коммунистической партии виновными «в заговоре с целью насильственного изменения формы правления». Суд обосновал это решение «конспиративной природой Коммунистической партии США и ее идеологическими связями с Советским Союзом».

Стремление ФБР придать законность хотя бы некоторым аспектам его внутренней разведыва-

тельной деятельности подкреплялось несколькими законодательными актами. Конгресс в 1950 г. принял закон о внутренней безопасности. Им предусматривался «контроль над подрывной деятельностью», для чего требовалась регистрация членов коммунистических организаций и членов «сочувствующих» им групп. В законе указывалось, что коммунистическая партия является «дисциплинированной организацией, действующей под контролем Советского Союза с целью установления в США диктатуры советского типа». В 1954 г. конгресс пошел еще дальше — был принят закон о контроле над коммунистами, в котором было записано, что коммунистическая партия «не может претендовать ни на какие права, привилегии и иммунитеты, распространяющиеся на организации, находящиеся под юрисдикцией законодательства Соединенных Штатов». Это была откровенная охота на коммунистов.

«Комиссия пришла к выводу, что внутренняя деятельность разведывательного сообщества периодически нарушала конкретные законы и посягала на конституционные права американских граждан, — говорится в документе сенатской подкомиссии. — В других случаях законностью сознательно пренебрегали, исходя из того, что эти программы обеспечивают национальную безопасность, к которой законность не относится. Вместе с тем комиссия считает, что наиболее серьезные нарушения своего долга допускали именно руководители разведывательных ведомств, которые несли ответственность за контроль над разведывательными действиями и которые не обеспечили соблюдения закона в целом.

Характерно, что самые высокопоставленные официальные лица правительства, которые были обязаны осуществлять контроль за деятельностью разведывательного сообщества, иногда сами давали ход силам, допускавшим беззаконие. Окончательную ответственность за возникшую атмосферу вседозволенности следует возложить на них».

ФБР приобрело огромную власть в силу своей способности собирать информацию без действ-

ных ограничений. Это не могло не привлекать политических деятелей, для которых открывалась возможность использовать в своих целях информацию об «инакомыслящих» и критиках.

Снабжая информацией Белый дом и своих сторонников в конгрессе — иногда по их прямому запросу, а иногда и по собственной инициативе, — ФБР укрепляло собственные позиции в американской политической системе.

Среди членов конгресса США широко распространилось мнение о том, что ФБР располагает информацией на каждого из них. В этой связи член палаты представителей Богс говорил:

— Мы оставались безвольными здесь, в конгрессе; мы хранили молчание здесь, в палате представителей; мы страшились говорить открыто за пределами конгресса, и на этой почве взошли семена тирании, создающей угрозу конституции и Биллю о правах, которые каждый из нас поклялся отстаивать.

Итак, сказанное в докладе сенатской подкомиссии, которая отнюдь не стремилась «копать глубоко» и сообщила лишь малую толику фактов о секретных операциях ФБР, ЦРУ, Агентства национальной безопасности и Пентагона против простых американцев, служит убедительным доказательством непреложного факта: Белый дом и правительственные органы США в нарушение основных положений конституции превратили Соединенные Штаты в государство тотальной слежки и жестокого преследования всех прогрессивных сил.

Было бы неправильно думать, что эта практика — результат только «холодной войны», для которой характерна пресловутая эра маккартизма с ее откровенной «охотой на ведьм» с участием десятков лидеров сената и палаты представителей под руководством откровенного мракобеса-сенатора Маккарти. Она началась почти полвека назад и, как отмечала комиссия в приведенном выше докладе, «за многие десятилетия с начала 30-х годов масштабы слежки внутри страны постоянно расширялись». Причем она всегда осуществлялась

не только с ведома, но и по прямому поручению президентов. Так, по приказу Рузвельта в списки для наблюдения включались все выступавшие с критикой внешней политики правительства. Трумэну ФБР поставляло, например, информацию об одном бывшем помощнике Рузвельта. Президент Эйзенхауэр получал отчеты о политической деятельности известного ученого Бернарда Баруха, супруги покойного президента Элеоноры Рузвельт, члена (а затем и председателя) Верховного суда Уильяма Дугласа.

Помимо 500 тыс. досье, составленных на основе собранной агентурой информации о различных людях, которая хранилась в вашингтонской штаб-квартире ФБР, сотни тысяч «дел» на американских граждан осели в многочисленных отделениях бюро по всей стране. Ведь достаточно сказать, что с 1955 по 1975 г. ФБР провело 740 тыс. расследований «дел о подрывной деятельности» и 190 тыс. расследований «дел об экстремизме». В архивах военной разведки — имена 100 тыс. американцев. А среди них такие «подрывные» элементы, как всемирно известный детский врач Бенджамин Спок, певица Джоан Баэз, покойный ныне сенатор и кандидат на пост президента Эдлай Стивенсон, священник Уильям Кофлин и даже известный своим ура-патриотизмом реакционный генерал Эдвин Уокер.

В свои списки «неблагонадежных» ЦРУ и ФБР очень много лет назад занесли и известного общественного деятеля Соединенных Штатов, крупного банкира, миллионера Карлисса Ламонта только за то, что он всегда выступал за дружбу и сотрудничество с Советским Союзом. Опубликовав в 1977 г. брошюру о своих вынужденных «контактах» с ведомством американской охраны, он весьма убедительно рассказал о том, как в США грубо топчут права людей, не разделяющих взглядов правящей верхушки.

— В 1946 году я получил повестку с вызовом в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Эта комиссия после второй мировой войны представляла самую большую угрозу граж-

данским свободам в Соединенных Штатах. Меня вызвали как председателя Национального комитета американо-советской дружбы и потребовали, чтобы я представил всю корреспонденцию и отчет о финансовых делах с момента основания этой организации.

Поскольку Карлисс Ламонт так и не представил затребованных документов, против него было выдвинуто обвинение в «неуважении к конгрессу».

— Более серьезное столкновение с властями Соединенных Штатов состоялось в 1953 году, когда меня вызвал сенатор Маккарти в возглавлявшуюся им сенатскую подкомиссию по расследованию правительственных операций, размещавшуюся в здании Федерального суда в Нью-Йорке, — продолжает К. Ламонт свой рассказ. — Оказывается, Маккарти пришел в ярость, узнав, что в библиографическом справочнике американской армии упомянута моя книга «Народы Советского Союза». Эта работа была полностью посвящена национальному вопросу в Советском Союзе, и в ней не защищалась ни экономическая, ни политическая система этой страны, а лишь рассказывалось о различных народах и народностях, проживающих в СССР, их взаимоотношениях и правах, гарантируемых Советской Конституцией. Кстати, я не знал, что моя книга включена в справочник. Когда мне сказали об этом, я обрадовался, но ненадолго: как выяснилось, его составители сделали это для того, чтобы в случае вторжения американских войск на территорию Советского Союза знать, как обращаться с различными национальными меньшинствами.

Когда К. Ламонт явился в помещение, где заседала подкомиссия, то сразу обратил внимание на человека, сидевшего отдельно от всех в углу зала, в котором узнал в то время известного многим Луиса Буденца, платного лжесвидетеля ФБР, готового заявить под присягой, что тот или иной человек был членом Коммунистической партии США. Он находился явно для того, чтобы запугать «ответчика».

— С самого начала я заверил Маккарти, что не был членом компартии, ибо хорошо знал, что

он собирается осведомиться именно об этом, и отказался ответить примерно на 25 поставленных мне вопросов, — вспоминает банкир. — Они касались следующего: кто помогал мне написать книгу о Советском Союзе, какие члены компартии консультировали меня, сотрудничал ли со мной агент Советского правительства? Я заявил, что эти вопросы противоречат правам, гарантированным конституцией. Кроме того, — подчеркнул я, — в любом случае комиссия Маккарти не компетентна допрашивать меня, ибо я не был правительственным служащим. Тем не менее сенат США обвинил меня в «неуважении к конгрессу», что грозило годом тюрьмы и штрафом в 5 тысяч долларов. Трое сенаторов проголосовали против этого решения. Мой друг сенатор Леверет Солтонстол из Массачусетса произнес речь, в которой назвал меня «честным человеком», а затем проголосовал за то, чтобы признать меня... виновным в «неуважении к конгрессу».

Карлисс Ламонт упомянул свою работу «Народы Советского Союза», которая привлекла внимание Маккарти к его персоне. Интересно отметить, что Федеральное бюро расследований в попытке «защитить Америку» от его «подрывной деятельности» направило своего агента к издателю книги Харкорту Брейсу, чтобы задать вопрос: «Финансировала ли эту книгу Москва?» Абсурдность его очевидна, ибо Х. Брейс — один из наиболее состоятельных издателей в Соединенных Штатах. Руководители ФБР великолепно знали: ответ будет отрицательным, но они хотели своей акцией недвусмысленно показать, что вашингтонские власти не одобряют публикации книги и отрицательно относятся к автору. Какой издатель после визита агента ФБР захочет выпустить в свет следующую книгу человека, относящегося к числу «неблагонадежных»? Аналогичный трюк Федеральное бюро расследований проделало с другим издательством, которое выпустило книгу К. Ламонта под названием «Советская цивилизация».

— Даже Канада не устояла перед вирусом маккартизма, — продолжает он. — В мае 1956 го-

да я должен был прочесть две лекции в Торонто. Организовывала мои выступления Гуманистическая ассоциация Торонто, весьма далекая от политики. Темами лекций были «Гуманизм и гражданские свободы» и «Гуманизм против традиционных религий». Когда поезд, в котором я ехал из Детройта в Торонто, остановился в Виндзоре, провинция Онтарио, представители канадских иммиграционных властей зашли в вагон, арестовали меня и депортировали обратно в США, как «нежелательного визитера». Этот инцидент вызвал бурные протесты в канадской прессе и парламенте. «Необходимо положить конец подобной бессмыслице», — писала выходящая в Торонто газета «Г л о б э н д м е й л» в передовой статье, резко критикуя мою высылку.

Протесты приняли столь серьезный и широкий характер, что на следующий день канадский министр по делам иммиграции Джон У. Пиккертилл отменил решение о депортации. В то же время он заявил, что лекции якобы организовывались Национальным комитетом американо-советской дружбы, который министр назвал организацией «коммунистического фронта». Это была стопроцентная ложь; вышеупомянутая организация не имела совершенно никакого отношения к поездке. Я уверен, что ФБР либо ЦРУ или обе эти организации вместе оказали нажим на канадские власти.

Летом 1951 г. банкир К. Ламонт планировал зарубежное путешествие с семьей на борту «Куин Мэри», полагая, что без всяких трудностей получит свой заграничный паспорт.

— Однако государственный департамент неожиданно потребовал ответа на три вопроса относительно членства в Коммунистической партии США, — вспоминает он. — Хотя я тысячу раз публично заявлял, что не принадлежу к ней, на этот раз отказался ответить на эти вопросы, и поэтому в течение семи лет мне отказывали в выдаче паспорта.

Он получил письмо из паспортного отдела госдепартамента, в котором говорилось: «Г-н Ламонт! Мы очень сожалеем, но, по нашему мнению, в на-

стоящее время ваша поездка за границу противоречит жизненным интересам Соединенных Штатов».

— В 1963 году я узнал, что почтовое ведомство обязано проверять всю корреспонденцию, «поступающую из-за рубежа с целью коммунистической пропаганды», — рассказывает он. — При обнаружении цензорами хотя бы одной фразы, свидетельствующей, по их мнению, о «коммунистической пропаганде», адресату посылалась открытка с вопросом: «Вы действительно желаете получить эту подрывную литературу?» Если адресат отвечал отрицательно, почтовое управление уничтожало этот материал, а если положительно, ему доставляли «подрывное послание». Мой адвокат Леонард Будэн выяснил, что во втором случае почтовое управление одновременно сообщало имя адресата комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Та вызывала беднягу, принявшего почтовое отправление из Китая, Советского Союза или Польши, и у него начинались неприятности.

Минуло еще одно десятилетие. В 1975 и 1976 гг. большой интерес вызвал закон, который дает право американским гражданам, думающим, что ФБР или ЦРУ имеют на них досье, ознакомиться с ними.

— В 1975 году мой юрист Будэн и я, — продолжает рассказ К. Ламонт, — высказали обоснованное предположение, что на меня заведено досье и в ЦРУ, и в ФБР. Наше предположение оказалось верным на сто процентов. После переписки, длившейся восемь месяцев и намеренно затянутой ФБР, оно признало, что имеет на меня досье объемом в 2 тысячи страниц. В начале 1976 года нам удалось получить для ознакомления 274 страницы, ФБР оставило у себя остальные 1726 страниц «в интересах национальной безопасности».

В ноябре 1976 г. правительство пошло на уступку, передав К. Ламонту новые материалы, за исключением 300 страниц.

— Я ознакомился с большей частью досье, заведенного на меня ФБР, что оказалось весьма скучным делом, — продолжает он. — Агенты записывали мои выступления по радио и снимали копии со статей и брошюр. Все это я бы мог предо-

ставить ФБР собственноручно. Кроме того, я обнаружил некоторые весьма забавные записи. Например, в 1961 году президент Кеннеди назначил Джона Кеннета Гэлбрейта послом в Индию, и тот должен был пройти проверку в ФБР. В ходе проверки ему задали вопрос: «Профессор Гэлбрейт! Почему 14 лет назад вы проживали в том же самом доме в Нью-Йорке, что и Карлисс Ламонт?» Гэлбрейт сначала было возмутился, но затем обратил дело в шутку, назвав его случаем «опасного совместного проживания». Итак, как видите, у нас появился новый вид преступления: виновность не в сговоре, а в «совместном проживании». ФБР совершило грубейшее нарушение закона по отношению ко мне и моей семье, завербовав человека, служившего у моих родителей, чтобы он шпионил за мной в нашей летней резиденции на острове Норт-Хейвн, неподалеку от побережья штата Мэн. Этот человек должен был даже сообщать, с кем я играю в теннис и катаюсь на лодке, и вообще не спускать с меня глаз. Так же как и ФБР, ЦРУ отказалось предоставить мне возможность ознакомиться со значительной частью досье...

Карлисс Ламонт, оказавшийся «объектом внимания» государственных учреждений и разведывательных органов Соединенных Штатов, мог позволить себе роскошь бороться — ведь даже в тяжбах с подкомиссией Маккарти или ФБР миллионы крупного банкира не могут не иметь веса. Однако для того, кто в Соединенных Штатах «не стоит» миллиона, но позволяет себе такую «вольность», как свободу выбора во время голосования, будущее оказывается перечеркнутым навсегда. Об этом повествует газета «Нью-Йорк таймс», поместившая рассказ американского музыканта и композитора Ларри Адлера, который вот уже более четверти века находится в «черном списке». Воспроизводим его дословно:

«В конце 1948 года я и мой постоянный партнер — танцор Пол Дрэйпер дали предновогодний концерт в Нью-Йоркском центре искусств. Я играл на губной гармошке, он отбивал чечетку. Пуб-

лика горячо нас принимала, и мы получили большие гонорары. Но через несколько месяцев нас занесли в список «архиизменников». Оказалось, что мы с Полом «делали для свержения правительства» Америки больше, чем вся Коммунистическая партия США. Отборный отряд известных ультрареакционных журналистов ревностно трудился в попытке «разоблачить наши злодеяния». Перед нами закрыли двери всех концертных залов.

Что мы такое совершили, чтобы попасть в списки неблагонадежных?

Мы поддерживали на президентских выборах 1948 года кандидатуру Генри Уоллеса (кандидата созданной им прогрессивной партии. — *Авт.*) и тем самым совершили, по мнению властей, «подрывной акт». Мы всегда были против комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Когда в 1947 году комиссия начала преследование десяти голливудских сценаристов и режиссеров, мы присоединились к тем американцам, кто протестовал против этой, по нашему глубокому убеждению, антиамериканской деятельности.

Мы могли бы оградить себя от преследований, если бы «добровольно» предстали перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, предали нескольких друзей, выдав их за коммунистов, и таким образом «очистили себя». Но подобная идея вызывала у нас отвращение. Мы возбудили в суде дело о клевете и, хотя официально процесс выиграла, вышли из него виновными с головы до пят. Виновными в чем — я так и не узнал, но виновными в чем-то».

Пол Дрэйпер уехал в Швейцарию, Ларри Адлер — в Англию. В 1953 г. он решил поехать с концертами в Южную Африку и отправился в американское посольство в Лондоне, чтобы оно посодействовало в получении визы. «Можно послать телеграмму в госдепартамент, — сказали ему в посольстве, — и попросить их оказать содействие. Но это будет потерей времени и денег. Со времен Маккарти мы тут все запуганы».

В конце концов он получил визу без помощи американских дипломатов, но по возвращении об-

наружил на квартире письмо с требованием явиться в посольство США. Там потребовали сдать паспорт. Адлер стал выяснять отношения с госдепартаментом.

«Там мне сообщили, — пишет он в «Нью-Йорк таймс», — что некто, состоявший 12 лет со мной в одной «ячейке», заявил, что я член коммунистической партии. В госдепартаменте, конечно, не назвали имя этого «некто». Лишь через год я с трудом добрался до этого «некто». Оказалось, что журналист по имени Уинстон Бэрдетт назвал 12 человек, которые якобы состояли в коммунистической партии. Среди этих людей фигурировал Адлер. Не Ларри Адлер, а просто Адлер. Это был не я, а совсем другой человек — бывший репортер одной из бруклинских газет.

Этот инцидент заставил меня окончательно потерять уважение к правительству, которое пропускало гражданина через мясорубку, когда на выяснение дела хватило бы одного телефонного звонка.

Иногда мне говорят: «Но это было давно, и все мытарства кончились». Не тут-то было. Власти по-прежнему ставят палки в колеса. Я, например, не имею права выступать ни в одной телевизионной программе, к которой правительство имеет отношение. Недавно я получил приглашение выступить в концерте Энди Уильямса (популярного певца. — *Авт.*), но оно было внезапно аннулировано. Дирекция при этом не отвечала на телефонные звонки. Руководство телевизионной компании Си-би-эс пригласило меня в качестве композитора и исполнителя для одной из своих программ. Переговоры успешно завершились, но, как и в случае с Энди Уильямсом, приглашение было взято обратно».

Он был автором и исполнителем музыки в фильме «Женевьева», но за шесть недель до премьеры «кто-то» потребовал изъять из титров его имя. Музыка была выдвинута на премию Оскара. Поскольку имя композитора нигде не значилось, выдвинули Мьюра Мэтисона — дирижера. Адлер сообщил об этом в жюри, но ничто не изменилось, и

имя восстановлено не было. «Многие известные американские композиторы писали для меня музыку. Я хотел бы исполнять ее с американскими оркестрами, но дверь для меня по-прежнему закрыта», — заключает он.

Но «дверь» закрывают не только перед исполнителями, лишая их средств к существованию, обрекая на отчаяние, облегчить которое может лишь крик души, дошедший до людей благодаря газетной публикации. Эту «дверь» закрывают по шкурническо-политическим соображениям и перед носом у видных деятелей страны, и для этого не брезгают самыми низкопробными приемами, о чем рассказывается, например, в книге Д. Уайза «Американское полицейское государство. Правительство против народа»:

...В июле 1969 г. после инцидента с автомашиной сенатора Эдварда Кеннеди на острове Чаппакуиддик, при котором утонула находившаяся с ним в автомобиле Мэри Джо Копечне, в толпе дачников, пришедших посмотреть на место происшествия, находился писатель Роберт Кричтон. Его обычно не привлекали подобные зрелища, но он был другом семейства Кеннеди, особенно Роберта. Поэтому тоже отправился на пароме на остров.

— Я стоял, беседуя с друзьями, — вспоминает Кричтон, — когда ко мне подошел какой-то малый и стал задавать вопросы, сказав при этом, что он из газеты «Филадельфия инквайрер» и собирает информацию для очерка.

Четыре года спустя, в мае 1973 г., Кричтон, снова оказавшись на даче, наблюдал по телевизору за слушанием «уотергейтского дела» в сенатской комиссии, когда на экране появился Энтони Юласевич, дававший присягу. Кричтон от удивления подпрыгнул на стуле.

— Э, да я его знаю! — воскликнул он. — Это тот парень из газеты!

На самом же деле Юласевич был тайным агентом Белого дома. В течение 26 лет служил он до этого в полицейском управлении Нью-Йорка, где одно время подвизался и Джон Колфилд, зачисленный, напомним, в штат сотрудников Белого

дома в апреле 1969 г. и рекомендовавший Эрлихману человека, подходящего для «щекотливой работы».

После вступления Никсона в должность президента у него оставалось на трех банковских счетах из средств, собранных для проведения предвыборной кампании 1968 г., свыше миллиона долларов. Распоряжаться этой суммой президент поручил своему доверенному лицу. Было решено, что жалованье Юласевичу будет выплачиваться из этого фонда, хотя законом это и запрещено. В последующие три года на «щекотливые» операции Юласевича и его шефа было израсходовано свыше 130 тыс. долл.

...19 июля Колфилда, безмятежно игравшего в гольф, позвали к телефону. Люди из Белого дома сообщили ему, что несколько часов назад автомашина сенатора Эдварда Кеннеди свалилась с моста на острове Чаппакуиддик, при этом утонула 28-летняя женщина, работавшая в штате Роберта Кеннеди во время предвыборной кампании 1968 г.

— Меня вызвал Эрлихман, — рассказывал позже Колфилд. — Я сразу отправился в Белый дом. Эрлихман сказал: «Пусть Тони туда поедет и разузнает все на месте».

Д. Уайз поясняет: «Это было первое задание Юласевича. Президент Никсон был лично заинтересован в выяснении мельчайших подробностей случившегося. В последующие четыре года Белый дом провел не менее десятка тайных расследований деятельности Эдварда Кеннеди. Большинство, хотя и не все, поручалось Юласевичу».

В тот же день, 19 июля, он вылетел в Бостон и оттуда — на Чаппакуиддик. Представляясь то Джейсом Фергусоном из организации «Работники журналов Америки», то журналистом из «Филадельфия инквайрер», Юласевич расспросил множество людей. Он потратил тогда около недели на расследование инцидента.

Никому из непосвященных, конечно, и в голову не приходило, что в толпе репортеров, шнырявших по всему Чаппакуиддику в те дни, находился тайный агент президента Соединенных Штатов.

Далее, судя по книге, события развивались следующим образом.

25 июля, через неделю после инцидента на Чаппакуиддике, самолет с Ричардом Никсоном приземлился на острове Гуам. Накануне президент приветствовал приводившихся астронавтов «Аполлона-11». Это было одно из самых ярких событий во время его турне по земному шару. В тот же день в местном суде городка Эдгартаун, штат Массачусетс, сенатор Кеннеди признал себя виновным в том, что покинул место происшествия, не известив полицию. У него отобрали на год водительские права и приговорили к двум месяцам тюрьмы условно. После суда Э. Кеннеди начал готовиться к вечернему выступлению по национальному телевидению, в котором пытался объяснить свое поведение в роковую ночь, когда произошла трагедия.

В тот день в связи с отсутствием президента Джон Эрлихман отправился в Нью-Йорк на короткий отдых. Он мчался на север в железнодорожном экспрессе, когда с ним связался президент через радиотелефонную систему поезда. Целью звонка Никсона, находившегося за тридевять земель, было «получить самую свежую информацию».

В 1971 г. тайная слежка Белого дома за Э. Кеннеди усилилась — факт, отражающий опасения Никсона и его советников, что тот, несмотря на инцидент на Чаппакуиддике, может стать кандидатом в президенты от демократической партии на выборах 1972 г.

В августе 1971 г. Э. Кеннеди, возвращаясь после турне по ряду азиатских стран, сделал остановку на Гавайях. Вскоре в Гонолулу прилетел Юласевич. Об этом говорится в материалах сенатской комиссии по расследованию «уотергейтского дела», суммировавших информацию о 60-й тайной операции, проведенной им для Белого дома: «Поездка Кеннеди на Гавайи — слухи об оргии, на которой присутствовал Кеннеди. Юласевич беседовал с барменами и владельцами сомнительных ночных заведений. Слухи оказались ложными. Кеннеди на самом деле ездил, чтобы встретиться с японскими бизнесменами».

Юласевич, должно быть, представил подробнейший отчет о результатах своей «охоты» на Гавайях, поскольку его данные составили основу обширного доклада юрисконсульту президента Джону Дину. Эта памятная записка по сообщенным в ней деталям не уступала какому-нибудь секретному докладу ЦРУ о перемещениях иностранного шпиона.

Но замышлялись и более зловещие планы. Осенью того же года, как позднее вспоминал Дин, ему позвонил Лэрри Хигби, сотрудник аппарата помощника президента Никсона, и сказал, что его шеф — Холдеман «требует организации круглосуточной слежки за сенатором Кеннеди и регулярных сообщений о его деятельности». Давая показания перед сенатской комиссией по расследованию «уотергейтского дела», Дин заявил:

— Я сообщил о требовании Колфилду, и мы вместе обсудили этот вопрос. Он сказал, что, по его мнению, подобный шаг был бы весьма неосторожным и мог привести к провалу. Сенатор Кеннеди наверняка заметил бы, что за ним следят, и, учитывая, что в этом случае легко было бы заподозрить подготовку покушения на его жизнь, мог обратиться в полицию или ФБР.

От организации круглосуточной слежки отказались. Вместо этого Колфилду вменялось в обязанность следить за деятельностью Кеннеди в целом и проводить конкретные расследования в случаях, которые могли «представлять интерес». «Ничто не указывает на то, — справедливо возмущается Д. Уайз, — что при обсуждении этого вопроса Дин, как юрисконсульт президента, выразил удивление или был шокирован переданным указанием устроить круглосуточную слежку за членом сената американского конгресса. В своем наглом требовании Холдеман явно исходил из предпосылки, что за Кеннеди надо следить единственно потому, что он может оказаться соперником Никсона на выборах 1972 года и, следовательно, представляет угрозу власти Никсона и людей, ему служивших».

Читая доклад сенатской подкомиссии «Разведывательная деятельность и права американцев»

или некоторые разоблачения буржуазной прессы, можно задаться вопросом: а почему они это делали?

Прежде всего, молчать дальше было уже нельзя в обстановке политического скандала, захлестнувшего всю страну. Полагаем, что взявшись за расследование с последующей публикацией его результатов, когда скандал уже стал достоянием гласности, сенатская подкомиссия ставила перед собой тройную цель:

— дать ответы «вполголоса», по возможности указывая пальцем на «заблуждавшихся» или «чрезмерно усердных» исполнителей;

— создать впечатление, будто все злоупотребления — дело прошлого, предыдущей администрации, и с опубликованием материалов расследования с ними покончено навсегда, поскольку, дескать, нынешнее правительство — стойкий приверженец уважения прав человека;

— постараться внушить общественности, что в результате американская «демократия» оказалась очищенной, а следовательно, еще более укрепилась.

Однако факты свидетельствуют об обратном, и никакой камуфляж не может их скрыть. Правящие круги Соединенных Штатов отнюдь не намерены отказываться от практики попрания прав американских граждан в интересах капитала. Просто незаконные операции прошлого, противоречащие конституции, сейчас собираются узаконить. Именно об этом предупреждает газета Объединенного профсоюза электриков «Ю. Э. н ь ю с»:

«В наши дни, когда из конгресса поступают разоблачительные материалы о скандальной деятельности Центрального разведывательного управления и Федерального бюро расследований, кое-кто может подумать, будто «охотники за ведьмами» и реакционеры затаились и, словно медведи на зиму, забрались в свои берлоги, ожидая лучших времен. Увы, нет!

На рассмотрении сената находится законопроект, который представляет собой подлинную энциклопедию репрессивных мер. Законопроект, известный под условным названием «Эс-1», уже получил поддержку значительного числа сенаторов».

Пожалуй, наиболее опасной в этом законопроекте является целая серия положений, согласно которым любая утечка информации, даже имеющей весьма косвенное отношение к национальной безопасности, объявляется актом шпионажа. Предлагаемые в законопроекте меры предусматривают длительное тюремное заключение и денежные штрафы для тех чиновников, которые передадут неуполномоченным лицам (например, журналистам) любые сведения, расплывчато характеризуемые ими как «имеющие отношение к национальной обороне».

Вся несуразность подобных предложений состоит в том, что тысячи чиновников в Вашингтоне ставят штамп «для служебного пользования», «доверительно» или «секретно» на любые, самые малозначительные бумажки. Находящийся ныне в отставке бывший руководитель всей службы классификации степени секретности документов заявляет, что 95 % бумаг с подобными грифами можно публиковать без всякого ущерба. Даже сторонники этого законопроекта, возглавляемые реакционными сенаторами Маклелланом и Хрусской, признают, что предлог секретности служит лишь процветанию коррупции и репрессий, что это ведет к установлению системы безотчетного правления власть предержащих.

Многие другие положения законопроекта носят аналогичный характер. Одно из них избавляет от ответственности за допущенные неправильные действия тех правительственных чиновников, которые переступили закон в результате «ошибочного убеждения» в том, что этого «потребовало или санкционировало начальство» или что это было «результатом неправильного толкования распоряжений вышестоящего руководства учреждения». Подобные законы оправдывают такие преступления, как несанкционированные тайные обыски и даже вторжение агентов в вашингтонскую штаб-квартиру демократов в отеле «Уотергейт» с целью установления там подслушивающих устройств.

Одним из наиболее чудовищных положений в рассматриваемом документе, продолжает «Ю. Э.

ньюс», является предложение о возрождении закона Смита от 1940 г. — этого позорного акта, который не применялся в течение 30 лет потому, что противоречит положениям Билля о правах. Закон Смита в новом варианте предусматривает 15 лет тюрьмы и (или) 100 тыс. долл. штрафа за подстрекательство к участию в «противозаконных актах», которые могут привести к «сокрушению» федерального правительства или власти в отдельных штатах. Новый законопроект предполагает более жестокие наказания, чем закон Смита.

Предлагаемый свод законов, толщиной в добрый телефонный справочник, расширяет и определение «заговоров» и «агитации».

Другие положения законопроекта, содержащие скрытые меры против трудящихся, предусматривают смертную казнь, пожизненное тюремное заключение в сочетании с огромным денежным штрафом за деятельность, «наносящую ущерб или вред» почти любому имуществу или сооружению, «используемому или специально предназначенному для национальной обороны» с целью «помешать способности США или союзных держав подготовиться к войне или оборонительным действиям». Эти формулировки, якобы направленные против «саботажа», носят столь расплывчатый и туманный характер, что могут стать орудием подавления права трудящихся на забастовки.

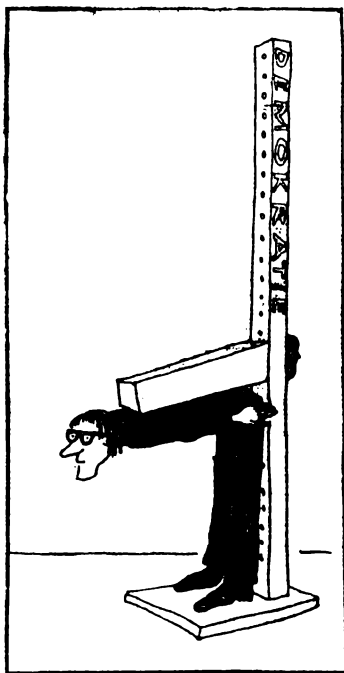
Законопроект предусматривает усиление наказаний за отказ сотрудничать с комиссией конгресса от 1 года тюрьмы и 10 тыс. долл. штрафа до 3 лет тюрьмы и 100 тыс. долл. штрафа. Цель этого законопроекта очевидна: застрашать свидетеля, вызванного для показаний в комиссию «охотников за ведьмами».

В соответствии со статьей о шантаже полицейский агент или другой официальный «ловец душ» может подстрекать людей на совершение преступления.

Одно из положений допускает выступление на суде с «добровольными» признаниями, даже если они делаются в результате допросов тайной полицией в отсутствие адвоката. Оно нацелено на

пересмотр существующих постановлений Верховного суда. Это еще один шаг в целой серии других попыток ревизии положений судопроизводства, установленных ранее высшими инстанциями.

«Когда закон предусматривает наказание за политическую деятельность, он одновременно служит оправданием и для слежки, подслушивания

*Под прессом
«демократии»*

телефонных разговоров, тайного проникновения агентов в квартиры и учреждения, а также для других противоречащих конституции методов», — считает «Ю. Э. н ь ю с».

В первых числах января 1978 г. президент США Дж. Картер, совершавший турне по ряду стран, посетил Францию, где в Париже, на обеде во дворце Конгрессов произнес речь, которая, судя по рекламе ее всеми пропагандистскими службами Соединенных Штатов, явно рассматривалась Белым домом в качестве основополагающей, тем

более, что носила претенциозное название «Новая программа за демократию».

— Существует одно убеждение, стоящее выше всех остальных, сделавших нас тем, чем мы являемся. Это убеждение в том, что права человеческой личности стоят, безусловно, выше, чем потребности государства. Именно эту миссию два столетия назад несли миру, каждый в свою очередь, американский и французский народы. И мир по-прежнему рассчитывает на утверждение нами этих ценностей, — заявил Дж. Картер. — Тогда демократия была еще новой и непроверенной концепцией. Сейчас она является знаменем нашей западной цивилизации.

Эта речь — образец полной несовместимости американской практики с теорией именно в области демократии, о чем, думается, убедительно свидетельствуют все представленные выше факты из американской буржуазной печати.

О демократии говорил в новогодние дни и федеральный президент ФРГ В. Шеель. Встретившись в Бонне с иностранными журналистами, он изо всех сил стремился оправдать гонения на трудящихся по политическим мотивам, получившие название во всем мире «запретов на профессии», хотя они не только нарушают права человека, зафиксированные в международных документах, но и привели к созданию в Западной Германии обстановки подозрительности, слежки и морального террора, с одной стороны, и страха за собственное будущее — с другой.

— Клеветать на оборонительные действия демократии, представляя их как запреты на профессии, означает не что иное, как превращать право в бесправие. Проводимая проверка на верность конституции ФРГ проходит в рамках правого государства, — заявил В. Шеель, пытаясь парировать критические высказывания.

Однако, стараясь доказать правомерность действий боннского государства, он расписался в нарушении правительством прав граждан.

— Мы не можем принимать в государственный аппарат лиц, могущих подорвать это госу-

дарство. Нас не тревожит то, что коммунист не может быть у нас учителем.

Зато в распространении мемуарной нацистской литературы, которая прославляет Гитлера и Геббельса, президент не только не увидел признаков возрождения фашистских тенденций, но, наоборот, счел, что критика этой политики попустительства фашизму со стороны властей лишает молодежь стимулов... «выступать в защиту и за улучшение демократии».

Как бы высокопарно ни говорили Дж. Картер и В. Шеель, образчики западногерманской «демократии», а с ней вместе — английской, итальянской и т. д. похожи, словно близнецы, на вконец скомпрометированную заокеанскую модель. И никакие слова не в силах убедить в обратном даже буржуазные органы печати, не говоря уже о миллионах простых людей, испытывающих на себе гнет капиталистических «свобод».

Канцлер ФРГ Г. Шмидт провозглашает:

— Разве когда-нибудь прежде на немецкой земле было столько личной свободы и столько терпимости?

А швейцарская «Т р и б ю н д е Ж е н е в» в ответ спрашивает: «Не отказывается ли от демократических принципов государство, построенное на руинах нацизма?»

Председатель гессенской организации ХДС А. Дреггер утверждает:

— Наша страна — одна из самых свободных в мире.

А парижская «М о н д д и п л о м а т и к» заявляет: «В течение последних лет в Западной Германии принят целый ряд законов и постановлений, существенно ограничивающих основные права граждан. В ФРГ снова объявлена «охота на ведьм».

Председатель ХСС Ф.-И. Штраус декларирует: — Мы преданы идеалам демократии.

А в это время консервативная лондонская «Т а й м с» констатирует: «Опасный сдвиг вправо в Федеративной Республике».

«Не проходит дня, чтобы граждане ФРГ не

услышали из уст государственных и политических деятелей партий, представленных в бундестаге, утверждения о том, будто Федеративная Республика Германии — это демократическое и свободное государство, — констатируют западногерманские журналисты Юрген Кестинг и Михаэль Радтке в гамбургском журнале «Штерн». — Подобные утверждения особенно громко звучат, когда какие-либо из провозглашаемых конституций демократических прав либо существенно ограничиваются, либо вовсе нарушаются. Обычно это делается под тем предлогом, что государство должно защищать себя от политических преступников-террористов, похитителей людей, воздушных пиратов и прочих. Но эта категория «внутреннего врага» уже давно рассматривается у нас расширительно. Теперь к ней стали относить творческую интеллигенцию: писателей, художников, деятелей театра и кино. В результате обострения политической и идеологической борьбы они оказались в обстановке усиливающейся нетерпимости, подозрительности, преследований».

Как же на самом деле выглядит нынешняя действительность Федеративной Республики Германии? Чтобы ответить на этот вопрос, надо было бы сначала нарисовать общую документальную картину, чтобы затем можно было перейти к выводам. Однако прибегнем к инверсии. Предоставим возможность буржуазному еженедельнику «Штерн» дать характеристику состояния внутренней жизни ФРГ: «Западная Германия превратилась в трибунал, где судят свободу», — констатирует этот журнал.

Процесс, в ходе которого «правовое» государство превращается в авторитарное, ведется (вспомним утверждения президента В. Шееля!) по «юридическим правилам». Их свод составляют:

— законы, которые предоставляют полиции и ведомству по охране конституции, то есть политической полиции, больше власти, чем когда-либо прежде, и лишают гражданина защиты от произвола юстиции;

— «постановление о радикальных элементах»

и связанная с ним слежка за образом мыслей претендентов на государственную службу;

— постановления Верховного и конституционного судов в Карлсруэ, которые в течение последних лет расширяют все больше власть государства в ущерб правам отдельных граждан.

Под влиянием раздутой вокруг «террористов» пропагандистской шумихи, пишет далее «Штерн», вопрос о «внутренней безопасности» превратился в один из центральных в правительственной деятельности. С осени 1969 г. принято 52 закона по разделу «внутренней безопасности». В их числе: введение контроля над почтовой и телеграфной корреспонденцией без специального решения судебных инстанций; принятие постановления, согласно которому учреждения и суды обязаны доносить на «подозрительных элементов» отделения ведомства по охране конституции; ограничение права адвокатов в судебных процессах; принятие закона, предусматривающего возможность ареста по общему подозрению; расширению функций полиции.

Решающий шаг был сделан в январе 1972 г., когда премьер-министры земель ФРГ составили проект «постановления о радикальных элементах», призванного закрыть «противникам конституции» доступ на государственную службу. Это повлекло за собой всеобщую слежку за образом мыслей граждан с целью запугать «инакомыслящих».

Как отмечал французский журнал «Монд дипломатик», члены Германской коммунистической партии попадали под действие «постановления о радикалах» первыми. Исполнительная власть получила право определять, кто именно является «врагом конституции».

И однако, считает этот парижский журнал, самым тревожным результатом этого постановления в перспективе представляются его побочные последствия, ибо, прежде чем наложить запрет на прием на работу, власти проводят систематические расследования. За последние два года они коснулись полумиллиона государственных служащих или желающих поступить в государственные уч-

реждения. По некоторым данным, эта цифра составляет в общей сложности 750—800 тыс. Федеральное ведомство по охране конституции располагает досье: соответствующие лица либо немедленно получили отказ, либо подверглись настоящим полицейским допросам. Им приходится отвечать за все, что они делали, писали или говорили в течение последних десяти лет. Власти копаются в подробностях частной жизни, проверяют взгляды, изучают письма.

«Участие в демонстрации, подпись, поставленная под петицией, или распространение листовки служили зачастую достаточными причинами для отказа принять человека на государственную службу» — вот свидетельство «М о н д и п л о м а т и к».

В том же 1972 г. министры внутренних дел отдельных германских земель договорились об издании закона для своих ведомств по охране конституции, который, по мнению профессора государственного права Ганса Петера Шнайдера из Ганновера, устанавливает «вехи на пути к авторитарному государству». По этому закону государственным осведомителям разрешено применять «разведывательные средства», включая направленные микрофоны и другие устройства электронной слежки, которые получили наименование «клопы». В результате шпрингеровская газета «В е л ь т а м з о н т а г» без всякого смущения начала открытую рекламу современной техники подслушивания. «Фирма из Мёнхен-Гладбаха, — писала она, — предлагает: направленный микрофон: действует на расстоянии 75 метров; атташе-кейс «Консул»: в двойное дно встроен магнитофон; беспроводный микрофон размером с кусочек сахара: может быть по усмотрению вмонтирован в пепельницу или настольную зажигалку, можно также носить в кармане; подслушивающее устройство: радиус действия 500—800 метров, передатчик маскируется в розетке; беспроводный аппарат для прослушивания телефонных разговоров: легко вмонтировать в любую телефонную трубку».

Нашествие электронных «клопов» на ФРГ приняло такие размеры, что западногерманский публицист Ф. Хитцер заметил:

— Главная функция наших «клопов» — сделать так, чтобы все мы были тише воды, ниже травы. «Свободный обмен мнениями и информацией» возможен у нас теперь только с их «участием». Они получили столь широкое распространение, что их богатые изготовители и могущественные потребители могли бы вполне ввести новую редакцию небезызвестного гимна — «Клопы, клопы превыше всего»...

«Охранники конституции» могут игнорировать все параграфы уголовного кодекса и конституции, которые призваны защищать граждан от вторжения в их личную жизнь посредством подслушивающих устройств, констатирует журнал «Ш т е р н». Все юридические лица, общины, районы, суды и даже церкви обязаны «добровольно сообщать обо всех фактах и документах относительно антиконституционных помыслов». Напрашивается сравнение с приказами гестапо от 1933 г., когда доносами официально занимались районные отделения полиции.

Однако в Западной Германии уже не удовлетворяются шпионами, состоящими на службе государства. Властям мало орудий электронной слежки и «инициатив» от «добровольцев». Им на «подкрепление» оказались брошенными предпринимчивые частники, быстро появляющиеся в условиях «свободного» капиталистического рынка там, где спрос рождает предложение.

В Дуйсбурге под руководством некоего Манфреда Кокса уже давно функционирует акционерное общество сыщиков с «ограниченной ответственностью» — компания, которая специализируется и наживается на шпионаже за рабочими. О деятельности «самодеятельного» бюро сыщиков 10 августа 1977 г. его глава Манфред Кокс дал интервью телевидению.

— Велико ли число рабочих и профсоюзных активистов, проверяемых вами на политическую благонадежность? — спросил его корреспондент.

Предприниматель-сыщик отвечал невозмутимо, с чувством собственного достоинства и исполненного долга перед «свободно-демократическим» государством.

— Самое большее 30 человек в месяц.

— Итак, уже много лет вы ведете политические проверки на предприятиях. Делается это по поручению или по вашей инициативе?

— Мы действуем только на основе заказов. Причем даем нашим клиентам гарантию тайны наших действий. Для выявления политической благонадежности человека мы охватываем три сферы его жизни. Во-первых, частную — его отношения и связи с другими людьми. Во-вторых, производственную, в которой он работает. И в-третьих, по возможности сферу его интересов.

— Засылаете ли вы своих агентов для политических расследований тайно на предприятия? — спросил корреспондент.

— Это допустимо, — ответил Кокс. — Когда другие методы не дают результата, мы забрасываем тайно наших сотрудников в профессиональную сферу подозреваемого.

История учит, что буржуазия и находящиеся в услужении у нее руководители капиталистического государства обрушиваются с репрессиями на трудящихся во времена экономических и политических потрясений, когда правящий класс начинает опасаться за свои привилегии, ведь в этих условиях, а тем более когда они принимают характер всеобщего кризиса капитализма, монополистической буржуазии становится трудно манипулировать либерально-демократическими лозунгами, сбивать с помощью подачек революционные настроения масс, она все больше полагается на силу. «Кто признает классовую борьбу, тот должен признать, что в буржуазной республике, хотя бы самой свободной и самой демократической, «свобода» и «равенство» не могли быть и никогда не были ничем иным, как выражением равенства и свободы *товаровладельцев*, равенства и свободы *капитала*»¹, — отмечал В. И. Ленин,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 376.

подчеркивая, что только интересам эксплуататоров служат лозунги якобы всенародной, общенациональной, всеобщей, внеклассовой, а на деле буржуазной демократии, и, пока остается частная собственность на землю и другие средства производства, самая демократическая республика неизбежно остается диктатурой буржуазии, машиной для подавления гигантского большинства трудящихся горсткой капиталистов.

Развитие событий в ФРГ, приведшее к появлению репрессивного законодательства, полностью подтверждает ленинский анализ.

Социал-демократическая эра, пишет «М о н д и п л о м а т и к», началась в 1969 г. под знаком реформ, демократизации, улучшения «качества жизни». Ныне тон изменился. Тот, кто говорит о реформах, уже вызывает подозрение. В первое время после прихода к власти СДПГ хорошее состояние экономики позволяло повысить жизненный уровень трудящихся, не затрагивая ни прибылей, ни власти предпринимателей. Кризис, поразивший западный мир, нарушил деятельность этого механизма. Не обеспечивающая больше постоянного роста, которой ей положено было гарантировать, социально-экономическая система все больше дискредитирует себя. А потому правящий класс стремится воспрепятствовать возникновению брешей, распространению недовольства. СДПГ отказалась от части обещанных реформ и встала на защиту предпринимателей перед лицом требований трудящихся. Критиков и недовольных, которых становилось все больше, «инакомыслящих» всех мастей стали принуждать к молчанию, утверждая, что они «мешают бороться с кризисом». Постановление о «радикалах», а также другие репрессивные меры служат одновременно средством изоляции и раздробления внепарламентских левых сил и углублению пропасти между этими силами, с одной стороны, и рабочим классом — с другой. Это своего рода «превентивная контрреволюция», полупризнанная политическими руководителями ФРГ.

Судебные власти, которым в конечном счете

надлежит проводить в жизнь решение о приеме на службу «радикалов», до сих пор наводнены судьями, прошедшими школу «народного суда» при Гитлере, свидетельствует журнал, полагающий, что дело даже не в отдельных лицах, а в самом принципе дискриминации, пронизывающем всю систему правосудия, которая применяет к различным социальным группам различные постановления.

Все это здание зиждется на антикоммунизме, благодаря которому сделал свою политическую карьеру Аденауэр в первые годы существования ФРГ. Однако антикоммунизм видоизменил свою форму, акцентируя внимание на поисках «внутреннего врага» — таково мнение «М о н д д и п л о м а т и к».

«В рамках политико-экономической системы «свободного предпринимательства» и союза с Соединенными Штатами разрешены любые мнения. Но тот, кто усомнится в этих принципах, сразу попадает в разряд «подозрительных». Разница между «оппозиционером» и «террористом» становится все более расплывчатой, — завершает свой анализ журнал. — Посредством целого ряда мер власти пытаются поставить между понятием «левые» и понятием «преступники» знак равенства». Иначе говоря, попытки монополистического капитала переложить тяготы нынешнего экономического кризиса на плечи трудящихся сопровождаются урезанием социальных и демократических прав. Чем глубже трещина на фасаде благосостояния, тем активнее правящие классы пытаются отвести недовольство масс в другое русло, усиливая идеологическую обработку, цель которой — притупить способность большинства населения реально оценивать обстановку, насадить атмосферу страха, слепого «верноподданничества», а также ненависти к другим странам, в первую очередь социалистическим. Поэтому-то с помощью любой лжи и преувеличений правящий класс ведет огонь по своему врагу — социализму, а новым лозунгом психологической мобилизации стали так называемые «права человека».

— Должны ли уборщицы, моющие полы и вытирающие пыль в помещении государственных лесничеств, представлять гарантии того, что они «ностоянно готовы выступить за свободный демократический правопорядок»?

— А как быть с водителями частных автобусов, выполняющих государственные заказы?

— И не является ли запрет водителям такси разговаривать во время работы попыткой избежать проверки на их верность конституции?

Когда в 1976 г. некоторые из депутатов от СДПГ официально выступили с подобными запросами в бундестаге, стараясь узнать, как далеко зашло чиновничье рвение в погоне за «радикалами», кое-кому это показалось «издевательством» над высшим государственным органом страны. Однако прошло немного времени, и действительность оставила далеко позади все то, что когда-то считали преувеличением и подтасовками. Деятельность чиновников, осуществляющих «чистку», дает массу примеров, которые вполне могут конкурировать с популярными в Бонне анекдотами об «экстремизме» людей, орудующих половой тряпкой или рулем автомобиля.

В Эльвангене, сообщает «Штерн», председатель окружного суда, некогда сам подвергавшийся преследованиям как еврей, призывает закрыть путь в юстиции критически настроенному молодому поколению.

Молодая претендентка на должность учительницы в Фрейбурге вынуждена опровергать «компрометирующий» ее материал, доказывая, что ее участие в прошлом в издании стенной школьной газеты «Ротер турм» («Красная башня») не внушает подозрений в политическом отношении.

Когда жертвой «запретов на профессии» стал доктор Карл Фабиг, от этого пострадали и жители Нордерштедта: он был единственным претендентом на должность врача в местной школе. Дело в том, что, когда выяснилось, что Фабиг является членом ГКП, за дело взялся начальник окружного управления граф Шверин фон Крозиг. Обосновывая свои возражения против кандидатуры

Фабига, граф цинично писал: «Хотя врач и очень нужен, но мы не хотим, чтобы этот человек работал у нас, и вовсе не потому, что у него нет способностей, а потому, что он состоит в ГКП».

Зловещий тон этого документа напоминает о распоряжениях другого графа, тоже Шверина фон Крозига, рейхсминистра финансов, подписавшего 7 апреля 1933 г. нацистский закон о «запрете на профессии», в котором говорилось: «Служащие, которые в силу своей политической деятельности в прошлом не гарантируют того, что они будут в любое время безоговорочно защищать интересы национального государства, могут быть уволены со службы».

На основании этого закона когда-то был уволен паровозный кочегар Валентин Рёдер. 43 года спустя возродившаяся практика «запретов на профессии» коснулась его сына — Рудольфа Рёдера, который работал старшим машинистом и которого администрации не в чем было упрекнуть, кроме принадлежности к ГКП. В распоряжении об его увольнении приводилось и «обоснование» для расправы: Германская коммунистическая партия... «подвергает клеветническим нападкам все конституционное и ведет с ним борьбу».

Об этом факте поведал журнал «Ш п и г е л ь», который приводит на своих страницах десятки примеров. Вот некоторые из них.

Учитель из Кёльна Курт Холль лишился работы после того, как власти узнали, что, учась в университете, он симпатизировал левым. Чтобы заработать на жизнь, Холль вынужден устроиться сторожем на кладбище. Но в Гамбурге его вряд ли бы приняли и на такую работу, поскольку там, как и в некоторых других городах ФРГ, при приеме на государственную службу важны не деловые качества человека, а «степень лояльности», произвольно определяемая властями. Причем, как заявил представитель городского сената по вопросам печати Пауль Фогель, «безразлично, кем будет работать нанимаемый — чиновником полиции или всего лишь садовником городского кладбищенского ведомства».

Беспартийный доцент Йохен Хильтман был изгнан из Института изобразительных искусств в Гамбурге, поскольку он, как заявил городской сенат, состоял в «инициативном комитете за развитие кинематографии в Демократической Республике Вьетнам», а также участвовал в создании «объединения социалистически настроенных деятелей культуры».

От нового директора театров земли Гессен Хагена Мюллера-Шталя потребовали дать при заключении трудового договора обязательство «всей своей деятельностью доказывать верность свободному демократическому правопорядку в духе конституции».

А как можно «очистить» себя от всяких подозрений в «нелояльности» по отношению к конституции?

Об этом узнал на практике Вольфганг Айзгорн из Мюнхена. Его адвокату баварское министерство по делам культов сообщило следующее: «Для Вашего клиента было бы лучше, если бы он смог представить доказательства того, что возбудил дело о разводе, причем если он назовет членство супруги в ГЖП одним из мотивов расторжения брака, было бы желательно подтвердить это соответствующим документом».

«Выдающийся» вклад в кампанию, доводящую «указ о радикалах» до абсурда, вносит правительство земли Баден-Вюртемберг, где уже давно и шумнее всех преследуют «врагов конституции». Это уже опять мнение «Ш т е р н а». В этой земле, согласно распоряжению ее правительства, должны проходить проверку даже прошедшие ее в Баварии, где правит ультрареакционный Христианско-социальный союз, возглавляемый Штраусом.

В Штутгарте, столице земли Баден-Вюртемберг, местные власти не теряются даже тогда, когда доказательств «нелояльности» не хватает. Инженер Генрих Блазенбрай лишился работы в окружной администрации потому, что, будучи активистом близкого к Германской коммунистической партии студенческого союза «Спартак», отказался ответить чиновнику министерства внут-

ренных дел на вопрос, является ли он членом ГКП. Его выбросили на улицу, поскольку, как утверждает министерство внутренних дел, характер организации «Спартак» «дает основания предполагать», что Блазенбрай состоит и в компартии. Кроме того, добавляют чиновники, установки самого «Спартака» являются «по меньшей мере частично антиконституционными».

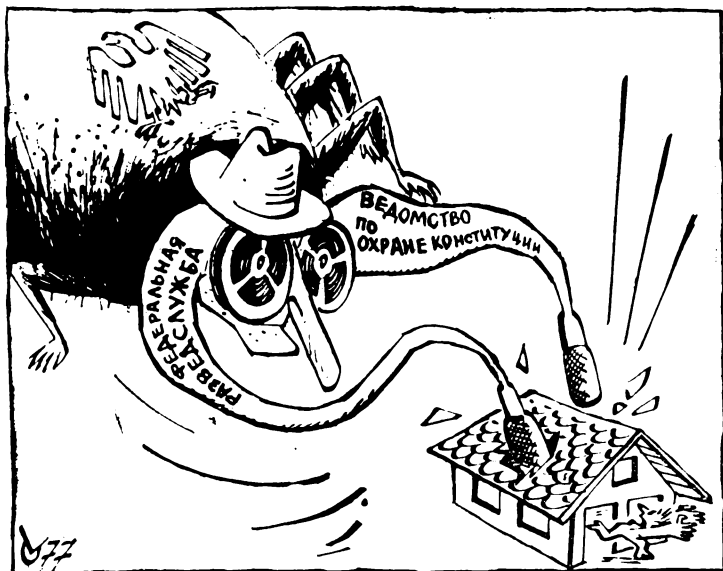
Совершенно очевидно, что ни сами уволенные, ни миллионы других в ФРГ не согласятся с утверждением канцлера Шмидта, что сейчас гражданам республики дано «больше свобод», а их «безопасность» и «защита» от произвола обеспечены «лучше, чем раньше». И об этом, в частности, заявили шестнадцать жителей Гамбурга, уволенных с работы за свои политические убеждения, в открытом письме Г. Шмидту, которое было перепечатано одной из шведских газет.

«...Мы окончили высшие учебные заведения и получили дипломы, дающие нам право работать преподавателями, служащими органов социального обеспечения, управления и почтового ведомства. В официальных заключениях говорится, что мы — вполне пригодные к работе, сознающие свою ответственность специалисты. И тем не менее городской сенат и почтовое ведомство распространили на нас действие «запретов на профессии».

Меры, которые были приняты против нас, и способы их применения находятся в противоречии с законами нашей страны, конституцией Федеративной республики, а также Всеобщей декларацией прав человека, принятой ООН. Кроме того, они противоречат Заключительному акту, принятому в августе 1975 года на совещании в Хельсинки. При рассмотрении наших «дел» игнорировались декреты федерального конституционного суда, поскольку мы находились под наблюдением ведомства по охране конституции, причем некоторые из нас — в течение многих лет.

Сомнительные материалы, полученные в результате этого наблюдения, были собраны в досье, а «избранные» места из них переданы сенату для воз-

буждения дела о «запрете на профессии». До сего дня никто не рассеял наших подозрений, что по отношению к нам тайно совершались действия, о которых ни мы, ни наши адвокаты не имели ни малейшего представления. Подобный образ действий не достоин правого государства, ибо он не имеет никаких законных оснований. Все эти ма-

*В чужой монастырь
со своим микрофоном*

хинации с «запретами на профессии» в Гамбурге основаны лишь на материалах тайной полиции, которые невозможно ни проверить, ни проконтролировать, а власти возлагают тяжесть доказательства невинности на самих обвиняемых. Этот и другие неприемлемые для демократии приемы напоминают о методах, свойственных полицейским государствам».

Заимствуя опыт у своих американских «собратьев», западногерманская военная контрразведка — МАД — организовала слежку за поли-

тическими организациями и отдельными гражданами ФРГ, причем, по данным печати Западной Германии, если в 1971 г. число лиц, оказавшихся объектами внутреннего шпионажа со стороны секретных служб, составляло 100 тыс. человек, то ныне их число превышает 1,3 млн. «Западные немцы только недавно с опозданием узнали, что поломки их телевизоров могут быть вызваны секретными службами,— писала в начале февраля 1978 г. парижская «М о н д». — Именно это имело место, как теперь стало известно, в новом деле «водопроводчиков», которые шпионили за секретарем министра обороны Лебера. Эти «водопроводчики» являлись членами МАД — службы военной контрразведки, которые действовали даже без ведома самого министра».

Как выяснилось, летом 1974 г. секретарь министра пожаловалась, что телевизор у нее дома работает с сильными помехами. Она не подозревала, что эти помехи вызываются агентами МАД, и потому была довольна, когда к ней прибыли три специалиста, которые быстро привели к порядок антенну и телевизор. Эти «липовые» специалисты были на деле агентами МАД, которые воспользовались вызовом, чтобы установить в квартире подслушивающие устройства.

Отмечая, что хотя министр и не подозревал об этом конкретном случае шпионажа, «М о н д» утверждает, что в целом «Лебер знал о незаконных операциях, проводившихся службой, которая теоретически находилась под его контролем».

Надо сказать, что весной 1977 г. боннскому кабинету пришлось столкнуться с подобным скандалом, когда всплыл наружу факт слежки за известным ученым-атомщиком Клаусом Траубе, также ставшим объектом внимания МАД. Тогда министр внутренних дел В. Майхофер утверждал, что установка микрофона в доме физика была исключительным случаем.

Сейчас в подобные сказки никто не поверит, тем более что выяснилось: подслушивались и телефоны видных политических деятелей, в том числе руководителей оппозиционного блока ХДС/ХСС. И хотя

лидеры ХДС/ХСС сами всегда выступали в качестве ярых сторонников ограничения демократических прав и свобод граждан ФРГ, особенно прогрессивно мыслящих, на этот раз они подняли шум, рассчитывая нанести удар по правительству Г. Шмидта. Министру Леберу пришлось уйти. Однако его отставка не меняет сущности дела. Министры приходят и уходят, а контрразведка остается, тем более что гонениями на «красных» занимается в основном другое ведомство.

Бундестаг в 1976 г. внес в уголовное законодательство статью 88-а, дающую под предлогом борьбы против «агитации за насилие» возможность судебного преследования «инакомыслящих».

Газета «Ц а й т» тогда предупреждала: «Толковать этот закон можно по-разному, и это открывает возможности для полицейского и юридического произвола».

Итальянский журнал «Э с п р е с с о» опубликовал статью, в которой поведал о том, как применяется эта статья уголовного законодательства. Получилась весьма выразительная картина:

...Город Тюбинген. 30 полицейских, вооруженные автоматами и пистолетами, ворвались в 5 часов 40 минут в дом владельца книжного магазина Гюнтера Ц. Ему приказали сесть, заложить руки на затылке. Начался лихорадочный обыск. Полицейские нашли, наконец, книгу об истории крайне левых движений под названием «Революционный гнев» и забрали хозяина магазина в полицейский участок. Операция «Книготорговцы» принимает все более широкие масштабы, продолжает «Э с п р е с с о». Обыски без всякого ордера проводят повсюду: в домах, книжных магазинах и библиотеках. Изымают книги, которые в других странах служат учебными пособиями для университетов. Полученные «результаты» с тевтонской методичностью регистрируют, а затем эти данные закладывают в огромную электронно-вычислительную машину «Надис», принадлежащую полиции в Бад-Годесберге. Конфискация и обыски происходят в Кёльне, Эссене, Гейдельберге, Бохуме, Франкфурте-на-Майне, Мюнхене. Некоторые владельцы

книжных магазинов пытались выразить протест, выпустив брошюру под названием «Статья 88-а в действии: как сжигать книги, не замарав рук». Сорок человек, распространивших эту брошюру, оказались под судом.

В прошлом году депутат бундестага от ХДС Хайнрих Винделен развернул кампанию против так называемой «красной волны». Рейнландская организация ХДС собрала «доказательства» «подрывной деятельности левых», усиливших свое влияние на радио. Цель — вызвать у редакторов и радиожурналистов чувство неуверенности, страха попасть в «черные списки».

Жертвами объединенных усилий по ужесточению цензуры стали целые программы радио и телевидения, из которых выброшены все элементы политики и допускается лишь непритязательная развлекательность. Яростные нападки, которые вызывает любая критическая программа, способствуют тому, что никто из штатных редакторов, не говоря уже о внештатных сотрудниках, не решается братья за «рискованные» темы.

На «свободном рынке» искусства применяются более простые приемы борьбы: здесь отказывают в денежных средствах. Райнер Вернер Фассибиндер собирался поставить телефильм о крупных земельных спекулянтах во Франкфурте-на-Майне. Комиссия, ведающая выдачей субсидий деятелям кино, забрала представленный сценарий.

Там, где не помогает «денежный барьер», обращаются к судебным органам. Режиссер Хельке Зоммер сняла на пленку несколько эпизодов демонстрации женщин против дискриминации. Ее арестовали, а отснятая пленка была конфискована полицией. Прокуратура отвела протест ее адвоката.

«Настоящий правый ценится в нашей стране выше, чем предполагаемый левый, во всяком случае если он хочет поступить на государственную службу», — вынужден констатировать журнал «Штерн». Оказывается, кто является, например, членом НДП (неонацистская партия), тот может быть государственным служащим. Пример

тому — Отто Фюрер, 56-летний главварь организации НДП в Шлезвиг-Гольштейне. Согласно решению земельного правительства христианских демократов, он имеет право читать курс лекций по праву в местной профессиональной школе. Напротив, тот, кто поддерживает цели Германской коммунистической партии, вынужден оставаться за бортом, как «противник конституции». Один из примеров — Анна Ленхарт из Майнца. Этой женщине было запрещено преподавать в школе, потому что она член ГКП.

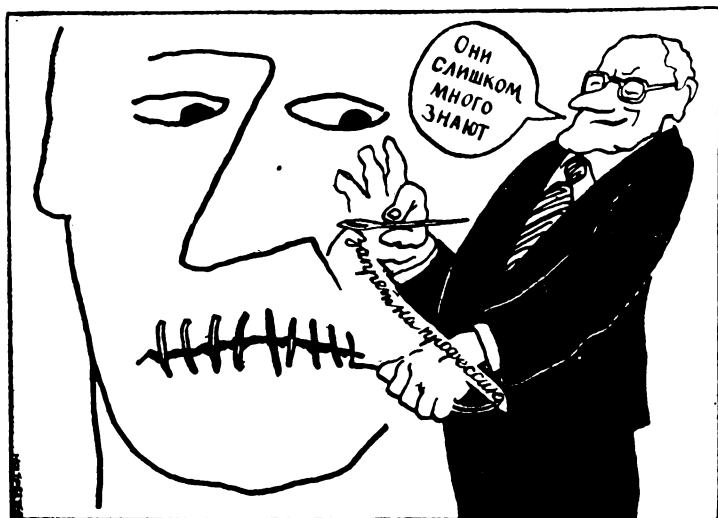
Крайне правые в категорию «противников конституции» практически не попадают. Так, школьный учитель Гюнтер Деккерт из Мангейма, председатель организации «Молодые национал-демократы» (молодежная организация НДП), уволенный за агитацию в пользу НДП, уже через несколько недель был восстановлен в должности. Административный суд в Карлсруэ постановил: Деккерт может находиться на государственной службе, так как антиконституционность НДП «не очевидна». Федеральный административный суд еще яснее высказался в защиту одного офицера бундесвера — члена НДП: «До запрещения деятельности какой-либо партии никто не может в ущерб государственному служащему ссылаться на то, что запрещенная еще партия антиконституционна». Когда же член ГКП Анна Ленхарт подала жалобу в суд, те же самые судьи рассудили иначе. Они постановили: пригодность претендента на должность учителя сомнительна, если он является членом «экстремистской политической партии».

«Иными словами, достаточно иметь партийный билет коммуниста, чтобы тебе был закрыт путь на государственную службу», — делает вывод еженедельник «Штерн».

Правда, Федеральный конституционный суд в постановлении от 22 мая 1975 г. рекомендовал органам, занимающимся приемом на службу, строго соблюдать индивидуальный подход «при оценке личности соискателя». Но тем самым он одновременно санкционировал слежку за убеждениями и настроениями. Допросы с пристрастием, ложные

обвинения, требования доказательств, подозрения и дознания, проводимые органами ведомства по охране конституции, — все это уже давно стало обычной практикой властей, от которых зависит поступление на государственную службу.

Такова политическая атмосфера в ФРГ. Кстати, социал-демократы оказались в роли того ученика

Свобода слова по-западногермански

волшебника, который не может справиться с джинном, им же самим выпущенном из бутылки. В Баварии и Баден-Вюртемберге на государственную службу теперь не берут даже социал-демократов, если они в свое время были членами Социал-демократического союза студентов высших учебных заведений или принимали участие в демонстрациях вместе с коммунистами.

«Запрет на профессии» распространяется и на членов СДПГ, и на членов Свободной демократической партии, и на членов профсоюза. Школьного учителя социал-демократа Райнера Кордацки уволили со службы в Баварии. Причиной послужили

сомнения в его «верности конституции», потому что он «добровольно» проживает в доме, на котором вывешивается красный флаг, не принимает участия в богослужениях, а во время учебы «состоял в красных кружках». Учитель Рольф Эйкмайер из Ринтельна в Нижней Саксонии был уволен с работы за то, что ездил в ГДР. Штутгартскому педагогу Клаусу Бейме было отказано в професуре на том скандальном основании, что «всем известно его враждебное отношение к христианско-демократическому правительству земли Баден-Вюртемберг».

Все это дало весьма веское основание депутату бундестага от свободно-демократической партии Фридриху Хельшеру так высказаться по поводу практики «запрета на профессии»:

— У нас легче стать депутатом парламента, чем дежурным на железнодорожном переезде.

Не очень лестная оценка политическому укладу государства, которое устами президента, кстати, принадлежащего к той же самой партии, называет себя «правовым» и «демократическим»!

Однако, пожалуй, по части демагогических вариаций на тему о демократии в мире нет равных златоустым представителям правящего класса Великобритании, представляющим свою страну в качестве ее бастиона и опоры. Слов нет, хозяева Британских островов, разбогатевшие на нещадной эксплуатации обширной колониальной империи, пустили в обиход кое-какие атрибуты буржуазной демократии, рассчитанные прежде всего на внешний эффект, на то, чтобы разукрашенный фасад скрывал неприглядную сущность. Однако, предупредил еще В. И. Ленин, «господство финансового капитала, как и капитала вообще, неустрашимо *никакими* преобразованиями в области политической демократии...»¹.

Жизненность этого предупреждения в наши дни подтверждают события, разыгравшиеся, например, на арматурном заводе, входящем в состав

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 254.

крупной государственной корпорации «Бритиш стил», который разместился рядом с причалами Темзы в восточном пригороде Лондона — Гринвиче.

В мае 1977 г. администрация завода уволила шестерых профсоюзных активистов, сообщила «С а н д и т а й м с». Среди них Поля Лютенера и Рея Даффина. Однако рабочие в знак солидарности с товарищами заняли предприятие. Поспешно покидая административное помещение, дирекция не успела захватить с собой всю документацию. В конторе управляющего были обнаружены секретные материалы, из которых стало ясно, что за рабочими с ведома руководства корпорации велось тайное полицейское наблюдение. Конечно, ни боссы, заправляющие в корпорации, ни полицейские чиновники не предполагали, что эти материалы когда-нибудь станут достоянием гласности. Среди бумаг — копия анкеты, которая заводится на каждого рабочего, подавшего заявление о зачислении на завод. В ней особо отмечалась необходимость выяснить, занимался ли рабочий, поступающий на работу, какой-либо политической деятельностью.

В руки профсоюза попал также документ, подписанный управляющими предприятия и свидетельствующий о том, что администрация запрашивала в полиции компрометирующие данные на Поля Лютенера и Рея Даффина, а также обращалась за помощью в так называемую «экономическую лигу» — реакционную организацию предпринимателей, созданную еще в 1919 г. с целью, как сказано в ее уставе, «активного противодействия подрывным силам», т. е. для борьбы против стачечников. В ответ на запрос особый отдел Скотланд-Ярда предоставил копию документов из своей секретной картотеки.

— Я был глубоко поражен, — сообщил журналистам водитель крана Рей Даффин, — когда узнал, что в полиции на меня заведено специальное досье, где имеются данные, относящиеся еще к 1954 г., когда мне было всего 18 лет. Теперь, используя эти сведения, администрация уволила

меня. Наверное, таким путем хотят разделаться и с другими профсоюзными активистами.

Согласно информации, переданной полицией на Поля Лютенера, он обвинялся в том, что участвовал в демонстрациях и распространял социалистическую литературу.

Разоблачение связей администрации государственного предприятия с особым отделом Скотланд-Ярда вызвало скандал. Конечно, и раньше было известно, что полицейская проверка «благонадежности» сотрудников и увольнения по политическим мотивам стали негласно узаконенной практикой в Великобритании. Незадолго до этого, например, газеты сообщили, что секретные досье заведены на работников радио- и телевизионной корпорации Би-би-си. Но, пожалуй, впервые в руках общественности оказались документы, подтверждающие, насколько широкий размах приняла полицейская слежка в стране. В канун 1978 г. журналисты посетили Поля Лютенера в его маленькой однокомнатной квартире в рабочем квартале Ист-Энда.

— Почти четыре месяца ищу работу, — сообщил он. — Но устроиться очень трудно. Желающих и так много, а я из-за своих взглядов окончательно занесен в «черный список»...

Так же, как и профсоюзный активист с арматурного завода компании «Бритиш стил» англичанин Поль Лютенер, в «черных списках» оказался и итальянец Клаудио Мессинео с завода римской фирмы «Вангард», с которым нас сводит римский еженедельник «Эспрессо».

Клаудио Мессинео подал заявление о приеме на работу, прошел три собеседования, после чего ему предложили пройти испытательный срок. Его непосредственный начальник Альберто Франчоне отозвался о нем так:

— Я отметил у него старательность, интерес к работе, высокие профессиональные навыки. Дирекция никогда не интересовалась моей оценкой его способностей. Однажды мне просто сообщили, что Мессинео уволен с формулировкой: «Не отвечает требованиям фирмы».

В действительности приказ об увольнении был подписан потому, что дирекция узнала через своих осведомителей, что Мессинео — член одной из левых организаций.

Другой высококвалифицированный рабочий, Лучано Феликка, начал проходить испытательный срок на заводе «Альфа-Ромео». За короткое время сумел добиться отличных результатов, и его поставили к сборочному конвейеру. На 26-й день работы он получил от дирекции уведомление об увольнении. Нет, он не нарушил правил внутреннего распорядка. Просто за это время частные детективы успели обнаружить, что Феликка симпатизирует левым партиям.

Эти люди — не исключение. Наоборот, их судьба характерна для той атмосферы, которая господствует на предприятиях Италии, как об этом пишет «Э с п р е с с о».

Имена тысяч рабочих, уволенных в конце испытательного срока из-за «неблагонадежности», и других отсеянных в ходе собеседования навсегда остаются в картотеках крупных предприятий. Если информация, собранная частными сыскными агентствами, характеризует рабочего как человека со взглядами, «не вписывающимся в рамки существующей системы», ему никогда не удастся устроиться на какое-либо предприятие. Даже по прошествии многих лет за ним будет тянуться «идеологический хвост» — ярлык политической неблагонадежности, утверждает этот журнал. Обычно из десяти человек, подающих заявление о приеме на работу, только одному удается пройти все испытания. Однако в картотеку предприятия аккуратно заносятся данные на всех десяти...

Показательно, что наиболее целеустремленно в этом смысле действуют итальянские филиалы американских монополий. Стоит заметить, что в самих США, как пишет журнал «Ю. С. н ь ю с э н д У о р л д р и п о р т», все более широкое применение в деловом мире находит применение «детекторов лжи» или «полиграфов». По мнению бизнесменов, «детекторы лжи» теперь являются общепринятым способом проверки людей, говорит

Сол Д. Астор из нью-йоркской корпорации «Менеджмент сейфгардс», указывая, что «иных методов почти не существует». Бизнесмены применяют «полиграфы» для предварительной проверки людей при найме на работу. Некоторые фирмы требуют от своих сотрудников даже регулярной проверки на «детекторах лжи».

Компания «Хониуэлл информейшн систем» распространила на своих итальянских предприятиях анкету с такими вопросами: «Являясь членом профсоюза, участвуете ли вы в профсоюзных собраниях? Если не участвуете, то по каким причинам: собрания не нужны, на них слишком много говорят о политике, они отрицательно влияют на вашу карьеру, на вашем предприятии профсоюзы вообще не нужны? Каковы, по вашему мнению, недостатки в деятельности профсоюзного комитета?»

Наиболее хитроумная техника используется на предприятиях концерна «Монтэдисон». С помощью специальной системы радиорелейной связи руководство концерна из своей штаб-квартиры в Милане может осуществлять перехват и подслушивание всех телефонных разговоров отделений «Монтэдисон», разбросанных по территории всей страны.

На заводах «Фиат», как отмечает миланский журнал «П а н о р а м а», занято 190 тыс. рабочих и служащих, но в отделе кадров имеются подробные данные на 346 тыс. человек, когда-либо пытавшихся устроиться на предприятия автомобильного гиганта. Из 150 655 человек, на которых были составлены карточки в 1967—1971 гг., 59 268 получили отказ в приеме на работу. Причины? Главным образом политического характера.

Чтобы прослыть опасным «подрывным элементом», достаточно было, чтобы рабочего заподозрили во взглядах, «близких к коммунистическим», увидели за чтением «У н и т ы» или просто узнали, что он вступил в прогрессивный профсоюз. Вот некоторые из приведенных этим журналом образцов карточек, составленных на рабочих левых убеждений:

Ренато Ф. Хотя и не подавал до сих пор особых оснований сомневаться в его моральном об-

лике, оставляет желать много лучшего с точки зрения поведения. Ревностно посещает коммунистическую секцию. Члены семьи также придерживаются откровенно коммунистических убеждений.

Сильвино Ц. Политические прецеденты: 7 августа 1939 г. зарегистрирован как коммунист; вплоть до 1944 г. находился под негласным надзором полиции.

Катерина В. Вдова Карло В. Не скрывает сочувствия к коммунистам. Читает «Униту». Муж был ярким коммунистом, пропагандистом, партизаном.

Джованни Б. Несмотря на то что его отец — церковный служака, считается сочувствующим коммунистам.

О целях хозяев ФИАТа «П а н о р а м а» пишет так:

«Идеальный рабочий концерна должен быть аполитичным, по возможности усердным прихожанином, пользоваться отличной репутацией у соседей. Очень хорошо, если он высказывал центристские взгляды или числился сторонником «партии порядка». Охотно принимают также либералов, монархистов или членов ИСД—НП (Итальянское социальное движение — Национальная правая неофашистская партия. — *Авт.*)».

Чтобы заполнить подобными характеристиками 346 тыс. карточек, руководители компании черпали информацию из всех возможных источников. Документы неоспоримо свидетельствуют, что главную роль среди этих источников играли карабинеры, полиция и разведка. Помимо того обнаружены доказательства существования густой сети мелких осведомителей, созданной ФИАТом в провинциях Турина, Асти, Кунео, Верчелли и Александрии.

Еще в 1953 г. профсоюз металлистов ВИКТ обращался в туринскую прокуратуру с заявлением, где говорилось: «Каждого рабочего обволакивает атмосфера подозрения, ему внушается ощущение, что он «постоянный поднадзорный», что он живет и работает не как свободный человек. Климат, созданный на заводах компании, — недопустимый,

антиконституционный и просто антигуманный». Заявление положили под сукно.

По мнению многочисленных представителей профсоюза, с помощью карточек концерн достигал и другой цели: «контролировать и пресекать нарастание социальной напряженности», т. е. классовых выступлений в защиту экономических прав.

Подобную же задачу ставили перед собой и маккартисты из далекой Австралии, где также процветает практика широкой слежки за людьми, о которой общественность узнала на основании расследований деятельности тайной полиции, проведенных в январе 1978 г. лейбористскими властями штата Южная Австралия.

Как выясняется, австралийская секретная разведывательная организация (АСРО) в течение многих лет вела политическую слежку за тысячами людей, пишет английская «Г а р д и а н».

Специальный (политический) отдел полиции составил досье на 40 тыс. человек при общей численности населения штата в 1.250 тыс. Создан был специальный отдел по приказу АСРО, которая руководила его деятельностью.

В докладе судьи штата Джеймса Уайта о досье специального отдела говорится, что эти документы «не имели никакого отношения к вопросам безопасности страны и были вопиюще несправедливы в отношении тысяч лояльных граждан», хотя, надо сказать, этот законник считает вполне естественной слежку за коммунистами и людьми прогрессивных взглядов вообще, а также за их организациями.

Премьер-министр штата Южная Австралия Данстэн обвинил тайную полицию в «посягательстве на элементарные гражданские права и в проведении самой пристрастной политической слежки», пишет «Г а р д и а н». Но характерная деталь: по заявлению бывшего директора АСРО Барбура, досье, подобные тем, которые были обнаружены у специального отдела в Южной Австралии, имеются во всех штатах страны. Однако правительство страны не намерено покончить с этой деятельностью разведки.

Буржуазные власти организуют широкое наступ-

ление на свободы. Доказательством этого служит введение политико-полицейской проверки персонала учреждений Европейского экономического сообщества. Она распространяется, в частности, на 7 тыс. служащих — среди них около 1 500 французов — брюссельской штаб-квартиры ЕЭС, сообщили в прошлом году многие парижские газеты. Для этой цели применяется анкета, составленная в духе откровеннейшего маккартизма, в которой есть такие вопросы:

«Имели ли вы контакты с группой или движением, связанными с коммунистической организацией либо симпатизирующими ей?»

«Находились ли вы в тесных отношениях с лицами, которые являются коммунистами или были таковыми?»

О подслушивании телефонных разговоров в штаб-квартире ЕЭС в Брюсселе стало известно еще в 1970 г. Однако 7 тыс. служащим, работающим там, неизвестно, прекращены ли они, несмотря на скандал. Видимо, с санкции руководителей Общего рынка система слежки распространяется на всю «малую Европу».

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе гласит, что «государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религий и убеждений...»¹. Руководители Соединенных Штатов Америки, а также других государств НАТО пытаются выставить себя в качестве поборников этих принципов. Однако на самом деле в странах капитала эти права и свободы лишь декларируются, оставаясь на бумаге.

¹ «Во имя мира, безопасности и сотрудничества». К итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 г. М., 1975, с. 20.

«Буржуазная демократия... всегда остается,— говорил В. И. Ленин,— и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных»¹. Эти слова с особой силой звучат в условиях нынешнего социально-экономического кризиса, охватившего страны капитала.

В пресловутом обществе «равных возможностей для всех» даже «дозволенные» буржуазными конституциями куцые права и свободы сводятся сегодня на нет усиливающимся имущественным, социальным, расовым неравенством. И тем не менее западная пропаганда талдычит, что капиталистическое общество — это, мол, «образец демократии». При этом она старательно делает вид, будто ей невдомек тот факт, что эта многократно повторяемая ложь опровергается самой действительностью капиталистического мира, где человек труда — лишь средство извлечения максимальной прибыли теми, в чьих руках орудия и средства производства, а потому его удел — эксплуатация и угнетение.

О какой демократии может идти речь в обществе, где попираются элементарные права человека, в том числе и такое основополагающее, как право на труд, а отсюда — и на само существование? А ведь именно об этом свидетельствуют цифры, за которыми стоит трагедия миллионов людей: только в промышленно развитых капиталистических государствах насчитывается 17 млн. безработных. Причем это по официальным данным. А по данным профсоюзов, число обреченных на вынужденное безделье значительно больше. Но даже если иметь в виду эту цифру, умножив ее по меньшей

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 252.

мере на три (жёны, дети), то с полным основанием можно утверждать: правящие круги капиталистических стран бесцеремонно попирают право человека на труд. Выросло целое поколение людей, которые никогда не работали, ибо не могут найти работу. Это «лишние люди» (формулировка позаимствована нами из зарубежной прессы), и их бедственное положение становится все невыносимее.

Итак, наш разговор пойдет о безработных.

В парижском еженедельнике «Н у в е л ь о б с е р в а т е р» читаем:

«*Безработный, -ая*: имя существительное, обозначает лицо, лишенное работы»... Так пишет «Малый Ларусс» (энциклопедический словарь.— *Авт.*). А вот как об этом говорит Клод:

— Если хочешь знать, в этом для меня и заключается вся проблема. Да, конечно, я состою на учете в АНПЕ (Национальное агентство по трудоустройству), постоянно читаю в газетах объявления о найме, но до меня как-то не доходит, что я безработный. Что такое безработный? Это кризис 1929 года, это похлебка, которую раздают на улице, это башмаки, которые просят каши, и штаны в заплатках. Тогда все это бросалось в глаза. А сейчас: посмотри на меня — разве я так выгляжу?

Как свидетельствует Мари Мюлле, опубликовавшая в «Н у в е л ь о б с е р в а т е р» рассказ о Клоде, на безработного времен «великой депрессии» он в самом деле не похож. На нем свитер и джинсы. Он вполне здоров и даже бодр на вид. В списках безработных Клод, фармацевт по профессии, состоит уже восемь месяцев.

В течение первого месяца Клод занимался интенсивными поисками. Каждое утро начинал их, как будто шел на работу. И возвращался, как с работы — вечером, в часы «пик», когда вагоны метро битком набиты усталыми людьми.

— Вначале ты делаешь все, как и прежде, по привычке, — сообщил он журналистке. — Намечаешь разные дела, куда-то спешишь. Но потом вдруг впадаешь в отчаяние, потому что обнаруживаешь,

что у тебя масса свободного времени и можешь болтаться просто так, без дела. А ты не желаешь себе этого позволить. И все время ищешь, чем заняться, теряешь ощущение реальности происходящего.

Клод подрабатывает всюду, где может: неделю — ночным сторожем, две — грузчиком, пять дней — продавцом каштанов.

Точно так же поступает другой герой репортажа, опубликованного в «Н у в е л ь о б с е р в а т е р», — Антуан, социолог по профессии. Но только Антуан еще реже улыбается: он без работы вот уже два года. Его история, по словам журналистки, «банальна»: работа — служба в армии — безработица. Его прошлогодняя карточка безработного вся покрыта штампами. Недавно ему выдали новую.

— Пройдет год, — говорит он, — и все листки тоже покроются отметками. Мне будут их проставлять дважды в месяц... Я наметил себе крайний срок: два года. Если ничего не изменится, значит, полный крах жизни.

Слабо улыбнувшись, Антуан сказал: «У меня ощущение, что я уже совсем раздавлен».

Но еще плачевней обстоят дела у Жана-Мишеля. Ему тяжелее, потому что он питал больше иллюзий, больше надежд. Дипломированный специалист в области экономики, прекрасно говорящий на двух иностранных языках, он готовил себя к блестящей карьере по коммерческой части. В течение года Жан-Мишель методически, терпеливо наведывался на предприятия, в банки, крупные конторы... без всякого результата.

«Он выкуривает по три пачки сигарет в день, — пишет журналистка. — На его лице следы глубокой усталости. Он еще на что-то надеется».

— Ни в коем случае нельзя давать понять, что ты «закоренелый» безработный, что ты в отчаянии. Обычно я говорю: ищу работу всего только один месяц. Нужно иметь вид человека, уверенного в себе, деятельного, иначе — крышка...»

О безработице в западной прессе пишут все больше (на то есть свои причины — позже мы

рассмотрим их) и пишут по-разному. Вот, к примеру, как освещает эту злободневную тему нью-йоркский еженедельник «Ньюсуик»: «О безработице, как и о любви (или инфляции), трудно сказать что-нибудь оригинальное. Поэтому начнем с двух тривиальных истин. Истина первая: безработица в большей или меньшей степени стала общим явлением для всех промышленно развитых капиталистических стран. Истина вторая: ныне все сходятся во мнении, что безработица на Западе сохранится еще очень долго. Это заставляет задаться вопросом: может ли полная занятость считаться естественным, нормальным явлением для нашего общества?»

В нынешних условиях более правомерно такое утверждение: нормой следует считать весьма значительный уровень безработицы, а полная занятость — лишь исключение из правила. Так оно и есть повсюду, за исключением коммунистических стран, где безработицы не существует, — продолжает «Ньюсуик». — Полная занятость никогда не наблюдалась в «третьем мире», не было ее и в странах, находящихся на окраине индустриальной Европы, таких, как Испания, Португалия, Греция, Турция. В связи с этим напрашивается тревожный вопрос: а возможна ли вообще полная занятость? Ни один политический лидер не посмел ответить на него отрицательно: это грозит немедленной потерей всякого доверия населения, а с ним и шансов на избрание или переизбрание».

Итак, «нормой следует считать весьма значительный уровень безработицы»... О том, что этот уровень более, чем значителен, свидетельствует на страницах английской газеты «Санди таймс» Кейт Ричардсон:

«Зловещая тень безработицы над Европой (естественно, имеется в виду Западная Европа. — *Авт.*) растет и чернеет. Число безработных в девяти странах Общего рынка побилло все рекорды прошлых лет. Повсюду с нарастающим скептицизмом и недоверием оценивают возможности своих правительств хоть как-то «залатать дыры»».

Далее в статье говорится, что во Франции и

ФРГ экономисты создали массу проектов по преодолению кризисной ситуации с безработицей, и компьютеры производят сложнейшие расчеты по перемещению трудовых ресурсов. В Бельгии введены исключительно строгие законы, по которым безработный обязан каждый день отмечаться на бирже труда, иначе он лишится пособия до истечения установленного срока. А воз, как говорится, и ныне там. Французы потратили 10 лет на то, чтобы переоборудовать старые и мрачные биржи труда: мягкий свет и сотрудницы в яркой униформе встречают ищущих работу. Компьютеры в течение получаса сопоставляют данные 30 агентств с данными о квалификации желающего получить работу. Агентства занимаются рекламой профессий по радио и организовали телефонную справочную службу для выпускников школ, не знающих, где начать поиски работы. «Все это прекрасно,—пишет Кейт Ричардсон.— Но когда я спросил у одного из служащих агентства, надеется ли он на то, что молодежь будет обеспечена работой, он безнадежно развел руками».

По мнению английского журналиста, «даже могущественные промышленники Западной Германии беспомощны». Работоспособное население страны увеличивается на 100 тыс. человек в год. В Руре, охваченном депрессией, самая крупная добывающая компания помогает не имеющим квалификации людям приобрести первоначальные навыки, в других районах никто не может помочь тем несчастным, которые уже несколько лет назад окончили школу, но так и не смогли найти работу. В Сааре возмущенные рабочие крупнейшей компании по производству стали принудили правление одобрить новую программу капиталовложений, однако это будет напрасной потерей денег: в Западной Европе, где все взаимосвязано, подчеркивает «С а н д и т а й м с», подобная акция означает, что сохранение рабочего места в Сааре вызовет ликвидацию двух мест в Руре или на Клайде (Великобритания). Министр финансов Западной Германии Ганс Апель заявил лидерам профсоюзов: «Нашей заботой являются не сотни тысяч безра-

ботных сегодня, а миллионы, которые лишатся работы в будущем...»

Само собой разумеется, что безработица охватила не только Францию, Бельгию и ФРГ, упомянутые выше. Нет ни одной капиталистической страны, незнакомой с этой проблемой.

На страницах «Нью-Йорк таймс» мы знакомимся с судьбой Рэнди Лоу, который, как подчеркивает газета, «пока живет в домике на Брайс-Холлу-роуд в Камберленде (штат Мэриленд)». Слово «пока» не случайно употреблено в тексте, из которого явствует, что Лоу очень обеспокоен тем, где будет ютиться его семья, когда истечет срок аренды помещения. Не меньше волнует его и другой вопрос: удастся ли когда-нибудь снова найти работу?

— На бирже труда мне сказали, что лучше уехать из города, ибо здесь мне ничего не светит, — сообщил он корреспонденту «Нью-Йорк таймс».

Подобно десяткам других жителей этого района, отличающегося высокой безработицей, 32-летний Лоу вот уже второй год не имеет постоянного заработка. Последний срок, на который ему продлили выплату пособия по безработице, скоро истекает. По счетам за покупки в кредит ему предстоит уплатить более 2 тыс. долл. Взносы по закладной он уже просрочил. Чтобы прокормить семью из четырех человек, пришлось просить выдачи продовольственных талонов. В прошлую зиму Лоу не мог позволить себе такую «роскошь», как отопление дома.

— Мы с женой чуть не окоченели, — говорит он. — Теперь у меня отбирают дом. Обидно, но ничего не поделаешь.

По-видимому, скоро ему придется покинуть округ Аллегани, где крупнейшие работодатели — владельцы предприятий домостроительной и автомобильной промышленности. Уровень безработицы здесь перевалил сначала за 10%, а в апреле прошлого года подскочил до 17,3%. На крупнейших предприятиях на западе Мэриленда численность рабочих мест сократилась: на «Селаниз фай-

берс» — с 2400 до 600; на заводе компании «Келли спригфилд тайр» — с 3 тыс. до 2760; на «Питтсборо плейт гласс» — с 1200 до 100.

И это в стране, где более 30 лет назад был принят Закон о занятости. Немало воды утекло с того памятного для американцев 1946 г., когда одной из целей национальной политики США было провозглашено обеспечение таких темпов экономического роста, чтобы они гарантировали каждому жителю США, желающему и способному трудиться, работу, которая хотя бы приблизительно соответствовала его квалификации.

Что мы видим сегодня? По числу безработных (8—10 млн. человек, в зависимости от того, кто сообщает эти данные — власти или профсоюзы) и по их процентному отношению к активному населению США побили все мировые «рекорды». Нью-Йоркский журнал «Б и з н е с у и к» пишет: «Особую озабоченность вызывает очевидная безысходность: чтобы сократить существующий уровень безработицы хотя бы на 2 % к 1980 г., необходимо изыскать (с учетом увеличения самостоятельного населения) 12 млн. новых рабочих мест, а таких темпов роста занятости в мирное время до сих пор не удавалось достичь никогда».

Число не имеющих работы особенно велико среди молодежи и представителей национальных меньшинств (негров, американцев мексиканского происхождения и др.), но столь же печальна судьба и у 57-летнего рабочего, уволенного обувным «королем» У. Т. Грантом, или у сталевара, специализировавшегося на выплавке определенных сортов стали.

«Б и з н е с у и к» публикует рассказ одной из жертв «петли безработицы»:

— Когда работаешь подряд 18 лет, о безработице не думаешь. Я был уверен, что обеспечен работой на всю жизнь.

Но от чувства уверенности, в поисках которого Уайбер, по словам «Б и з н е с у и к», эмигрировал в 1955 г. из Шотландии в США, не осталось и следа. Недавно он присоединился к растущей армии безработных, у которых истек срок права на

пособие. Как и многие другие, он вынужден теперь жить на зарплату жены, а шансов найти новое место в его возрасте весьма мало.

Уайбера, квалифицированного сборщика, уволили, когда корпорация «Дженерал моторс» закрыла завод в Детройте. После этого ему иногда удавалось найти временное занятие, но вот уже три года он не имеет никакой работы.

Уайбер говорит, что он уже ожесточился.

— Я отдал «Дженерал моторс» 18 лучших лет своей жизни. Я хочу снова вернуться на ее заводы. Пойду даже подметальщиком. Согласен на все...

Тем временем на рынок труда прибывают все новые люди, ранее не работавшие. За последние годы число подростков, ищущих в США работу, возросло с 4,8 до 8,8 млн. Даже если бы их было меньше, этих молодых людей все равно было бы трудно устроить на работу: у них нет квалификации, а предприниматели не желают брать на себя расходы по их обучению.

А вот рассказ о человеческих судьбах, опубликованный в лондонской газете «Г а р д и а н».

...Осеннее утро в провинциальном английском городке Блайте. На Веллингтон-стрит тишина. Стука дверей и торопливых шагов не слышно уже годы, с тех пор как закрыли шахты.

Кэрол Кэчпол в полутьме одевается. Ей приходится зажигать свечу — электричество уже давно отключили. Ее муж, Дерек, недавно еще был полон надежд и планов на будущее, а ныне он получает пособие по безработице и не имеет никаких перспектив.

Их сыну Ли два года. Он спит на простынях, чего не могут себе позволить родители. У Ли есть даже два одеяла. В его комнате разбито стекло, но денег на новое нет.

Кэрол или не завтракает, или не ужинает. На ланч она ест хлеб с джемом, и, таким образом, у нее хватает денег, чтобы накормить сына. Благодаря бабушке у Ли есть теплая одежда. Его одевают, и Дерек ведет сына в парк на прогулку. Затем Дерек идет на биржу труда выяснить, нет ли работы. Так продолжается с прошлого рождества.

История семьи Кэчпол характерна для жителей Блайта, подчеркивает «Г а р д и а н». Это город с самым высоким уровнем безработицы во всей Англии: 16% его населения — 976 мужчин, 306 женщин, 520 молодых людей — не имеют работы. Из 800 выпускников школ прошлого года 500 остались на улице.

Дерек и Кэрол поженились два года назад. Глава семьи работал на фабрике, охотно брался за сверхурочные и мог прокормить жену и сына. Но потом он заболел бронхитом, и его уволили. Теперь Кэчполы живут на пособие. После уплаты налогов и покупки угля для отопления на еду остается немногим более 5 фунтов в неделю.

В семье Дерек знает, что такое безработица. У него три брата и три сестры. Одной из сестер 18 лет. После окончания школы она еще не нашла работу. Другой — 16, скоро и она окончит школу. Бывшие школьники идут прямо на биржу труда. Так случилось и с 17-летней Сандрой:

— Я потеряла счет письмам, написанным в различные учреждения, собеседованиям, которые прошла.

Сандра хочет переехать на юг и там найти работу, об этом думают многие в Блайте. В последние годы в городе было закрыто 25 шахт, осталась только одна. Город постепенно пустеет.

Перенесемся за тысячи километров от Англии.

— Когда я услышал о банкротстве нашей фирмы, в глазах потемнело, меня охватил ужас. Как прокормлю теперь жену и детей, просто не знаю, — говорил корреспонденту токийской газеты «М а й н и т и с и м б у» 35-летний Тацуо Есидзава. 18 лет проработал он в компании, производящей фотокамеры. И вот фирма разорилась. Тацуо оказался на улице, без средств к существованию. Найти новую работу в его возрасте почти невозможно — ведь ежегодно тысячи японских юношей и девушек, окончивших школы или высшие учебные заведения, обивают пороги различных фирм в надежде обрести хоть какой-нибудь заработок. Между тем фирмы разоряются одна за другой. Так, по данным исследовательского бюро торговой палаты

Токио, в 1975 г. в Японии потерпели крах 12 600 фирм, в 1976 г. — 15 600, в 1977 г. — 16 тыс. Согласно официальной статистике, в стране осенью 1977 г. насчитывалось 1 300 тыс. безработных. Генеральный совет профсоюзов Японии полагает, однако, что эта цифра сильно занижена...

Приведенные выше примеры касались в основном судеб отдельных людей. Но безработица захватила уже целые города. Это подтверждает, например, французский журнал «Э л ь», опубликовавший следующий репортаж Анн-Мари Винценсини:

«Каждая и каждый, мы учимся жить с этой социально-экономической проблемой, которая превратилась в скрытую рану многих семей. Мы учимся жить с безработицей. Этот процесс обучения полон страданий и горечи. Чтобы представить свидетельства, мы отправились в Лувье. Почему в Лувье? Потому что Лувье — город-барометр, город, который на парламентских выборах голосует, как вся Франция в целом, город, где сегодня 5 % трудоспособного населения не имеет работы (средний уровень безработицы по Франции — 4,9 %.— Авт.)».

Лувье расположен в долине реки Эр на линии Руан — Эвре; 25 тыс. жителей; нормандское сердце, которое бьется в ритме маленьких лавочек, скучные окраины, безалаберные предместья. Маленький город, который растет не быстрее и не медленнее, чем любой другой. Всюду: в развалюхах, в дешевых многоквартирных домах, в особнячках или домах подороже, на современных предприятиях — жизнь течет однообразно.

«Посмотрите на стенд муниципальной комиссии по трудоустройству, зажатый между каруселями и прилавками торговцев, и вы сразу убедитесь, что этот городок в Нормандии живет в том же ритме, что и вся французская экономика в 1977 году. Тот же ритм и те же проблемы: Лувье также болен безработицей, и это бедствие с каждым месяцем усугубляется, — пишет Анн-Мари Винценсини. — Предприятия «здоровые» стремятся сократить число рабочих и не берут новых на места ушедших на пенсию или просто уволившихся. Другие сокра-

щают производство и производят увольнения. Что касается наиболее затронутых кризисом, они закрываются».

В округе Лувье (город плюс пять кантонов) агентством по трудоустройству зарегистрировано 1377 ищущих работу. В их числе 48 инженеров, 73 технических специалиста, 241 квалифицированный рабочий, 665 рабочих и 117 лиц без всякой квалификации.

Лилиан Ф. потеряла надежду.

— Я ищу работу уже полтора года, — говорит она. — В Париже я несколько лет работала в медицинской лаборатории; здесь тоже есть аналогичная работа, но предприятия прекратили прием новых служащих. У меня есть только аттестат об окончании начальной школы, и мне 45 лет. Но моя старшая дочь, которой 22 года и у которой есть диплом счетовода, ненамного больше продвинулась в своих поисках, чем я.

У Лилиан резкий голос, глаза блестят, она совсем не пытается вызвать журналистку на сочувствие к своей судьбе. Будучи ответственным сотрудником местного комитета безработных профсоюза ВКТ, она знакома с более драматичными случаями. Например, случай вдовы — матери четырех детей, получающей 800 франков пособия в месяц (за квартиру она должна платить 900 франков). «Она хотела покончить с собой и лишиться жизни своих детей, но ее удалось удержать», — говорит Лилиан. Или еще семья, которую собирались выселить, поскольку она не уплатила за квартиру. Но даже примеры, которые приводит Лилиан, не являются по-настоящему крайними случаями. Лилиан убита, тяжело переживает свое положение.

— Пособие, независимо от его размеров, не решает проблемы, — объясняет она. — Нам стыдно. Те, кто работает, не знают, какое это богатство.

Анн-Мари Винценсини знакомит читателей, вернее, читательниц, ибо «Эль» — французский буржуазный журнал для женщин, с Эрихом (27 лет, второй раз остался без работы). Ему знаком стыд, о котором говорит Лилиан. Он не хочет признать-

ся в этом ни другим, ни самому себе, но ему трудно скрыть свои чувства. Он принимает журналистку вместе со своей женой Мюриель, работающей кабельщицей на одном из предприятий Лувье.

— Утром, когда мы просыпаемся, это уже не так, как раньше,— признается Эрих в порыве откровения.— Я свободен строить свой день, как хочу. Делаю дела по дому, занимаюсь сыном. По вечерам мы стали раздражительными, почти не разговариваем друг с другом, нам больше нечего друг другу сказать.

Выключенные из активной жизни, безработные существуют только в списках Национального агентства по трудоустройству. Дважды в месяц они встречаются в бюро агентства в Лувье, чтобы в очередной раз отметить. Бюро расположено в двух этажах старого дома на площади Республики. На втором этаже коридор — «зал ожиданий», в котором ищущие работу должны ждать на скамье, зажатой между двумя стенами без окон.

Мужчины приходят в 8.30. Всех возрастов — от 17 до 50 лет. Глаза опущены. Руки в карманах. Лица прячутся за поднятыми воротниками. Все молчат. Женщины приходят позже, после того, как отведут детей в школу. Тоже поникшие, но более агрессивные. Они во весь голос говорят, что думают:

— В 40 лет нас не принимают на работу, в 50 лет мы слишком стары, чего же они ждут, чтобы отправить нас на пенсию в 20 лет?

Или еще:

— Мне предлагают работу четыре часа в день, как будто этого достаточно, чтобы прокормить семью.

«В Лувье идет дождь,— мы вновь цитируем «Э л ь».— Мокрые, измятые одежды и такие же мокрые и измятые сердца. Нервно мужчины роются в карманах, женщины — в сумках, чтобы достать розовую карточку, на которой сотрудник агентства поставит печать. Административная процедура, механический жест, который обеспечивает им существование. Перед тем как уйти, некоторые смотрят на доску объявлений с предложениями по

найму. Напечатанные на машинке мелким шрифтом объявления трудно прочесть: производственное обучение для лиц моложе 18 лет, несколько мест для квалифицированных рабочих, но главным образом работа временная.

Обескураженные, они уходят. Агентство не то место, где задерживаются. Кроме того, мало кто из них верит, что оно поможет им найти работу».

— Каждый раз, когда мы через агентство приходим наниматься на работу,— рассказывает один безработный,— там уже 6 или 7 человек ждут приема, и всем объясняют, что место занято.

— Мы не в состоянии производить предварительный отбор,— объясняет парижской журналистке руководитель агентства в Лувье Мулен.— Мы предлагаем одно и то же место всем, кто кажется нам подходящим...

«Безработица перестала быть печальным делом низших социальных слоев. В 1977 г. она поразила все социально-профессиональные категории французов. Речь идет о судьбе 1 177 тыс. людей, из которых 565 500 — женщины. Это 1 177 тыс. безработных, обреченных жить на «подаяние» от общества, но требующих от него работы» (по другим данным, во Франции 1,5 млн. безработных.— *Авт.*).— Такие размышления вызвало у Анн-Мари Винценсини посещение Лувье...

Да что там отдельные города. Безработица исковеркала судьбы целых поколений!

«Представьте себе биржу труда в большом городе, например в Риме. Если бы сюда разом явились только безработные итальянцы, имеющие высшее и среднее специальное образование, очередь по два человека в ряд протянулась бы от Рима до Неаполя. Их называют «незанятыми молодыми людьми». Их более миллиона в Италии. Они обивают пороги, добиваясь любой работы...»

Эта мрачная картина, нарисованная итальянским журналом «Эспрессо», иллюстрирует проблему, с небывалой остротой вставшую сегодня перед капиталистическим миром. Напомним: в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) более 7 млн. молодых

людей в возрасте до 25 лет лишены первейшего из прав человека — права на труд.

Безработица среди молодежи в странах капитала приобретает поистине катастрофические масштабы. В качестве основных причин этого явления буржуазные социологи обычно называют высокий уровень рождаемости в конце 50-х годов, научно-техническую революцию, предъявляющую все более высокие требования к выпускникам школ и университетов, неослабевающий экономический кризис.

Демографические факторы? НТР? Конечно, не они сыграли зловещую роль в судьбе миллионов молодых людей на Западе. Что же касается кризиса, то он послужил лишь детонатором, вызвавшим взрыв массовой безработицы и обнажившим антигуманную сущность эксплуататорского строя, носящую отнюдь не конъюнктурный, а постоянный характер.

Безработица и сопряженные с нею нужда, отчаяние, чувство собственной ненужности, отсутствие всяких перспектив — такую участь уготовило большей части молодого поколения общество «равных возможностей». 16—25-летние составляют 20 % активного населения стран ОЭСР, однако их доля в общем числе армии безработных превышает 40 %, причем пособие получает лишь каждый шестой. Согласно прогнозам экономистов, уровень безработицы среди молодежи даже в наиболее развитых капиталистических странах будет расти по меньшей мере до середины 80-х годов. В конце декабря 1977 г. в Париже министры труда стран ОЭСР провели специальную конференцию, посвященную этой проблеме, и пришли к неутешительному выводу: «Массовая безработица среди молодежи — проблема ужасающей серьезности практически для всех стран Организации экономического сотрудничества и развития, и нет абсолютно никаких признаков ее смягчения».

Участники конференции фактически расписались в бессилии буржуазного общества устранить это социальное бедствие.

Нью-Йоркский журнал «Т а й м» с нескрывае-

мой тревогой пишет: «Сейчас в Западной Европе более двух миллионов безработных в возрасте до 25 лет, что составляет примерно 40 % от 6 млн. безработных в странах «Общего рынка». Если и есть имя для этой возрастной группы, то это — поколение отверженных. Вопрос заключается в следующем: как долго будет оно терпеливо ждать у дверей? Правительства и социологи Западной Европы всерьез обеспокоены возможными политическими и социальными последствиями этого явления».

Журнал отмечает, что во Франции молодежь составляет 42,3 % полуторамиллионной армии безработных. Жан Русселе, глава отдела проблем занятости молодежи Национального института демографии, говорит:

— Пока не надвигается проблема поисков работы, у молодежи не ощущается разочарования в жизни. Но в последние годы пребывания в колледже у юношей и девушек можно заметить самые пессимистические мысли о будущем.

Чего ждут молодые французы от рынка труда? На что надеются? Чего опасаются?

Эти вопросы сотрудники парижского журнала «Э к с п а н с ь о н» задали многим юношам и девушкам, живущим в одном из средних по числу жителей французских городов — Блуа. Кроме того, побывав на различных предприятиях в других городах Франции, они встречались с молодыми людьми, нашедшими место, но по тем или иным причинам не получающими удовлетворения от своего труда, а также с теми из них, кто находится наверху социальной лестницы и знает, что их ждет карьера.

Самый сильный удар, подчеркивает «Э к с п а н с ь о н», ожидает юношей и девушек в возрасте от 16 до 18 лет, вступающих в самостоятельную жизнь и впервые ставших перед необходимостью самим зарабатывать на хлеб.

Корреспонденты журнала обратились в бюро по найму, чтобы узнать, сколько молодых людей в Блуа ежегодно сталкиваются с проблемой поисков работы, сколько их приходит каждый год просить места.

— На этот вопрос мы не можем дать точного ответа, — заявил Пьер Вербовен, служащий биржи труда. — Наниматели, с которыми я, как обычно, в начале года установил контакт, заявили об отсутствии перспектив приема на работу. По-видимому, к 436 претендентам в возрасте от 18 лет, уже зарегистрированным в Блуа и в округе, вскоре прибавится еще 700...

Жанна Аттюэль, вице-президент ассоциации родителей учащихся лицеев и колледжей, с волнением говорит:

— Бакалавры складывают бутылки в магазине «Радар», девушки с дипломом счетовода работают санитарками в больнице или продавщицами в универмаге, да и то временно...

«Э к с п а н с ь о н» продолжает: «Для молодых людей, уже испытавших первые удары судьбы, их труд вряд ли станет призванием. Они знают, что надежды беспочвенны. Несколько месяцев оказывается вполне достаточно, чтобы понять нереальность детских мечтаний. Юноша, намеревавшийся стать учителем, «останется регистратором, и все». Сортировщица в магазине, мечтавшая заниматься воспитанием детей, в лучшем случае получит должность упаковщицы».

Уготована ли подобная участь всем? В обществе, где очень многое, если не все, определяется тем, сколько «стоит» человек и каков у него (или у его родителей) банковский счет, есть и счастливицы. Об одном из них повествует «Э к с п а н с ь о н»: «В то время как для большинства активная жизнь начинается с поисков какой-либо работы, незначительное меньшинство готовится «делать карьеру». Политехническая школа, Национальная административная школа (ЭНА), Высшая коммерческая школа, Педагогическое училище... От одних этих названий у французских школьников захватывает дух. Выпускникам этих привилегированных учебных заведений не придется думать о месте: достаточно получить диплом, и все пойдет как по маслу».

24-летний Мишель де Розен в будущем году станет выпускником ЭНА.

— Я не чувствую себя деловым «гением», — говорит он, — и нахожу, что во Франции фирмы не предоставляют молодым больших возможностей. У тех же, кто пойдет в администрацию, будет широкое поле деятельности.

Мишель де Розен признаёт, что все ему благоприятствовало: во-первых, его круг (отец — бизнесмен, светские связи, деловые знакомства, пребывание за границей, при необходимости частные уроки), школьные годы (хороший лицей, дорогие педагоги), затем высшая школа, где предоставляют все возможности для развития способностей.

— Еще большую роль играет кастовая принадлежность, — откровенно заявляет де Розен.

Да, сам по себе диплом об окончании высшего учебного заведения, как отмечает Уолтер Гудзарди в статье, опубликованной американским журналом «Ф о р ч у н», мало что значит. В статье говорится:

«Тезис о том, что выпускнику колледжа в США обеспечено хорошее место, казался большинству американцев аксиомой. Однако в последние годы он стал подвергаться все большим сомнениям. Ныне из-за переживаемых страной экономических трудностей рынок труда не может вобрать в себя большое число выпускников колледжей. Для многих дипломированных специалистов путь от образования к труду превратился в переход, губительный для чувства собственного достоинства».

По мнению автора статьи в «Форчун», над университетскими городками сгущаются тучи. Студенты ясно сознают, что дипломы, ради которых они тратят столько сил, превращаются в никчемные клочки бумаги.

Поворот, приведший к нынешнему положению, был проанализирован Ричардом Фримэном, молодым экономистом из Гарвардского университета. Рассматривая воздействие главных экономических, социальных и демографических сил, которые привели к падению ценности диплома о высшем образовании, Фримэн приходит к таким выводам: после того, как в 1957 г. в Советском Союзе был запущен первый искусственный спутник Земли, в Соеди-

ненных Штатах возросла заинтересованность в повышении образовательного уровня. Как следствие этого расходы федерального правительства на нужды высшего образования увеличились с 1960 по 1970 г. в 4 раза. Рост ассигнований на научные исследования и разработки, особенно в аэрокосмической и военной промышленности, обусловил большую потребность в работниках с высшим или средним специальным образованием. Занятость в тех отраслях промышленности, которые пользуются услугами людей с высшим образованием, росла в 1960—1969 гг. вдвое быстрее, чем в других сферах. Да и для преподавания в колледжах и университетах требовались дипломированные специалисты: к 1970 г. в системе образования было занято больше людей, чем в сталелитейной или автомобильной промышленности.

«Демографические особенности полностью соответствовали спросу на людей с дипломами: дети послевоенного бума как раз подходили к нужному возрасту, — пишет «Ф о р ч у н». — Число выпускников колледжей за 20 лет удвоилось, число студентов — утроилось. По мнению ряда экономистов, по меньшей мере 20 % роста валового национального продукта США в 50—60-х годах можно отнести за счет повышения образовательного уровня рабочей силы. Для многих американских семей капиталовложения в колледж (в конце 60-х годов получение высшего образования в среднем обходилось студенту в 17 тыс. долл.), бесспорно, представляли собой разумную инвестицию: доход на душу населения увеличивался быстрее у тех, кто получал высшее образование».

Затем соотношение между спросом на дипломированных специалистов и числом выпускников высших учебных заведений неожиданно резко изменилось. Федеральные расходы на высшее образование были заморожены, а ассигнования на научные исследования и разработки резко сократились. С 1969 г. отмечаются первые проблемы на предприятиях в тех отраслях промышленности, где сравнительно велико число лиц с высшим образованием. По словам Фримэна, «произошел вне-

запный катастрофический поворот от нехватки к избытку». Джеймс О'Тул, доцент в школе управленческих наук университета Южной Калифорнии, указывает, что к 1980 г. на каждое рабочее место, требующее высшего образования, возможно, будут претендовать 2—3 новых выпускника колледжей.

Вместе со снижением спроса понизились и оклады для выпускников колледжей; в среднем дипломник 1975 г. в реальном исчислении получает меньше денег, чем в 1969 г. Тяжелее всего пришлось окончившим факультеты общественных наук и гуманитарные. По подсчетам Фримэна, их заработок уменьшился примерно на 25 %.

В заключение статьи, опубликованной в «Ф о р ч у н е», говорится: «По мнению некоторых аналитиков, складывается взрывоопасная ситуация. Если людям, имеющим образование, придется взяться за работу, не соответствующую их квалификации, они могут стать источником социального недовольства. О'Тул опасается, что в Соединенных Штатах в конце концов на углах улиц можно будет увидеть множество нищенствующих специалистов с высшим образованием...»

Ив Лоран, главный экономист «Сосьете жене-раль», одного из крупнейших банков Франции, заявил в интервью еженедельнику «Н ь ю с у и к»: — Один из наиболее прочно укоренившихся мифов, бытующих в нашем обществе, — это миф о

возможности улучшить общественное положение, получив высшее образование. До последнего времени считалось, что образование позволяет тем, кто лишен привилегий от рождения, т. е. детям крестьян и рабочих, подняться выше по социальной лестнице и улучшить свою жизнь. Но сегодня подобные представления не соответствуют действительности. Мы рискуем оказаться в ситуации, когда придется провести четкую разграничительную линию между уровнем образования, которого достигает человек, и работой, на которую он может рассчитывать. Мы явно находимся в культурном и социальном тупике, из которого нас не вызволят никакие экономические фокусы. И никакой эконо-

номист вроде лорда Кейнса не поможет найти подходящее решение...

Снова вернемся к журналу «Т а й м». Молодые жители Западной Германии, говорится в нем, глубоко несчастны, быть может даже больше, чем их сверстники в других странах Западной Европы. Журнал отмечает, что, согласно официальной статистике, в ФРГ 251 419 человек в возрасте до 25 лет — безработные. В действительности число безработных в этой возрастной группе, вероятно, составляет примерно 400 тыс., или 40 % всех безработных в стране.

«В результате роста безработицы у юношей и девушек из рабочего класса развивается такое чувство отчуждения, которое может оказаться намного опаснее, чем идеалистическое разочарование молодежи из интеллигенции и высших классов», — отмечает журнал.

Дэвид Харрис, 39-летний социолог, работающий в одном из бюро по трудоустройству молодежи, весьма мрачно описывает своих клиентов:

— Все чаще к нам приходят молодые люди, испытывающие чувство глубокой неуверенности в жизни. Они замкнуты в себе, не имеют друзей.

Чем дальше существует эта проблема, тем труднее ее разрешить.

«Если вы, государственные и частные работодатели, ответственные политические деятели и народные представители, еще хоть как-нибудь заинтересованы в нас, напишите нам». Такое объявление поместили в западногерманской газете «Б а д и ш е ц а й т у н г» 50 девочек и мальчиков, выпускников одной из восьмилетних школ Фрейбурга. Из 105 окончивших эту школу только 20 нашли себе место ученика на производстве, 35 намерены продолжать учебу в средней реальной школе, а 50 опубликовавших вышеприведенное объявление не имеют никаких перспектив. В гамбургском еженедельнике «Ш п и г е л ь» читаем:

«В Гросс Герау (Гессен) на 15 мест ученика на производстве претендуют более 200 молодых людей... Впервые за 15 лет безработица стала реаль-

ной жизненной перспективой для миллионов людей».

За последние годы число безработных в ФРГ ни разу не опускалось — даже по официальным данным — ниже миллиона; прошлой зимой оно в 3 раза превышало уровень 1967 г., когда разразился первый кризис занятости с начала «экономического чуда». Тогда он затронул главным образом людей старших возрастов. Потом пришла очередь молодежи. Ее доля среди безработных уже в 1974 г. была в 2 раза больше, чем в 1967 г. В четырех отраслях промышленности, которые всегда развивались успешно, — металлообрабатывающей, машиностроительной, автомобильной и электротехнической, — согласно подсчетам Института мировой экономики при Кильском университете, ежегодно теряют работу сотни тысяч человек.

К чему все это приводит, рассказывается в исследовании психологических аспектов безработицы, проведенном группой западногерманских социологов, опубликовавших свои выводы на страницах штутгартской «Бильд дер Виссеншафт».

В ФРГ безработица со всей очевидностью превратилась в долговременную проблему, которая затрагивает всех граждан, подчеркивает «Бильд дер Виссеншафт». Ухудшается не только материальное положение. Особенно тяжелое воздействие безработица оказывает на моральное состояние своих жертв. Это явствует из результатов работы, проведенной группой социологов из Института исследования социальных возможностей (Кёльн). Опросы проводились в трех крупных районах земли Северный Рейн-Вестфалия. Наряду с 1296 безработными обследованию подверглась контрольная группа из 1264 лиц, имеющих работу.

Что же констатировали социологи из Кёльна?

Человек, теряющий место, против своей воли оказывается исключенным из системы общественного производства. Ситуация, когда человек остается «не у дел», постепенно приводит его к уничтожительной оценке самого себя.

У многих жертв безработицы возникают нервные и психические нарушения, которые в ряде случаев приводят к серьезным заболеваниям. Эти нарушения продолжают сказываться и тогда, когда человеку удается наконец найти работу. Во всяком случае взаимосвязь между безработицей и плохим самочувствием «прямо-таки бросается в глаза». Безработные, опрошенные социологами, в 2 раза больше подвержены серьезным заболеваниям, чем работающие люди.

Опросы показали, что безработица оказывает прямое воздействие на отношения в семье и другие личные связи. 47% опрошенных безработных мужчин сообщили, пишет «Б и л ь д д е р В и с с е н ш а ф т», что «личная жизнь у них складывается плохо. Причина тут также в тяжелом моральном состоянии пострадавших. У людей, долгое время не имеющих работы, складывается глубоко фаталистическое отношение к жизни. Среди работающих и людей, оставшихся без места недавно, 32% «фаталистов», считающих, что они не в состоянии что-либо изменить в своей жизни, и полагающихся на волю случая. А среди тех, кто без работы год и более, каждый второй убежден, что активные планомерные действия и борьба за будущее бессмысленны и невозможны. Среди рабочих низкой квалификации и молодых людей, не имеющих никакой профессии, «фаталисты» встречаются гораздо чаще, чем среди безработных в целом. Собственно, почти каждый из них погружен в глубокую и тяжелую апатию».

Трагическое ощущение собственной никчемности, говорится в выводах социологов, гораздо чаще встречается у мужчин, чем у женщин, поскольку женщины считают, что они во всяком случае необходимы своим семьям. При обследовании готовности безработных пойти на те или иные жертвы ради получения места было выявлено, что подавляющее большинство согласно без размышлений пойти на переобучение, менее квалифицированный труд, низкий заработок, удлиненный или неудобный по времени рабочий день, перемену места жительства.

В заключение обследовавшимся людям был задан вопрос: какая проблема больше всего мучает их в настоящее время? 40 % безработных назвали финансовую проблему, недостаток средств к существованию. Но 48 % опрошенных поставили на первое место проблему морального порядка. Так, 25 % говорили о том, что их мучает бездействие и чувство неудовлетворенности; 8 % говорили, что они «лишние люди» в обществе; 15 % испытывали отчаяние от неуверенности в будущем, даже страх перед ним...

Выхода для «поколения лишних людей» не видно, подчеркивает в свою очередь «Ш п и г е л ь». Наступает конец иллюзиям. Работа мусорщика, как явствует из опроса, проведенного среди молодых безработных Немецким институтом по проблемам молодежи, представляется людям, дошедшим до этой грани, «почти как карьера чиновника». Поистине бесперспективно положение молодых западногерманских рабочих, не имеющих никакой профессиональной подготовки и относимых к разряду «профессионально неграмотных», а таких большинство, пишет журнал. Для них зачастую уже с самого детства предопределено место на самой нижней ступеньке общественной лестницы. По данным министерства образования ФРГ, в 63,5 % случаев родители нынешних молодых неквалифицированных рабочих тоже не проходили профессионального обучения.

«Нездоровая обстановка в родительском доме: безработный отец, скудные доходы, тяжелые жилищные условия, отсутствие хороших друзей, отсутствие помощи в учебе — все это способствует превращению молодых людей в «неудачников», — делает заключение «Ш п и г е л ь». — За этим неизбежно следует ранее знакомство с органами попечения о несовершеннолетних, детскими приютами и полицией. Растущая в течение ряда лет преступность среди молодежи дает основание утверждать, что безработица способствует социально опасному поведению, если не является его прямой причиной. Учитывая все аспекты проблемы, можно сделать вывод, что сложившуюся ситуацию нельзя

назвать иначе, как катастрофической. Но будущее еще более мрачно».

Без радости и надежды вступают они во «взрослую жизнь». Им придется на себе испытать страх, неуверенность, отчаяние. Они пишут заявления с просьбой о приеме на работу — и получают отказ. Они приходят в отделы кадров — и их встречают с неудовольствием. Они вынуждены обивать пороги, умолять, терпеть унижения, пишет другой западногерманский журнал — «Штерн». И если даже кому-то из них удастся в конце концов найти место ученика в профессиональном училище или на производстве, их ждет большое разочарование. Им придется распрощаться с надеждой получить профессию, о которой они мечтали, и заниматься тем, что еще находит спрос.

«Обманутые» — это горькое слово все чаще звучит в разговорах с молодыми людьми и их родителями. Карл Рох из Мюнхена, сообщает «Штерн», в этом году получил диплом о высшем образовании. Он мечтал стать учителем, а стал безработным. Карл считает, что в крушении его надежд виноваты «нынешний экономический кризис и существующая общественная система». Хотя он отнюдь не радикал, он приходит к выводу: «Из-за отсутствия планирования рыночная экономика не в состоянии справиться с кризисом».

«Итак, заведомо сброшенные со счетов? Неприкасаемые? Не создает ли наше общество касту париев, не имеющих основы для существования, и бесправных?» — задает «опасные» вопросы «Штерн».

Обследования показали: в 10 из 11 школ Дюссельдорфа учащиеся выпускных классов в поисках места часто работают у хозяина «на пробу», не получая за это ни пфеннига. Председатель местного отделения Объединения немецких профсоюзов Ганс Рейманн назвал использование школьников на такой работе «современной работоторговлей» и нарушением закона об охране труда молодежи. Он считает, что это «совершенно нетерпимый способ наживаться на затруднительном положении родителей и учеников».

В гамбургской еженедельной газете «Ц а й т» опубликована беседа с Дитером Мертенсом, директором Федерального ведомства по вопросам труда. Мертенс, разумеется, не обладает даром ясновидения, пишет «Ц а й т», да в этом и нет необходимости: почти все приведенные им данные можно почерпнуть из различных официальных источников. Однако до него никто еще не проводил такого тщательного анализа и не приходил к заключению, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы: в ближайшем десятилетии около 1,4 млн. западногерманских юношей и девушек, окончивших школу, не получают возможности учиться дальше; один миллион молодых людей с неполным школьным образованием составит армию подсобных рабочих.

— Даже самая хорошая конъюнктура вряд ли поможет поколению, которое в ближайшие годы покинет школы и которое можно будет назвать потерянным, если незамедлительно не принять решительных мер, — говорит Мертенс.

Уже теперь число западногерманских юношей и девушек, которые не могут найти работу, ежегодно возрастает на 100 тыс. Молодые люди, окончившие народные школы и реальные училища, как предсказывает Мертенс, также пополнят армию неквалифицированных рабочих или безработных. Из выпускников средних школ лишь очень незначительная часть получит шанс устроиться на работу в государственные учреждения или в одну из фирм, предлагающих абитуриентам специальный курс обучения. Остаются выпускники высших учебных заведений. Ежегодно в среднем 15 тыс. «академиков», как в ФРГ называют лиц, имеющих высшее образование, не могут найти работу по специальности.

«Ц а й т» пишет: «Теперь, когда стали известны эти тревожные цифры, настало время действовать для всех, кто несет ответственность за эту проблему — для промышленников и государственных деятелей, для администрации вузов и управленческого аппарата... Что, если произойдет взрыв?»

О безработице в своей стране немало пишет и итальянская пресса.

— В Италии безработица уже около столетия представляет собой неизлечимое зло. Но сегодня это зло переросло в катастрофу. Более миллиона молодых людей из 1,7 млн. безработных в стране не имеют работы.

Главная причина неуверенности молодых в завтрашнем дне, считает миланский еженедельник «П а н о р а м а», — экономический кризис, который, как и повсюду в западном мире, в первую очередь отразился на молодежи. Диплом превратился в никчемный клочок бумаги, не гарантирующей трудоустройства.

— Положение просто отчаянное, — пишет на страницах «П а н о р а м ы» социолог Франческо Альберони. — Безработица среди молодежи не уменьшается. Напротив, есть основания полагать, что к началу 80-х годов число безработных в Италии достигнет 3 млн. человек...

— Молодые люди в Англии чувствуют себя отверженными, — вторит своему итальянскому коллеге социолог оксфордского культурного центра «Роуз хилл» Грэм Джимсон в статье, опубликованной в журнале «Т а й м». — Они настроены критически и во всем разочарованы.

Мнение Джимсона поддерживает и Питер Мендельсон, председатель Британского совета по делам молодежи:

— Это — поколение, потерявшее почву под ногами, — говорит он, — и таким оно останется еще долгие годы.

Буржуазное государство, вплотную поставленное сегодня перед проблемой безработицы среди молодежи, практически бессильно решить ее. Меры, которые пытаются предпринять правительства отдельных стран, не выходят за рамки унижительных благотворительных кампаний.

Натянув свитера, теплые пальто, перчатки, чтобы спастись от холода промозглого утра, молодые люди с вилами, граблями, лопатами в руках бредут по пустынному пляжу. Они сгребают пучки водорослей, плавник, ржавые консервные банки,

прочий мусор в отдельные кучи, за которыми позднее придет самосвал. Не имея никакой возможности получить квалифицированную работу, бедняги вынуждены довольствоваться «программой создания рабочих мест», принятой английскими властями. За мизерную плату они берутся за любое дело, которое удастся подыскать. Так начинает один из репортажей нью-йоркский «Ньюсуик». По его мнению, «этим англичанам еще повезло. Как ни грязен и дешев их труд, им по крайней мере есть чем заполнить день, они имеют возможность хоть что-нибудь заработать. Иная судьба у сотен тысяч других молодых людей Западной Европы».

Проблема настолько велика и сложна, что решить ее будет нелегко, — такой вывод делает американский еженедельник. Как с унынием обнаружили приходящие в отчаяние бесчисленные специалисты по планированию в ЕЭС и правительствах отдельных стран, безработица среди молодых порождена сложным переплетением целого ряда причин. И дело здесь не только в «тяжелых временах» с экономической точки зрения. Правда, «Ньюсуик» считает, что молодые безработные всего лишь «жертвы ошибок в системе образования, глубоко укоренившейся дискриминации, пренебрежения со стороны политиков». Как бы там ни было, он признает, что в результате день ото дня растет число молодых людей вроде 18-летнего Оливьера Каретта, окончившего школу два года назад и теперь (если не считать недолгой работы курьером в одном из министерств) проводящего свои дни по одному печальному расписанию.

— Встаю утром, — рассказывает он, — просматриваю газеты в поисках объявлений, а потом отправляюсь в бюро по найму.

«Ньюсуик» знакомит читателя и со Стивеном Иденом. В возрасте 16 лет летом 1975 г. он окончил школу и надеялся, поступив куда-нибудь учеником, приобрести профессию штукатура. Помыкавшись некоторое время, он «снизил запросы» и считал, что ему повезло, когда сумел

устроиться мыть и красить стены за грошовую плату. Этой работе пришел конец, когда фирма обанкротилась. Но Идену снова повезло: он стал подручным слесаря. Однако в начале декабря прошлого года его уволили за пререкания с «боссом».

Юноша снова оказался на улице, и здесь удача ему изменила. Получая временное пособие около 7 фунтов стерлингов в неделю, Иден прозябает, не имея ничего, кроме разбившихся надежд. Кино стало слишком дорогим удовольствием, свидание с девушкой — роскошью, которую он более не может себе позволить. Безработица, говорит Стивен, «уродует жизнь».

С отчаяния Иден обратился за помощью к «программе создания рабочих мест» английского правительства. Весь нынешний год он будет чернорабочим «на государственной службе», помогая убирать и озеленять пустыри. Хотя он кое-что зарабатывает, перспектива потерять еще один год, не получив никакой профессии, не может не деморализовать.

— Это ужасно, — говорит Иден. — У меня нет будущего.

«Критики принятой в Англии «программы создания рабочих мест», — пишет «Ньюсуик», — указывают, что, несмотря на все добрые намерения, подобный проект на деле никак не помогает молодым найти место в жизни, так как очистка стен от грязи отнюдь не готовит их к будущей специальности.

— Поручать молодежи подобные нелепые дела все равно, что подкормить голодных, а потом отнять у них еду, — говорит Пэдди Хилл, молодой сотрудник учреждения, занимающегося осуществлением программы в Эвоне.

Рост числа молодых безработных в Англии уже и так обостряет существующие социальные проблемы, порождает настроения злобного отчуждения».

На страницах журнала «Шпигель» мы познакомились с безыменной японской девушкой. Шесть дней в неделю, говорится в опубликованной там статье, она неустанно протирает перила на

эскалаторе крупного токийского универмага, встречает поклоном каждого входящего покупателя и приветливо говорит: «Добро пожаловать». Четыре года училась она в университете, но смогла получить только скучную и плохо оплачиваемую работу. Недавно муниципалитет Токио объявил вакантным место портье в одной из гостиниц в пригороде столицы. Среди 108 претендентов, откликнувшихся на объявление, было 33 молодых выпускника высших учебных заведений.

Перспективы получения работы по специальности для японцев с дипломами университетов, подчеркивает «Ш п и г е л ь», за последнее время еще более ухудшились. Профессор Иосаки Осеки из университета Нихон даже считает, что каждый студент уже «понял, что университетское образование больше не гарантирует хорошей должности».

В условиях экономических трудностей все меньше работодателей в состоянии обеспечить подходящей работой дипломированных специалистов. Почти половина из 800 наиболее крупных предприятий Токио в этом году вообще не примет на работу ни одного человека. Даже если экономические перспективы Японии в ближайшее время и улучшатся, у большинства молодых выпускников высших учебных заведений вряд ли появятся новые шансы получить работу. «Гоударственная бюрократия, банки и крупный бизнес в поисках молодых кадров ограничиваются сравнительно небольшим кругом «избранных» — выпускниками девяти привилегированных высших учебных заведений страны, в первую очередь Токийского университета, — отмечает корреспондент. — Поэтому огромная масса людей с дипломами вынуждена привыкать к должностям продавцов или рассыльных в универмагах и супермаркетах. В настоящее время 80 % всех водителей Японии, развозящих кока-колу, — выпускники вузов...»

История, которую мы хотим рассказать ниже, была преподнесена на страницах французской буржуазной печати в виде «обычного происшествия». Так ли это? Вот эта история.

...Она обожала детей и всегда находила время, чтобы хоть немного поиграть с ними. Чувствовалось, что в эти минуты она забывала о своем горе, о нужде, повседневных заботах, сразу становилась совсем юной. Она увлекалась театром, современной литературой, музыкой.

Такой предстает из рассказов тех, кто ее знал, 28-летняя Рене Будурекс, безработная учительница, покончившая с собой в Ницце.

Она выросла в очень бедной семье. При том положении, в котором находились ее родители, нелегко было получить среднее образование, а тем более высшее. Все годы учебы в педагогическом институте вечерами приходилось подрабатывать. Но вот победа! В руках наконец долгожданный диплом!

Победа? На одно лишь мгновение... Как тысячи других ее коллег, имеющих статус так называемых «дежурных учителей» (временные места, создаваемые на случай подмены заболевших преподавателей.— *Авт.*), Рене бесцеремонно перебрасывают из одного лицея в другой, она месяцами остается без работы. Из пяти лет, прошедших после получения диплома, преподавать ей довелось в общей сложности 18 месяцев. Она всегда тяжело переживала момент, когда надо было расставаться с классом, где пришлось поработать какое-то время.

Когда истек срок ее контракта в лицее Карно, другого места ей не предложили и посоветовали стать на учет в бюро социальной помощи. В бюро же объяснили, что для получения пособия по безработице ей... не хватает стажа.

Шли недели, месяцы. Нищета и отчаяние все прочнее входили в ее жизнь. Она замкнулась, как-то внутренне «сломалась», начала болеть.

Чтобы продержаться, она соглашалась на любую работу. По утрам внимательно изучала объявления, а потом бегала по тем немногим адресам, которые удавалось найти. Чем только она не занималась: была санитаркой в больнице, судомойкой в ресторане (50 часов в неделю при мизерной зарплате). Потом работала подручной в прачечной, продавцом в период дешевой распродажи, убор-

щицей... Все надежды она возлагала на начало нового учебного года и ожидала его с нетерпением. Полученный в сентябре новый категорический отказ явился для нее страшным ударом. За ним последовали другие.

Мари-Элен и Андре (он — грузчик в магазине, она — студентка), друзья Рене, которые приютили ее в своей маленькой квартирке, рассказывают: «Мы видели, как, получив последний отказ, она с каждым днем все больше падала духом. Часами просиживала в своей комнатке, подавленная, убитая крушением мечты».

И вот поставлена последняя точка... Как же назвать все это? «Обычное происшествие», простое самоубийство? А может быть, зная, что предшествовало роковому решению, правильнее считать, что убийца Рене — капиталистический строй?

И еще одна история, даже не одна, а несколько. О своих соотечественницах поведала на страницах западногерманской «Ц а й т» журналистка Ютта Дум-Хайтманн.

— Стоит мне только подумать о тех, кто в данный момент на работе, как у меня начинает болеть сердце, — говорит Сибилла К. Она сидит в плюшевом кресле и курит уже, наверное, двадцатую сигарету за это утро.

Сибилла К. разведена, у нее двое детей. Без работы она с января 1976 г. Домохозяйка и мать. Что это — счастье для женщины? Исполнение ее заветных желаний? Сибилла К. уверена лишь в одном:

— Если я вскоре не буду опять работать, сойду с ума...

Пегги Х. 20 лет. Окончив школу, поступила ученицей в маленькую контору.

— Там работало всего человек 20 младшего персонала. В моем отделении была еще одна ученица. Впрочем, никто нас ничему не учил, — сказала она журналистке.

Два с половиной года спустя контора разорилась, а Пегги, не завершив профессионального обучения, оказалась на улице. Три месяца не могла найти работу. Затем подруга помогла ей устро-

иться на одно из предприятий концерна «Рурколе АГ», где после полугодовой производственной практики ей удалось сдать экзамены и получить диплом о завершении профессионально-технического образования. Однако при этом ее предупредили, что «Рурколе АГ» ее на работу взять не сможет.

В течение последующих месяцев на бирже труда для нее не нашлось места. Через 9 месяцев истек срок получения пособия по безработице. То ли для того, чтобы улучшить статистические данные, то ли действительно из добрых побуждений биржа труда организовала курсы машинописи, на которые была приглашена и Пегги. По отношению к ней предложение выглядело шуткой, поскольку Пегги давно умела печатать на машинке — это входило в программу ее обучения. Не полагаясь на биржу труда, Пегги стала писать объявления и письма. И повсюду встречала отказ...

Чем выше уровень образования женщин, тем настойчивее они стремятся к тому, чтобы не ограничиваться только семьей и детьми.

— Но именно женщинам с высшим образованием труднее всего найти работу, — говорит инспектор бохумской биржи труда Урбан, занимающаяся трудоустройством дипломированных специалистов, — поскольку эти сферы считаются преимущественно мужскими.

Бригитта М. испытала это на собственном опыте. Ей 26 лет, она изучала общественные науки, писала дипломную работу на тему (парадокс, да и только!) «Замужняя женщина между семьей и работой». 13 месяцев у нее нет работы.

— Когда я искала работу, отделы кадров охотно приглашали меня для бесед, — рассказывает она. — Но там лишь хотели посмотреть, что я за птица. Потом спрашивали: зачем я хочу работать? Потому ли, что мне это нравится? Или чтобы зарабатывать деньги? А потом следовал отказ.

Излишне описывать все то, что переживают Бригитта М. и многие другие безработные женщины, независимо от возраста и образования: чувство страха, бессоница, депрессия. Ютта Дум-

Хайтманн заканчивает свои грустные истории так: «Почему женщин увольняют раньше, чем мужчин? Почему свободные рабочие места отдаются в первую очередь мужчинам, а не женщинам? Женщинам в ФРГ не дают ответов на эти вопросы».

Во всех странах капитала женщины подвергаются унижительной дискриминации при приеме на работу, их первыми выбрасывают за ворота, когда хозяева предприятий, стремясь сохранить свои прибыли в условиях экономического кризиса, прибегают к увольнениям. Бесправное положение женщин проявляется и в неравной оплате за равный с мужчинами труд. Вот что рассказывают по этому поводу М. Джентиле и В. Спаранья в статье, опубликованной в «Т е м п о» (Милан).

...В Риме состоялась организованная правительством конференция по вопросу занятости женщин. На улице перед зданием, где проходила конференция, представительницы Союза итальянских женщин, Движения за освобождение женщины и других организаций скандировали гневные лозунги и предупреждали, что борьба станет более жесткой.

Это был второй бурный эпизод в ходе борьбы женщин за право на труд. Третьим стала конференция, организованная Движением за освобождение женщины. Вопрос о занятости, судя по всему, привлекает сейчас внимание самых различных организаций женского движения. Почему? Ответ дают сотни опросов, проведенных прежде всего самими женскими организациями (так, например, Союз итальянских женщин перед манифестацией в Неаполе провел опрос, распространив на тысячах собраний сотни тысяч анкет). И ответ этот тревожный: в Италии восемь женщин из десяти хотели бы работать, но не могут; наблюдается абсолютное сокращение занятости среди женщин, драматическое увеличение «подпольного труда» (имеется в виду работа на официально не зарегистрированных рабочих местах, за которую предприниматель платит мизерную зарплату, не неся никаких расходов на выплату социальных пособий. — *Авт.*) и усиление эксплуатации.

Женские организации сейчас обнаруживают, что самой серьезной проблемой является для них «старый мир» труда и производства.

С 1960 г. по настоящее время, отмечают авторы статьи в «Т е м п о», официальное число работающих итальянок сократилось с 6,5 до 5,5 млн. (в то время как численность женского населения увеличилась на 3 млн. человек). Зато жертвой «подпольного труда» становится все больше женщин. По заявлению экономиста Луиджи Фрея, их число составляет почти 3 млн. Следовательно, в то время как официально число работающих женщин составляет 18 % всех трудящихся, в действительности же — с учетом «подпольного труда» — 28 %. На каждых двух женщин, работающих официально, приходится одна, работающая «подпольно».

Самые последние данные свидетельствуют о дальнейшем ухудшении положения. Для многих компаний слово «увольнение» — явно женского рода: на винном заводе «Гальяно» из 133 уволенных — 80 женщин, на фабрике «Альманья» было разослано 400 уведомлений об увольнении, и все они адресованы женщинам. На предприятиях компании САИВА вообще запрещено принимать на работу женщин, «поскольку они требуют слишком больших социальных расходов».

Среди тех, кто получает самую низкую заработную плату, — 67 % женщин, констатирует «Т е м п о». В этом отношении предприниматели руководствуются принципом «За равный труд — более низкую заработную плату женщинам». «Свободные профессии» по-прежнему закрыты для женщин. Опрос, проведенный канцелярией председателя Совета министров, дал такие результаты: среди врачей Италии насчитывается всего 9 % женщин, среди архитекторов и того меньше — 5 %.

«Быть безработным — значит быть вычеркнутым из жизни, — пишет французский еженедельник «Н у в е л ь о б с е р в а т е р». — Занятый постоянным подсчетом, на сколько дней — на два, десять или сорок — хватит тебе денег, оставшихся в кошельке, безработный становится воплощением

страха перед неизвестностью. И еще: он взрывоопасен».

Обратите внимание на слово «взрывоопасен». Многие буржуазные органы зарубежной печати отдают себе отчет в том, что безработица — источник социальных бурь и политических потрясений. Об этом прямо говорит, к примеру, нью-йоркский журнал «Б и з н е с у и к»:

«Усиливаются опасения, что высокий уровень безработицы в большинстве западных стран вызовет в них серьезные политические потрясения».

Журнал с нескрываемой тревогой отмечает, что коммунисты уже близки к тому, чтобы войти в правительство Италии, они уже входили в правительство Португалии; за последний год ослабили позиции французского правительства, так как оно оказалось неспособным улучшить положение в экономике и соответственно уменьшить армию безработных. «Б и з н е с у и к» ссылается на Ролана Тавитьяна, руководителя отдела политики занятости при брюссельской штаб-квартире Европейского экономического сообщества, который заявил корреспонденту, что еще недавно западноевропейские правительства верили: высокий уровень безработицы — временное явление. Теперь же они убедились, что эта проблема сохранится и в 80-е годы.

— Вопрос в том, смогут ли эти страны вынести длительный период высокого уровня безработицы, — сказал Р. Тавитьян. — Лично я обеспокоен. Это положение, вероятно, породит опасную социальную напряженность. Оно уже сейчас угрожает существующему социальному и политическому балансу сил...

В этой связи, несомненно, представляет интерес статья Роберта Лекачмента в нью-йоркском журнале «Х а р п е р с». Американцы и американки хотят трудиться, говорится в статье. Работа есть и на частных предприятиях и в государственных учреждениях. Как же случилось, что желающие трудиться не имеют работы? Почему власти столь терпимо относятся к тому факту, что в некоторые годы безработица в США составляет 8 и даже 9%,

не говоря уже о том, что ее уровень среди негритянской молодежи, проживающей в городах, по некоторым данным, превышает 50 %?

В самом деле: почему? Роберт Лекачмент говорит об этом с удивительной откровенностью:

— Остается фактом, что в условиях американской действительности «умеренный» уровень безработицы обеспечивает множество выгод тем, кто обладает действительным богатством и живет припеваючи. Безработица умиротворяет профсоюзы, заставляя их выдвигать более скромные требования о повышении зарплаты. Печатные издания, представляющие интересы бизнеса, с нескрываемым удовлетворением отмечают, что прошлогодние коллективные договоры между крупнейшими профсоюзами и корпорациями обошлись предпринимателям в значительно меньшую сумму, чем в позапрошлом году, хотя трудящимся наносит огромный ущерб инфляция. Когда люди боятся потерять работу, они трудятся более усердно и меньше ворчат. Более того, рабочие и служащие, опасаясь увольнений и закрытия предприятий, вряд ли обратятся с требованиями к предпринимателям сделать их работу менее монотонной или принять меры для улучшения условий труда и соблюдения правил техники безопасности.

Американские предприниматели, судя по этой статье, стремятся сохранить огромную резервную армию труда. Острая нехватка рабочих мест позволила корпорациям вырвать бесчисленные ценные уступки и льготы у местных и федеральных органов власти. К примеру, лишь немногие крупные фирмы платят положенные налоги на свое имущество. Пропагандистская кампания, организованная хозяевами нефтяной, сталелитейной, химической и бумажной промышленности, которые заявляют, что им-де не по карману мероприятия по охране окружающей среды, привела к резкому замедлению разработанной правительством программы в этой области.

Мысль о полной занятости на прочной и гарантированной основе приводит в замешательство многих представителей деловых кругов. Прежде

всего полная занятость может привести к перераспределению доходов в пользу малоимущих. Подобная перспектива не по душе многим джентльменам, сидящим в своих клубах и кабинетах. Для американских богачей, считает «Х а р п е р с», особая прелесть 70-х годов состоит в том, что «экономические трудности утихомирили студентов и обусловили дальнейший сдвиг вправо американской политики, которая и так является самой консервативной в промышленно развитом мире».

Конечно, было бы наивно ожидать от богачей и работающих на них адвокатов, экономистов, политиканов, специалистов по информации и прочих лиц открытого провозглашения «привязанности к безработице». Однако в кругу друзей, по мнению «Х а р п е р с а», они обычно бывают более откровенными, заявляя, что требуются «респектабельное разумное объяснение, удобная теория, которая сочетала бы в себе обеспокоенность мытарствами безработных и в то же время позволяла избежать любых реалистических действий, направленных на изменение сложившейся в США ситуации».

Предприниматели склонны перекладывать на плечи потребителей растущие производственные издержки, повышая цены на продукцию. Причинная связь проста: низкий уровень безработицы стимулирует требования о повышении зарплаты; более высокая зарплата увеличивает издержки производства, а они в свою очередь приводят к повышению цен. Раньше считалось, что рост безработицы приводит к уменьшению инфляции. Однако нынешняя ситуация не подтверждает подобную закономерность. Несмотря на сильнейший со времени «великого кризиса» 30-х годов спад производства в 1974—1975 гг., инфляция сохраняется на высоком уровне. Выяснилось, что страна может страдать одновременно от жестокой инфляции, острой безработицы и недогруженности производственных мощностей.

Журнал «Х а р п е р с» пишет: «Существует ли среди наших политиков стремление к тому, чтобы разработать национальную политику полной за-

нятости? На этот вопрос трудно дать положительный ответ. Достаточно сказать, что идея обеспечения полной занятости настолько напугала своей радикальностью членов демократической партии в конгрессе, которые составляют там большинство, что они провалили соответствующий законопроект. Дело в том, что, как было отмечено, полная занятость означала бы некоторую ликвидацию неравенства при распределении доходов, приглашение к «американскому пирогу» негров и представителей других национальных меньшинств, молодежи и женщин и обуздание непомерных appetitов корпораций... Если обеспечить полную занятость, кто же будет выполнять самую грязную работу в США? Стоит решить проблему занятости, и у американских профсоюзов смогут появиться крамольные мысли относительно пересмотра условий труда, участия трудящихся в разработке производственной политики и другая радикальная чепуха».

Итак, наличие миллионов американских безработных во всех отношениях выгодно крупному капиталу США, хотя все же и страшит его. Статья Роберта Лекачмента страдает, на наш взгляд, одним недостатком: поднимаемая в ней тема сознательно ограничена рамками США. Но разве не теми же своекорыстными интересами воротил крупного капитала объясняется сам факт появления и нищенское существование многомиллионной армии безработных во всех без исключения капиталистических странах?

Несомненно: главный виновник трагедии, переживаемой миллионами безработных и членами их семей, — капиталистический строй.

Общество изобилия... отверженных

Аврааму Линкольну принадлежат слова: «Миру крайне необходимо определение понятия «свобода», ибо очевидно, что свобода для волка не есть свобода для овцы».

Господа власть имущие (и состоящие у них на содержании платные пропагандисты) любят порассуждать о свободах. Но что они подразумевают под этим? Разумеется, те свободы, которые отвечают их интересам. Например:

свобода действий — чтобы владельцы недвижимости могли в любой момент повышать цены, устраивать локауты на заводах и фабриках, вышвыривать на улицу тех, кто не в состоянии платить половину своей зарплаты за жилье;

свобода от вмешательства — чтобы капиталисты управляли предприятиями, где нет профсоюзов, но есть потогонная система;

свобода возможностей — чтобы обогащаться еще больше;

свобода торговли — чтобы монополизировать рынки и безраздельно господствовать на них;

свобода передвижения — чтобы транснациональные корпорации могли переводить свои предприятия в страны с еще более дешевой рабочей силой;

свобода от налогообложения — чтобы все расходы оплачивал трудящийся налогоплательщик;

свобода от правительственных ограничений — чтобы монополии были всемогущими.

«Свободный» мир для капиталистов — это мир, который дает им свободу грабить природные ресурсы по всему свету.

Что понимают под словом «свобода» бесправные, угнетенные, эксплуатируемые трудящиеся стран, где правит капитал?

Свобода от безработицы.

Свобода от бесчеловечных условий труда.

Свобода от низкой заработной платы.

Свобода от кабальных долгов.

Свобода от социального и духовного порабощения.

Свобода от дискриминации по классовому или расовому признаку, признаку пола.

Свобода от инфляции, навязанной монополиями.

Свобода от войн.

Приведенная выше классификация почерпнута нами из канадского издания «Челленджер» (Виннипег). Возможно, как в случае с властью имущими, так и в случае с трудящимися расшифровку понятия «свобода» можно было бы продолжить. Думается, однако, что не вызывает сомнений одно: что хорошо, к примеру, для «Дженерал моторс» с ее ежеминутной прибылью в 17 тыс. долл., плохо для рабочих этой корпорации...

В наше время, когда капитализм вынужден шаг за шагом сдавать свои позиции в противоборстве с социализмом и когда социалистический строй с каждым днем доказывает свое преимущество в экономической, социальной, политической, культурной областях, а буржуазное общество поражено тяжелейшим кризисом, затронувшим все сферы жизни — от экономики до идеологии, ложь становится главным прибежищем эксплуататоров, создающих идеологические мифы, призванные скрыть подлинную сущность капитализма. Один из них — миф о правах и свободах человека при капитализме и «большом пироге благосостояния», обеспечивающем якобы всем большие куски и позволяющем решать острейшие социально-экономические проблемы.

В докладе «О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения» Л. И. Брежнев говорил: «Каковы действительные права и свободы, которые обеспечивает широким массам трудящихся современное империалистическое общество?»

«Право» десятков миллионов на безработицу? Или «право» больных обходиться без врачебной по-

мощи, которая стоит огромных денег? Или «право» национальных меньшинств на унижительную дискриминацию в труде и образовании, в быту и в политической жизни?»¹

О трагедии безработных и ее причинах мы вели речь в предыдущей главе. Рассмотрим теперь другие проблемы, стоящие перед человеком труда в «свободном, свободном, свободном» мире капитала...

Нью-йоркский еженедельник «Бизнес уик» приводит такую статистику: 20 % семей в США присваивают 41 % общенационального дохода, а на долю других 20 % приходится всего 5,4 %.

Красноречивая статистика, не правда ли? В «Бизнес уик» она помещена рядом со словами Вольтера: «Равенство одновременно и самая естественная и самая химерическая вещь в мире: естественная, что касается провозглашения прав, неестественная, когда делается попытка уравнивать права в обладании товарами и властью».

«Бизнес уик» пишет, что со времен «нового курса» Франклина Рузвельта в США действует программа социального вспомоществования беднякам, престарелым и безработным, и все же считается естественным существование громадного разрыва между доходами разных слоев населения.

Ежегодно в июле бюро переписи населения выпускает скромную брошюру, озаглавленную «Денежные доходы и уровень бедности семей и отдельных лиц в Соединенных Штатах». Последний доклад бюро свидетельствует, что в Соединенных Штатах имеется громадная пропасть между имущими и неимущими. Но эта правительственная статистика, подчеркивает «Бизнес уик», далеко не отражает истинной картины, ибо для лиц, находящихся на низших ступенях социальной лестницы, учитываются размеры денежных поступлений семей, включая пособия беднякам и выплаты в системе социального страхования; что же касается богатей, то исключаются получаемые ими доходы от инвестиций.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 6, с. 531

Таким образом, не показывается вся ширина пропасти между бедностью и богатством в Америке. В целом, по данным бюро, в 1976 г. ниже черты бедности прозябало свыше 25 млн. американцев. Увеличение расходов на помощь тем, кто стоит на нижних ступенях социальной лестницы, может быть финансировано только за счет увеличения налогов на тех, кто находится «наверху». Но сложная система налогообложения, существующая в США, не позволяет сделать это, отмечает журнал. Так, в 1976 г. корпорации уплатили в виде налогов около 40 млрд. долл., но значительную часть этой суммы они получили обратно путем увеличения цены на свою продукцию, от чего больше всего пострадали люди с низкими доходами. Таким образом, не может быть и речи о выравнивании имущественного положения с помощью налоговой системы, существующей в США. Она забирает часть дохода в каждой категории примерно в равной пропорции, оставляя неизменной пропасть между богатыми и бедными.

«Б и з н е с у и к» не скрывает, что одна проблема нагромождается на другую: все громче звучит требование незамедлительно наладить национальную систему здравоохранения; одно из основных требований женских организаций — создать учреждения для ухода в дневное время за детьми работающих матерей; жилищное строительство в последние три года было свернуто в связи с тем, что правительство фактически не стимулировало постройку домов для семей с низкими доходами. Учитывая, что строительная промышленность до сих пор еще не встала на ноги, а стране угрожает острый жилищный кризис, можно с уверенностью сказать, делает вывод «Б и з н е с у и к», что требование обеспечить недорогими жилищами семьи с низкими доходами зазвучит с новой силой. Все города США переживают острый кризис общественного транспорта. Местные власти не осмеливаются еще больше повышать плату за проезд, опасаясь взрыва возмущения избирателей, но они не могут свести концы с концами. Муниципалитет Нью-Йорка долго держал стоимость проезда в

метро и в автобусах на уровне 35 центов, пока город не оказался на грани банкротства. Теперь ее повысили до 50 центов, но проблему так и не решили: городу все равно необходима помощь.

Из года в год повторяется все та же история: американцы с тревогой наблюдают за стремительным повышением цен. По всей стране рост дороговизны усиливает недовольство. Опросы населения, произведенные специалистами, и данные вашингтонского журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» указывают на то, что инфляция стала одной из первейших забот большинства американцев. Самую большую тревогу вызывает у них то, что начавшемуся лет десять назад росту дороговизны даже не предвидится конца. К такому выводу приходит и все большее число специалистов.

«Основанием для пессимизма американцев является то, что в течение последних десяти лет они испытывают на себе рост стоимости жизни, которая подорожала более чем на 80 процентов, — только за шесть месяцев прошлого года цены подскочили почти на столько, на сколько они поднялись за весь 1976 год. Самый тяжелый удар американцам нанес, конечно, рост цен на продукты питания, топливо, жилье и медицинское обслуживание», — считает «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

Этот же издающийся в Вашингтоне журнал в другой статье подчеркивает, что вдвойне тяжела участь национальных меньшинств в США — негров, пуэрториканцев, «чиканос» (американцы мексиканского происхождения), индейцев и других. «Число обозленных на общество, малограмотных, не имеющих специальности молодых темнокожих, потерявших какую-либо надежду, — пишет «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», — ставит социологов в тупик».

«Казалось бы, у негритянских юношей и девушек, родившихся после того, как Верховный суд запретил в 1954 году расовую сегрегацию, что обещало лучшие условия для получения образования, чем были у предыдущих поколений, появились шансы разорвать цепи нищеты и бедствий,

сковывающие их расу», — продолжает журнал. Однако возможности трудоустройства не расширились, а, наоборот, сузились. Согласно официальным данным, уровень безработицы среди чернокожих возрастной группы до 20 лет возрос с 35,4 % в 1972 г. до 39,3 % в 1976 г., а в отдельные месяцы 1977 г. достигал 45,4 %.

Следует иметь в виду, что официальная статистика учитывает только тех, кто ищет место, а тех, кто желал бы иметь работу, но отчаялся ее получить и прекратил поиски, в расчет не принимает. Если же учесть и их, то уровень безработицы в указанной возрастной группе негритянской молодежи, по данным Национальной городской лиги, превышает 50 %, а в некоторых городах, как, например, Окленд (штат Калифорния), он достигает 70 %.

«Ю. С. нью энд Уорлд рипорт», выражающий взгляды американского монополистического капитала, публикует еще одну статью, посвященную бедам США, причем сопровождает ее таким заголовком: «Взрывы недовольства раскалывают Америку». Дональд Бэйкон, автор статьи, делает вынужденное признание, что, несмотря на формально провозглашаемое равенство всех граждан США перед законом, в стране в массовых масштабах происходит нарушение гражданских прав.

Различные группы американских граждан, чувствующих себя ущемленными, все более решительно заявляют о своем недовольстве, добиваются места под солнцем. Это резко обостряет напряженность. «Таковы суровые и тревожные факты жизни сегодняшней Америки», — пишет Д. Бэйкон.

Вспышка борьбы за гражданские права началась с негритянского движения в 50—60-х годах. Затем начали создавать свои организации другие национальные меньшинства и женщины. Одни победы они одержали путем длительных сражений в судебных инстанциях, другие — в итоге яростных демонстраций протеста против правительства. Надежды и требования возрастают с каждой победой, но лавина недовольства не иссякает. Конца ему не видно.

Черные граждане Америки вот уже около четверти века ведут тяжелые битвы за свои права, отмечает автор. Казалось бы, теперь устранены все юридические препятствия на пути к равенству. Но для большинства из них серьезным барьером продолжают оставаться фактическое неравенство, экономические формы дискриминации. Так, например, несмотря на законы, запрещающие дискриминацию при сдаче в аренду домов, белые и черные живут в основном в разных районах. Ни законы, ни судебные решения не смогли заставить предпринимателей повысить заработок негров и поднять доходы средней негритянской семьи до уровня, хотя бы приближающегося к уровню доходов семьи белых, находящейся на той же ступени социальной лестницы. Власти заявляют, что столетия дискриминации и жизни на «дне» общества создали груз, который будет еще долго оказывать отрицательное влияние, и расовые предрасположения по-прежнему широко распространены.

С 1920 г. женщинам предоставлено право на участие в выборах. Ряд дискриминационных барьеров ликвидирован со времени принятия закона о гражданских правах в 1964 г., по которому, в частности, запрещалась и дискриминация женщин при найме на работу. Женское движение, широко распространившееся в 60-х годах, сумело привлечь внимание всей страны к неравному положению женщин в обществе. Женские организации добиваются того, чтобы в конституцию была внесена поправка об уравнивании в правах женщин с мужчинами. Срок ратификации кончается 22 марта 1979 г., а поправка принята пока только в 35 штатах (для его утверждения необходима ратификация в законодательных органах 38 штатов). «Будет ли правительство относиться к каждому человеку как гражданину и личности, независимо от того, мужчина он или женщина, остается под вопросом» — говорится в заключение статьи, проникнутой духом тревоги.

Теме неравноправия женщин США посвящает репортаж и нью-йоркский журнал «Тайм».

...В Соединенных Штатах Америки такого не

видели по крайней мере 129 лет, если видели когда-либо вообще. Под проливным дождем, под звуки популярного марша «Желтая роза Техаса», в сильных руках звезды тенниса Билли Джин Кинг пылающий бронзовый факел был доставлен 25 ноября к зданию Хьюстонского центра съездов имени Альберта Томаса. Около двух тысяч решительно настроенных американок приветствовали спортсменку, скандируя: «ИРА, ИРА, ИРА...» (ИРА — сокращенное «иквол райтс амендмент» — поправка к конституции, требующая предоставления женщинам равных с мужчинами прав.— *Авт.*).

Таков был финиш женской эстафеты в 2612 миль, стартовавшей в сентябре 1977 г. в Сенека Фоллс (штат Нью-Йорк), где в 1848 г. группа суфражисток провела свою первую общенациональную конференцию. Этой церемонией в Хьюстоне открылось крупнейшее в истории страны политическое собрание женщин. Две тысячи с лишним делегатов от разных штатов и свыше двенадцати тысяч наблюдателей, заполнивших хьюстонский Колизей, где проходила трехдневная общенациональная конференция женщин, дали ответ на извечный вопрос: чего же добиваются женщины?

Прошедшему слету американок положил начало провозглашенный в 1975 г. Организацией Объединенных Наций Международный год женщины. На 56 конференциях штатов и других административных районов США американки избрали своих делегатов в Хьюстон, составив «Национальный план действий», в котором определены «преграды, препятствующие женщинам во всей полноте и при абсолютном равенстве участвовать во всех аспектах жизни страны». В этом документе изложены и рекомендации, направленные на устранение такого неравенства. «Национальный план действий» объемом в 38 страниц требует ликвидировать дискриминацию женщин при найме на работу, в области образования, имущественных, супружеских и других отношений.

Пять пунктов плана получили название «горячих» — иначе говоря, самых насущных. В их числе: принятие конгрессом ИРА, государственное

финансирование дошкольных детских учреждений, создание в кабинете министров специального департамента, который занимался бы обеспечением равноправия женщин. «Тайм» констатирует, что ни сторонники, ни противники женского движения в Америке не отрицают: американки в последние годы добились некоторых успехов в защите своих прав, но в то же время считают, что для достижения ими полного экономического и социального равенства предстоит еще длительная борьба. Средняя заработная плата трудящейся американки составляет всего 60 % заработной платы мужчин. Жалованье школьной учительницы почти на 20 % меньше, чем учителя, а зарплата женщины — научного работника меньше на 24 % зарплаты ее коллеги-мужчины. В американском конгрессе всего 17 представительниц женского пола. В Верховном суде страны их нет вообще...

Таково положение в цитадели капитализма. Обратимся теперь к Западной Европе.

«Французы не равны. И что еще более серьезно: социальный разрыв отнюдь не сокращается, а, наоборот, продолжает увеличиваться, — сетует парижский еженедельник «Нувель обсерватор».— Богатые становятся богаче, а бедные — беднее».

Перед лицом таких социальных несправедливостей президент Франции решил несколько лет назад создать Комиссию по вопросам социального неравенства, которой было поручено рассмотреть эту проблему и представить свои предложения для возможного включения их в VII план развития. (Французское правительство разрабатывает пятилетние планы развития, которые не являются обязательными, а призваны играть роль ориентира в экономике страны.—*Авт.*) Комиссия представила доклад, и тем самым нетерпимое состояние французского общества было признано в официальном порядке.

По мнению «Нувель обсерватор», в докладе было сделано все, чтобы приуменьшить масштабы проблемы, ослабить силу воздействия этого признания. Само слово «неравенство», весьма

удобное и туманное, считает еженедельник, позволяет уходить от подлинных проблем, а именно угнетения человека человеком, проблем власти, столкновения интересов и классовых противоречий... Ведь различные проявления неравенства вполне можно постепенно сокращать, и, значит, до равенства рукой подать. Следуя такой логике, можно договориться и до того, что социальная несправедливость в конечном счете — это просто случайная «погрешность» капиталистической системы, ошибка, легко поддающаяся исправлению.

«Н у в е л ь о б с е р в а т е р» задается вопросами: какие категории французов наиболее затронуты экономическим кризисом? Как они на него реагируют? Какими лишениями оплачивают экономическую политику правительства? Усиливает ли кризис несправедливость? Кто теперь «стоит» больше, а кто меньше? В ходе обследования, проведенного Комиссией по вопросам социального неравенства, выяснилось следующее:

79 % опрошенных признали, что «дела идут все хуже». В частности, выявилось, что беспокойство охватило и тех, кто не относит себя к категории бедных. Прежде они жили с ощущением своей неуязвимости. Кризис заставил их заняться подсчетами. В числе «обеспокоенных» оказались менеджеры частных предприятий (92,4 %), представители «свободных профессий», т. е. люди, которых еще совсем недавно, не задумываясь, помещали в категорию привилегированных. Возможно, «элита» поняла быстрее других, высказывает предположение еженедельник, что страна вошла в полосу затяжного кризиса и что общество в ближайшие годы начнет освобождаться от «излишков» в высокооплачиваемых профессиях?

Умирают ли во Франции от голода? Ответ, содержащийся в докладе: «Нет». «Н у в е л ь о б с е р в а т е р» делает уточнение: насколько известно, во Франции не было зарегистрировано случаев смерти от недоедания — эта болезнь характерна для слаборазвитых стран. Однако ежедневно в больницы попадают люди, буквально изнуренные многомесячными, а то и многолетними

лишениями. Официально они умирают по другим причинам — от «нормальных» и «приличных» болезней (которым их ослабленные организмы были не в силах сопротивляться). Да и пожелай кто-нибудь отразить в докладе действительную причину, сведшую этих людей в могилу, он не смог бы этого сделать: из вящей предосторожности специалисты в области статистики вообще исключили рубрику «смерть от голода». В самом деле, мыслим ли такой конец в «обществе изобилия»?

«Н у в е л ь о б с е р в а т е р» не обходит своим вниманием и проблему нарушения гражданских прав.

— Нет, я не могу вам отвечать. Вначале я должна получить разрешение директора. Он требует, чтобы вопросы и ответы подавались ему на ознакомление. — Кто говорит это? Вернее, кто отказывается разговаривать? Работница, затравленная своим хозяином? Отнюдь нет: речь идет о государственной служащей, точнее, сотруднице службы социальной помощи парижской больницы «Питье-Сальпетриер».

Автор статьи уточняет, что подобную фразу он слышал десятки раз. Ни один человек из больничного персонала не рискнул вести с ним откровенный разговор, отвечать на вопросы об условиях труда, зарплате, последствиях кризиса.

Они просто боятся открыть рот. Знают, чем это грозит. Им будут предъявлять обвинения, осуждать, даже могут переместить по службе, если они осмелятся рассказать, что происходит на самом деле в государственной больнице при капиталистическом строе. Дело в том, что в государственном секторе здравоохранения господствуют те же методы управления, что и в частном: забота о прибыли, сокращение штатов, крайне низкие оклады, изнурительные расписания. «Н у в е л ь о б с е р в а т е р» продолжает: «Мужчин и женщин обыскивают, шпионят за ними, запрещают им вступать в профсоюз, приносить на работу газету, запрещают жениться, разводиться, завести ребенка. Где все это происходит? В Южной Африке? Нет, у нас, во Франции. На наших предприятиях».

Наказывают за «нежелательные действия», разумеется, не тюрьмой. Просто увольняют. А разве можно найти более эффективное оружие, чем угроза нищеты? К такому выводу приходит Ги Куртье, собравший упомянутые факты в книге «Предприятие — феодальное общество». «Поддержание подобного климата на производстве, — пишет он, — вырабатывает у персонала привычку беспрекословно подчиняться. Исходя из интересов предпринимателя, юристы заранее оправдывают и узаконивают любые действия хозяина, будь то наведение полицейских справок перед наймом на работу, унижительные допросы, вмешательство в личную жизнь служащего. Этими же «высшими интересами» оправдываются введение частной полиции, ущемление профсоюзов и прочие нарушения элементарных демократических норм...»

«Н у в е л ь о б с е р в а т е р» повествует о Ролане Вийоме, работавшем в Па-де-Кале на заводе «УГД», где производят гудрон и смазочные масла. Ему было все равно, что там производилось, поскольку он был «временный». Чернорабочего Ролана бюро по трудоустройству посылало по разным адресам. Сегодня на «УГД», завтра... Впрочем, нет. На сей раз завтра для него уже не настанет: 48-летнего Ролана Вийома зажало между вагонетками. Умер на месте. Это называют «несчастными случаями». Об этом предпочитают не говорить.

В определенном смысле Ролану Вийому «повезло»: он сумел «дотянуть» до 48 лет. Вероятность лишиться жизни в возрасте до 35 лет, согласно подсчетам, у французских чернорабочих в четыре раза выше, чем у конторских служащих или представителей «свободных профессий».

В другое время газеты не стали бы, возможно, заниматься «делом Вийома», но о нем заговорили, поскольку через какое-то время оно превратилось в «дело Шапрона». Молодой следователь Патрис де Шаретт предъявил обвинение директору завода «УГД» Жану Шапрону. Аргумент следователя: если директор предприятия поручает работу специалиста неквалифицированному рабочему и при

этом не желает тратить ни гроша на его подготовку, это очень напоминает предумышленное убийство.

«Это судьба!» — отмахнулось заводское начальство «УГД». «Неправда! Данная смерть не что иное, как логическое следствие определенной политики», — считает «Нувель-обсерватор».

Как выяснилось, Ролана Вийома «сдала внаем» заводу фирма «Бис», одна из многих посреднических контор, всплывших на поверхность в разгар кризиса. Таких работников, как он, сегодня можно встретить на любом предприятии Франции. Их временный статус позволяет хозяину экономить немалые суммы на социальном страховании, увольнять без выплаты компенсаций, обходить стороной профсоюзы. Этот же статус негласно «снимает» с хозяина заботу о безопасности труда: от «сданного внаем» легче откупиться, чем от штатного рабочего. Посреднические фирмы являются, таким образом, частью стратегии предпринимателей в борьбе с кризисом, частью политики удержания доходов любой ценой.

«Смерть приходит в разное время за французами еще и потому, что они по-разному относятся к своему здоровью», — говорится далее в статье. Некоторые вообще не обращаются к врачу за неимением денег. Сегодня, 30 лет спустя после учреждения системы социального страхования, бедным приходится платить за врачебную помощь дороже, чем богатым, ибо у них нет средств на ежемесячные взносы в больничный фонд.

— У людей нет денег на такие обследования, как, например, рентген, — утверждает на страницах «Нувель-обсерватор» доктор Б. из клиники, расположенной в одном из «народных кварталов» Парижа.

Нехватка средств на лечение подчас приводит к смертельному исходу. Доктор Х., хирург кардиологической клиники «Лэннек», знает это лучше других: сердечники обращаются за помощью все позже и позже после начала заболевания. Когда человеку за пятьдесят, к страху расходов добавляется еще и страх потерять место.

— Вы советуете на три месяца оставить работу? Да что вы, доктор! Они выкинут меня, как только узнают...

«Н у в е л ь о б с е р в а т е р» полагает, что кризис отражается практически на всех сферах жизни французов, на их желаниях и надеждах. Он делает этот вывод, основываясь на опросе, проведенном институтом общественного мнения СОФРЕС. Вот некоторые вопросы и ответы:

— Сейчас много говорится о кризисе. Что это конкретно означает для вас?

«Инфляцию, рост дороговизны, уменьшение доходов» — 53 %; «безработицу» — 50 % (цифры превышают 100 %, поскольку каждый из опрошенных давал по несколько ответов.— *Авт.*)

— Если вам приходится сокращать расходы, на чем вы в первую очередь экономите?

«На питании» — 12 %, «на одежде» — 66 %, «на покупке книг, газет, на кино и театре» — 67 %. (Следует отметить, уточняет «Н у в е л ь о б с е р в а т е р», что в малоимущих семьях процент вынужденных экономить на питании значительно выше среднего, поскольку на еду и так отводится почти вся та часть семейного бюджета, которая остается после обязательных выплат за жилье, коммунальные услуги, транспорт и т. д.)

— Заставил ли вас нынешний кризис отказаться от намерения иметь детей?

Четыре француза из десяти в возрасте, когда они могут иметь детей, ответили утвердительно. Тенденция наиболее сильна среди рабочих, мелких торговцев и ремесленников, то есть тех категорий граждан, где семьи и так малочисленны.

— Подводя итог, можете ли вы сказать, что нынешний год таит в себе угрозу для вас и вашей семьи?

«Таит серьезную угрозу» — 53 %, «угроза вполне реальна» — 39 %...

Парижская газета «М о н д» в одном из номеров опубликовала серию статей, объединенных одной темой — люди «на обочине».

«Беднякам везет... У этой категории отверженных, которых так много в богатых странах,— го-

ворится в статье Пьера Друэна, — есть свои кварталы в городах, свои профессии, свой уровень смертности и даже свой язык, который нередко лишь отдаленно похож на тот, которым пользуются по другую сторону социальной границы».

Если исходить из данных Лионеля Столерю, известного французского экономиста, опубликовавшего книгу «Победить бедность в богатых странах», можно прийти к выводу, что бедняками во Франции следует считать: половину граждан в возрасте свыше 65 лет; половину рабочих низкой квалификации — 1300 тыс. человек; большинство чернорабочих — 1 100 тыс.; миллион человек, не приспособленных к труду; две трети вдов, имеющих на воспитании ребенка, — 1 млн.; две трети работников сферы обслуживания, их 800 тыс.; 800 тыс. торговцев и ремесленников — это четверть их численности; большинство сельскохозяйственных рабочих — 600 тыс. человек.

Если принять в качестве критерия потребности, а не доходы, считает автор, то можно взять определение бедности, как его формулирует Организация экономического сотрудничества и развития: «Условия жизни людей, чьи ресурсы недостаточны для удовлетворения их минимальных потребностей». Даже в этом случае, согласно подсчетам государственного секретаря при министерстве здравоохранения Рене Ленуара, к категории «отверженных» принадлежит каждый десятый француз, т. е. 5 млн. человек.

В статье, опубликованной в журнале «Луа социаль», сотрудники Центра исследований и документации по вопросам потребления П.-А. Мерсье и В. Скардили указывают на тот факт, что бедность возникает в результате «накапливания различных видов неравенства». Жан Бенуа, автор другой статьи, помещенной в газете «М о н д», рассказывает о посещении им одного из 20 парижских районных бюро по оказанию помощи.

...Серый, как в старых школах, коридор. Дубовая скамья у стены, как в полицейском участке. Из хлопающих поминутно дверей выходят с насупленным видом служащие с объемистыми пап-

ками в руках. Сидящий на скамье небольшого роста старик скручивает дрожащими пальцами сигарету из черного табака, а затем, приложив палец к козырьку фуражки, просит огонька у стража порядка. Ни слова не говоря, тот указывает ему на табличку: «Курить воспрещается». Старичок бормочет извинения и вновь садится на скамью рядом с очень пожилой дамой, которая понимающе улыбается.

Сидя спиной к свету, под зарешеченными окнами, они все набрались терпения: старичок, пожилая дама (как выясняется, она — учительница), две женщины средних лет и молодой человек с длинными волосами и болезненным цветом лица. Повсюду, во всех бюро «социальной помощи» одинаковая очередь ожидающих. Однообразные лица озабоченных людей, порой уже выброшенных обществом и всегда затравленных. Их каждое утро можно встретить у порога богаделен или контор по найму, два раза в неделю — в бюро по регистрации безработных или в ломбарде — на еще одном перекрестке нищеты.

Кое у кого их тех, кто вынужден обращаться с просьбами в службы социальной помощи, нет даже жилья. Их направляют в приемный пункт Никола-Фламель на улице Шато-де-Рантье, где имеется примерно 350 коек для тех, кто в Париже проездом. Столько же коек для местных безработных и около 130 — для тех, кого посылают на уборку улиц, помещений муниципалитета, полицейских участков и тому подобные работы. В обмен на это они получают койку, питание и спецодежду. Пункт Никола-Фламель немногим лучше полицейского приемника. И тем не менее число его клиентов в прошлом году увеличилось на одну треть и примерно в такой же мере «помолодело». Это характерно и для других подобных центров.

«Если у вас еще возникали сомнения в существовании бедности, — пишет Жан Бенуа, — то они рассеются при одном взгляде на квартал Броссолет, на его грязные улицы, выщербленные бетонные лестницы и многие другие признаки социального неравенства, которые продолжают прояв-

ляться во всем: в жилищных условиях, зарплате, условиях труда, продолжительности жизни, общественном положении...»

Статья Пьер-Мари Дутрелан в том же номере «Монд» рассказывает о том, как обстоят дела по другую сторону Ла-Манша.

Ноттингем (Англия). 50 тыс. бедняков. Шестая часть жителей — жертвы той или иной формы бедности. Возможно ли это в столь прелестном, ухоженном, зеленом, благоухающем цветами городе? Автор утверждает, что бедность — еще и сегодня удел, согласно различным подсчетам, 5—10% англичан: стариков, хронически больных, инвалидов и постоянно безработных. Пособия не могут угнаться за ростом стоимости жизни. Получающие не избавлены от канцелярской волокиты всех видов. Конечно, это делается умышленно, считает Пьер-Мари Дутрелан, ибо, если бы упростили процедуру, просителей бы было гораздо больше, и государственный бюджет трещал бы по всем швам. Один вид помощи продолжает зависеть от администрации графств, другой — от администрации округов. «Вы ошибаетесь, вам надлежит обратиться в министерство здравоохранения...»; «Сожалею, но вам нужно обратиться в министерство внутренних дел...»; «Сходите-ка вы в министерство по вопросам окружающей среды...»

«Мы посетили в Пэкэмрай начальную школу, в которой каждый пятый ребенок страдает нервным расстройством», — пишет далее французский журналист. Эту пропорцию, увы, «легко» объяснить социальным происхождением учеников: 25% учащихся принадлежит к семьям иммигрантов, 90% — к семьям, в которых отец занимается чаще всего неквалифицированным трудом. Благодаря специальной помощи при школе открыли детский сад, что в Великобритании остается предметом роскоши. Но эти «образцово-показательные проекты» вызывают естественный вопрос: достаточно ли открыть один детский сад или социальный центр, чтобы искоренить нищету? Государственные власти предприняли в 1969 г. исследование, названное «проектом общинного развития», которое имело

целью выявить 12 зон, находящихся в неблагоприятных условиях. Можно было предположить, что эта работа приведет к борьбе в национальном плане за искоренение городской нищеты, однако этого не случилось...

Журналистка Сильвия Жуэ посетила одну из так называемых французских «тупиковых» школ. Ее рассказ — обвинение правящему режиму.

— Мы неполноценные. Раз мы здесь, значит, неполноценные.

Сильвия Жуэ от многих учеников слышала эту фразу. Журналистка разъясняет: «здесь» означает «в группе специального обучения». Действительно, группы эти «специальные». Созданы они были первоначально якобы для умственно отсталых детей. Но из 96 ребят только одного или двух, как она считает, можно назвать отсталыми. Остальные — совершенно нормальные. В чем дело? А в том, что сегодня под вывеской «специального обучения» скрывается нечто совсем иное.

Улица Гастон. Новостройка, пустыри. Посреди пустырей — дом, где расположена одна из таких групп. Все четыре года, проведенные здесь, этих подростков не оставляет вопрос, который только пятеро осмелились высказать вслух: «Чем же мы отличаемся от других?» «Другие» — это ученики «нормальных» классов, с которыми они встречаются ежедневно во дворе школы.

Министерство образования скупится на «отсталых». Ребята, предоставленные себе, днями слоняются без дела, видят, что никому не нужны.

— Мы не умалишенные, мы просто лишенные возможностей, — говорит Брижит.

Жоэль уже давно понял «что к чему» и смотрит на жизнь реалистично:

— Если бы у моих родителей были деньги, я бы не находился здесь.

«Несомненно. В этой и ей подобных спецгруппах нет ни одного сына или дочери промышленника, или врача, или инженера», — подчеркивает журналистка.

М. Рондпьер, директор, говорил ей:

— Раньше нам кое-как удавалось пристроить

учеников после окончания школы. Но вот уже два года мы не можем найти ни одного места. Хотя бы уже по одному этому ГСО (группы специального обучения) можно было бы квалифицировать как обвинительный акт нашему обществу.

ГСО. Это сокращение, видимо, очень нравится министру образования. Журналистка утверждает, что он делает все, чтобы расширить эту систему «тупиковых школ», созданную несколько лет назад. Недавно министерство «спустило» следующую директиву: «На 1977/78 учебный год число ГСО увеличить». К чему это приведет? К дальнейшему росту числа тех, кто с детских лет ощущает себя отверженным, обреченным на «тупиковые школы», поиски работы, мытарства с жильем, беспросветную жизнь в хваленом обществе «всеобщего благоденствия».

Двое ребяташек бредут по разбитой колесами грязной дороге. Идут босиком, в заплатанных штанишках и рваных рубашках. Они несут коробку с бутылками содовой воды; минуют покосившиеся, некрашенные деревянные постройки, которые можно назвать жильем только по признакам присутствия в них человеческих существ. Позади лачуг торчат ржавые останки бывших автомобилей, служащих обитателям лачуг в качестве туалетов. Тут и там бродят отощавшие собаки.

Как явствует далее из рассказа газеты «Вашингтон пост», в конце концов дети добираются до своего дома. Их крытая жестью хибарка расположена лучше многих других, потому что рядом протекает ручей. Но вода здесь такая грязная, что ее обязательно следует кипятить. Для этого нужна газовая или электрическая плита, а таковых в хибарке нет. Содовая шипучка, которую принесли детишки, — лишенная питательных свойств подслащенная вода, вызывающая анемию и кариес зубов. Но люди вынуждены пить только ее.

Гиффорд, о котором ведет рассказ Колмэн Маккарти, автор статьи, расположен в зоне цитрусовых рощ, на Атлантическом побережье США, в 110 милях севернее Майами. В некоторых кварталах

городка 85 % домов непригодно для жилья. Положение особенно вопиющее потому, что обитатели Гиффорда живут по соседству с Веро Бич — одной из жемчужин восточного берега Флориды. Если бы проектировщикам дали задание построить рядом два населенных пункта, чтобы противопоставить красоту и убожество, роскошь и нищету, то они наверняка создали бы именно Веро Бич и Гиффорд.

Гиффорд, говорится в «В а ш и н г т о н п о с т», — «эталон отвратительного положения с жильем по всей стране». Служба Общества американских друзей недавно опубликовала доклад о положении бедноты во всех 67 округах Флориды. В нем говорилось: «В этом процветающем штате, славящемся своими роскошными курортами, беднота повсеместно живет в отвратительных условиях. Если учесть, что все их беды можно устранить ценой отказа всего лишь от одного бомбардировщика последней модели, то столь скверное использование наших богатств просто потрясает».

В июне 1975 г. Специальный комитет муниципального совета Веро Бич (в состав которого входит Гиффорд) пришел к выводу, что город остро нуждается в дешевом жилье. Однако совет палец о палец не ударил, чтобы исправить положение. «Это безразличие американцам знакомо: подобные комитеты создавались не раз, но положение не меняется», — пишет Колмэн Маккарти. По его утверждению, с аналогичной картиной приходится сталкиваться по всей стране. Союз сельского жилищного строительства (неофициальная вашингтонская группа. — *Авт.*) недавно сообщил: «Для обеспечения приличным жильем остро нуждающихся необходимо выделять значительно больше средств. Федеральное правительство расходует на строительство дешевого жилья лишь 2,6 миллиарда долларов в год. Лица же со средним и высоким доходом получают от него на эти цели 11,3 миллиарда долларов в виде налоговых скидок, льгот по закладным и т. п. Иными словами, чем выше доход и шикарнее дом, который собирается строить богач, тем больше он получает от государства

субсидий. Политика жилищного строительства, которая в четырех из пяти случаев направлена на обеспечение средствами тех, кто менее всего в них нуждается, несомненно, порочна».

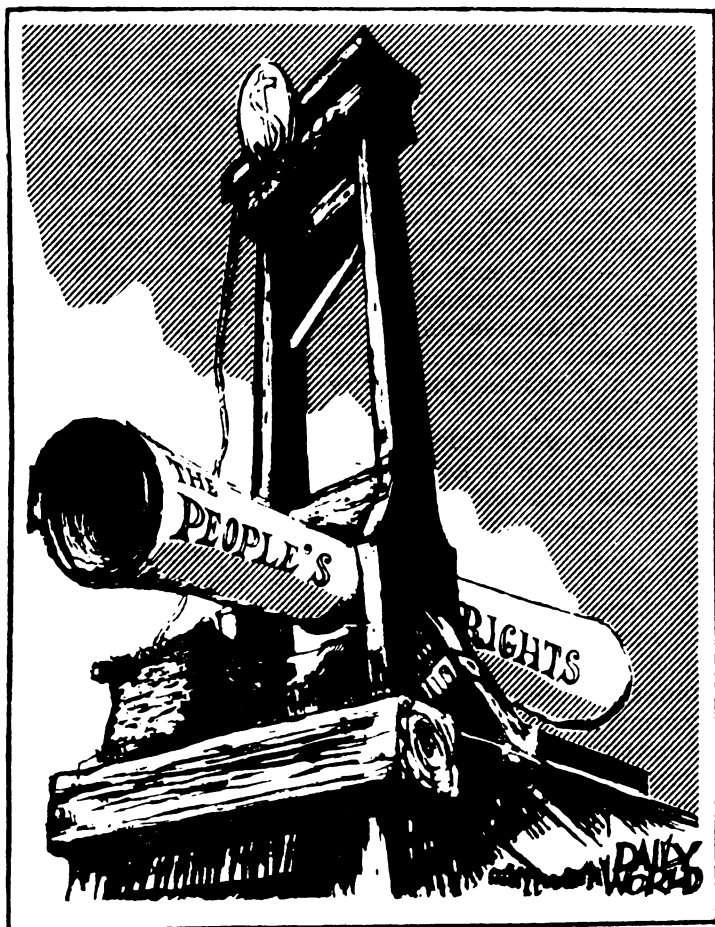
«При таком положении Гиффорду и другим заброшенным уголкам Флориды вряд ли стоит надеяться на лучшее», — считает автор статьи, опубликованной в «В а ш и н г т о н п о с т». По переписи 1960 г., Флорида имела 71 866 перенаселенных жилых домов. К 1970 г. их число сократилось только на 74. Если организации бедноты временами поднимают голос в защиту своих интересов, то власти без труда ставят их на место. Люди, приезжающие во Флориду зимой, говорят о «сезоне», имея в виду период мотовства и развлечений, который длится с ноября по апрель. Потом «сезон» перемещается на север. «Для бедняков же из Гиффорда и других сельских районов Флориды это сезон другого рода — сезон несчастий, и длится он для них круглый год», — подводит итог своим размышлениям Колмэн Маккарти.

«Сезон несчастий, длящийся круглый год» характерен и для тех, кто влачит жалкое существование в других странах, где правит капитал. Вот несколько примеров в подтверждение этого, взятых из буржуазных газет.

«За последние десять лет число бездомных в столице Великобритании удвоилось», — пишет стокгольмская газета «Д а г е н с н ю х е т е р». Сегодня на Британских островах имеются десятки тысяч людей, которые лишены крыши над головой или ютятся в трущобах. И дело совсем не в нехватке жилья. В одном лишь Лондоне 100 тыс. незастроенных квартир, принадлежащих частным владельцам.

Обездоленные не хотят мириться со своей участью. Они занимают пустые дома, не спрашивая разрешения владельцев или муниципальных властей. Движение лондонских «сквоттеров» (так называют не имеющих крова над головой и вынужденных занимать пустующие жилые здания) приобретает все больший размах. Они протестуют против спекуляций земельными участками, слиш-

ком высокой квартплаты и негодного жилищного планирования. «Несложные расчеты показывают, — продолжает «Д а г е н с н ю х е т е р», — что незаселенных домов больше чем достаточно, чтобы обеспечить квартирами всех нуждающихся». Корреспондент газеты беседовал с Тревом Силверменом и Филом Джеффрисом, сотрудниками консульта-

Инструмент «обеспечения»
прав народа

тивной, естественно, общественной службы для «сквоттеров», задача которой — давать юридические и практические советы, а также по возможности снабжать адресами тех, кто намеревается занять пустующие дома. Служба существует на взносы и добровольные пожертвования. Ежедневно ее сотрудники дают не менее полусотни консультаций по телефону плюс ответы на массу писем. Иногда случается, что муниципальные чиновники и агенты по найму жилья, будучи сами не в состоянии разрешить жилищные проблемы бездомных, отсылают их в бюро «сквоттеров».

Фил Джеффрис убежден, что в одном только Лондоне «сквоттеров» не менее 35—50 тыс., их можно найти в большинстве городских районов, но особенно они активны в Кэмдене, Ламбете, Вестминстере и Айлингтоне. Большинство «сквоттеров» — молодежь. Они последними стоят в муниципальных списках на обеспечение жилой площадью. Практически у них нет выбора, и они вынуждены идти на самовольное вселение, так как найти в Лондоне квартиру за умеренную плату очень трудно.

Капиталистическая действительность породила немало терминов для обозначения трагедии обездоленных. Помимо «сквоттеров» это и «скид-роу» — термин, широко распространенный в англоязычных странах. По мнению лондонского журнала «Д ж и о г р э ф и к л м э г э з и н», он стал синонимом тех условий, в которых обитают люди, «потерпевшие крушение в жизни». В принципе этот термин относится прежде всего к самому образу жизни. Однако в городах Канады и США под «скид-роу» понимают также определенную часть городов — несколько кварталов, расположенных недалеко от центральной деловой части, где селятся обездоленные и отверженные.

«Скид-роу» стали появляться в конце XIX столетия. Место, где лесорубы сталкивали бревна вниз к лесопилке, стоявшей на берегу реки, получило название «скид-роу», т. е. скат для бревен. По обеим сторонам этого спуска выросли затем всякого рода лавчонки, дешевые ночлежки, пив-

ные, конторы ростовщиков, лавки дешевой одежды и т. п.

Такие районы возникли вскоре во многих городах Северной Америки. Как правило, они образовывались вблизи центральной деловой части, что можно объяснить несколькими причинами: во-первых, здесь находились вокзалы, куда прибывали сезонные рабочие; во-вторых, крупные пакгаузы часто превращались в дешевые ночлежки.

С тех пор многое изменилось. Значительно снизилась потребность в сезонной мужской рабочей силе. Тем не менее «скид-роу» сохранились во многих крупных городах. Лавки торговцев поношенной одеждой встречаются там на каждом шагу. Бедняки, у которых в кармане почти всегда пусто, не гнушаются приобретением одежды, вышедшей из моды лет двадцать — тридцать назад.

С самого начала эти районы выполняли роль поставщиков неквалифицированной рабочей силы. И хотя спрос на нее уменьшился, эта функция по-прежнему остается одной из главных. К примеру, в Торонто и Балтиморе на обитателей «скид-роу» возникает потребность в зимний период, когда их нанимают на уборку снега. К их услугам прибегают также различные агентства по перевозке мебели или распространению рекламных буклетов и листовок, нанимая на день-другой.

В «скид-роу» можно увидеть людей, спящих прямо на тротуарах или собравшихся в группы и распивающих среди бела дня алкогольные напитки. Такое поведение в других районах может привести к аресту за бродяжничество или пьянство в общественных местах, здесь же к этому относятся снисходительно. Другое распространенное явление среди местных обитателей — попрошайничество.

«Крупномасштабное городское строительство может, конечно, привести к ликвидации удушливой атмосферы этих кварталов, но оно ничего не дает их обитателям, — считает «Д ж и о г р э ф и к л м э г э з и н». — Обездоленные и отверженные по-прежнему продолжают существовать в большинстве городов Североамериканского континента».

И не только Североамериканского. Чтобы убедиться в этом, достаточно совершить вместе с корреспондентом газеты «Ф а й н э н ш л т а й м с» путешествие в Рио-де-Жанейро, который до начала 60-х годов был столицей крупнейшей страны Южной Америки — Бразилии, входящей в первую десятку промышленно развитых капиталистических государств. Корреспондент сообщает, что около миллиона жителей Рио-де-Жанейро, пятая часть населения, живет в трущобах — они называются здесь фавелы, и число их постоянно растет. Новые фавелы — на склонах холмов, пустырях, на побережье — возникают быстрее, чем исчезают старые. Только в двух таких поселениях — Розинья и Жакарезиньо — насчитывается около 100 тыс. жителей.

Крупная фавела представляет собой самостоятельный район, своего рода город внутри города. Цены за жилье устанавливаются в зависимости от того, на каком расстоянии лачуга находится от водопроводной колонки. Типичный дом фавеладо (обитателя фавелы) — это строение из досок от ящиков и кусков ржавого железа, с крышей, на которую положены камни, чтобы ее не унесло ветром. На пол иногда брошены доски: они служат постелью или защищают от грязи, хлюпающей под ногами, когда идет дождь. Хижины лепятся одна к другой, карабкаются по склонам, крошечные пространства между ними тоже используются: сюда выбрасывают пищевые отходы.

Извечная проблема, подчеркивается в статье из «Ф а й н э н ш л т а й м с», — добывание воды: за ней часто приходится проделывать долгий путь вниз по крутому, скользкому склону холма. В период летних дождей люди живут в постоянном страхе перед грязевыми оползнями, которые могут подмять под себя лачуги вместе с их обитателями.

Трущобы Рио вовсе не являются пережитком XIX в. Это продукт промышленного развития последних 45 лет, которое сопровождалось разорением деревни. Само слово «фавела» вошло в обиход только на рубеже века: утверждают, что

так называли дома, наскоро выстроенные для солдат, присланных на подавление восстания в штате Баия в 1897 г. Тогда и стало известно место, а точнее, холм под названием Фавела. Когда солдат переселили в казармы, дома стали продавать и сдавать беднякам. Так возникла первая фавела. По последним официальным данным, сейчас их в городе 273. И если в 50-х годах в фавелах проживал каждый 13-й житель города, то сейчас — каждый пятый.

Фавеладо приходят обычно из отдаленных городов страны, где население сокращается, или из бедных северо-восточных районов Бразилии. Газета «В а ш и н г т о н п о с т» пишет, что большинство жителей северо-восточных районов Бразилии страдают от хронического недоедания. Это показали исследования, проведенные университетом штата Пернамбуку. Недоедание особенно пагубно сказывается на детях. «В результате более половины детей в этом районе умирают, не достигнув 5-летнего возраста», — указывает газета.

Профессор университета штата Пернамбуку Васконселуш Собриньо считает необходимым проводить политику сокращения рождаемости среди беднейших слоев населения. Однако эта точка зрения встретила решительный отпор со стороны большинства врачей, уверенных, что при правильном распределении национального дохода Бразилия могла бы прокормить значительно большее население. В стране была разработана программа экономического развития, предусматривавшая принятие комплекса мер по борьбе с голодом. Однако ее выполнение провалилось из-за нехватки средств. В частности, предполагалось оказание помощи детям в возрасте до семи лет, которые составляют на северо-востоке 57% населения. Средств же хватает лишь на то, чтобы оказать минимальную помощь каждому седьмому ребенку в этом возрасте, заявила одна из руководительниц Национального института питания Жозети Рамос.

В той же «В а ш и н г т о н п о с т» мы познакомились с судьбой семьи Джоунса. Она живет в городке Оксфорд, штат Северная Каролина.

...Ветхая лачуга словно сошла с фотографии времен «великого кризиса» 30-х годов. В этих покосившихся стенах и живет семья Джоунса — девять человек.

Эд Джоунс — один из двух кормильцев семьи. Мать Эда, 65-летняя Лэсси Джоунс, ведет хозяйство. По ее словам, члены семьи питаются главным образом бобами.

Несколько месяцев назад Лэсси Джоунс ездила за 45 миль в Дерхэм, в клинику Дьюкского университета: у нее сильно опухают ноги. Доктор выписал ей три рецепта и предупредил, что нужно принимать лекарства, иначе конец. Но ей не на что их купить.

Окружной диетолог Линда Стаут опасается, что длительное недоедание может сказаться на физическом и умственном развитии детей Джоунсов. (Медицинское обследование населения, проведенное специалистами, уточняет «Вашингтон пост», показало, что 23 % населения штата Северная Каролина недоедают; от недостатка питания страдает более половины детей дошкольного возраста.) Более года назад Линда Стаут обратилась в министерство сельского хозяйства США с настоятельной просьбой об оказании скорейшей помощи нуждающимся в округах Грэнвиль и Вэнс, где насчитывается 1500 голодающих детей. Однако министерство, на чьи средства должна проводиться программа, не откликнулось на ее просьбу. 29 округов Северной Каролины направили в министерство прошения включить их в программу помощи голодающим, но также не получили никакого ответа.

Болезни, как известно, не обходят стороной никого. На помощь больному должен приходиться врач, это тоже общеизвестно. Однако в неизлечимо больном капиталистическом обществе, где царствует «золотой телец», миллионы людей лишены возможности пользоваться медицинской помощью. Если же они вынуждены прибегнуть к ней, то потом месяцами, а то и целыми годами экономят на всем, чтобы расплатиться с бизнесменами от медицины. Вот как обстоит дело, например, в

США. Об этом можно прочитать в газетах любой капиталистической страны.

Мэри Фишер из Милуоки, штат Висконсин, вызвала возглас изумления у участников состоявшейся в Вашингтоне конференции, организованной Комитетом за общенациональное страхование здоровья, когда развернула больничный счет, предъявленный ей в прошлом году клиником, в которой она лежала по поводу удаления матки. Счет был длиною 2 метра!

— Я еще проходила курс интенсивной терапии, когда администратор больницы сказал мне, что хочет поговорить с мужем по поводу счета, — рассказывала она. — Я ответила, что муж не сможет зайти до конца недели. На следующий день меня усадили в коляску и отвезли в кабинет администратора. Тот посоветовал мне взять ссуду и оплатить счет в течение 30 дней. Мы заплатили клинике сразу же 7550 долларов и до сих пор должны еще 8 тысяч.

Участники конференции выслушали также выступление Кейти Гейтер, молодой негритянки из Вашингтона, которая получила счет на 44 тыс. долларов за уход за ее недоношенным ребенком.

Линда Смит из округа Флайд, штат Индиана, поведала историю о безуспешных поисках врача, когда ее дочь заболела смертельно опасной легочной аллергией.

— После 24 звонков местным врачам мы так и не добились, чтобы к дочери приехал доктор, несмотря на то что я говорила каждому, что у нее температура выше 40 градусов и жизнь в опасности. Один врач по телефону рекомендовал дать ей робитуссин (распространенное лекарство от кашля. — *Авт.*).

Как подчеркнул руководитель далласского отделения профсоюза рабочих сталелитейной промышленности Майк Уибсон, медицинские расходы президента и конгрессменов, а также членов их семей полностью оплачиваются из федеральной казны.

— И эти деятели забывают о людях, которые

выбирали их, — сказал он. — Трудящиеся лишены подобных привилегий. Президент Картер заслуживает критики: он обещал систему страхования здоровья, а теперь говорит, что нам нужно ждать.

Выступая перед участниками конференции, председатель Объединенного профсоюза рабочих автомобильной, аэрокосмической промышленности и сельскохозяйственного машиностроения Дуглас Фрейзер подчеркнул: американский народ в прошлом году был вынужден заплатить за медицинскую помощь 139 млрд. долл. — в среднем по 638 долл. на человека! Более 40 млн. американцев не охвачены системой медицинского страхования, а 30 млн. потеряли страховые медицинские полисы из-за массовой безработицы...

Такое возможно лишь в антигуманном обществе, поклоняющемся одному идолу — деньгам, в обществе, где деньги позволяют все, даже совершать мерзости, о которых пишет вашингтонский журнал «Ю. С. нью энд Уорлд рипорт». Любящие поучать других морали и прославляющие «свободу», как она представлена в США, американские пропагандисты обычно старательно замалчивают гнусности общества, где для наживы используется бизнес на всем, включая самые низменные страсти. Однако на сей раз журнал «Ю. С. нью энд Уорлд рипорт» не выдержал: его шокировал грязный поток так называемой «детской порнографии», наводняющей страну. В сети «порнобизнеса», приносящего предпринимателям громадные барыши, попадают совсем маленькие дети.

«Имеются убедительные доказательства того, что в последние полтора года свыше 300 тысяч детей стали объектами «сексуальной эксплуатации», — пишет журнал. — Малолетних — некоторым было всего по три года — использовали при производстве порнографических материалов, заставляя изображать все мыслимые сексуальные акты как друг с другом, так и со взрослыми».

В результате появилась лавина кинофильмов и книг с такими названиями, как «Страстные крошки» и «Маленькие Лолиты». Они открыто рекламируются в порнографических магазинах и киосках

по всей стране. Журнал приводит слова Дж. Денсен-Гербер, активистки общенационального движения в защиту детей от «сексуальной эксплуатации»: «Их убивают эмоционально и морально».

Торговля «детской порнографией» превратилась в индустрию, приносящую доход примерно в полмиллиарда долларов в год, и, по мнению многих должностных лиц, организованная преступность предпринимает шаги, чтобы прибрать к рукам это выгодное дело.

«Кто же становится жертвами?» — задается вопросом «Ю. С. нью энд Уорлд рипорт» и сам отвечает на него: в большинстве случаев — эмоционально неуравновешенные дети, сбежавшие из неблагополучных семей. Они продают себя, чтобы заработать средства на жизнь... Другой тип жертв — дети, которых продают дельцам, занимающимся изготовлением порнографии, их собственные родители. К примеру, лос-анджелесская полиция обнаружила, что 3- и 5-летнюю девочку и 10-летнего мальчика запродали дельцам их матери-проститутки.

Какие люди заманивают детей в сети «порнобизнеса»? Как заявляют должностные лица, некоторые дельцы, занимающиеся изготовлением порнографических материалов, соответствуют стереотипу потасканных стариков, охотящихся за малолетками на Таймс-сквер в Нью-Йорке. Однако подобное представление зачастую оказывается неверным. «Мы обнаружили, что во многих случаях это совершенно иные люди — обеспеченные, оборотистые, образованные. Иногда они занимают видное место в обществе», — сообщил корреспонденту журанала Роберт Леонард, избранный на пост президента Национальной ассоциации окружных прокуроров.

Недавно в Уинчестере, штат Теннесси, началось слушание дела бывшего священника, который заманивал на свою ферму безнадзорных детей и тайно снимал их во время совершения гомосексуальных актов со специально нанятым взрослым «актером». В Новом Орлеане была обнаружена группа, включающая трех миллионеров, заставив-

шая мальчика позировать при съемке гомосексуального акта.

Широкое распространение «детской порнографии», констатирует вашингтонский журнал, вызывает протесты, но они наталкиваются на сопротивление голливудских кинопродюсеров, которые заявляют, что некоторые законопроекты, направленные против «детской порнографии», имеют настолько широкий характер, что в случае их принятия под запретом окажутся многие фильмы, в которых есть «эротические сцены с несовершеннолетними».

Ох уж эта свобода предпринимательства!

«Капитализм против демократии» — так озаглавил парижский журнал «М о н д д и п л о м а т и к» свое исследование, в котором на примере Франции прослеживает, как «соотносятся капитализм и демократия». Мы воспроизводим его с некоторыми сокращениями.

Председатель Национального совета французских предпринимателей, к которому журнал обратился с этим вопросом, сообщил, что «слишком занят, чтобы задумываться над подобными проблемами». Зато один из его коллег, генеральный директор Комиссии по вопросам организации труда Октав Желинье, не уклонился от разговора и высказался вполне определенно: «Свобода предпринимательства в хозяйственной сфере обеспечивает свободу слова, печати и создания политических партий. Обе зиждутся на вере в способность и право человека, будь то бизнесмен или просто человек с улицы, выбирать то, что ему подходит».

Устами Желинье, как нетрудно заметить, глаголет сама «библия» капитализма. Итак, иронизирует «М о н д д и п л о м а т и к», работающий по найму и его хозяин одинаково «свободные» люди: оба вправе проявить «свободную инициативу», не зависящую от их материальных возможностей. Журнал уже совсем было собрался последовать за Желинье к идиллическим высотам демократического капитализма, но зрелище людской нищеты вынудило его вернуться на грешную землю. Вот, скажем, Кристиана Дриотон, лауреат конкурса на «лучшего работника Франции». 28 лет

проработала на фабрике эта высококвалифицированная закройщица, а зарплата ее так и осталась чуть выше официального минимума. Неужели только из-за нехватки инициативы?

Что означает демократия, если условия жизни и труда миллионов людей лишают их практической возможности влиять на развитие общества? «И тем не менее, — отмечает журнал, — несмотря на за- силье рантье и монополий, несмотря на господство «железного закона» выгоды, каждодневно отбрасывающего на обочину «неудачников», многие во Франции искренне считают, что живут при демократии».

Выясняется, что эти люди обычно ссылаются на факты, кажущиеся им убедительными: «Рабочий завода «Рено» может читать газеты любых партий...»; «У большинства людей есть телевизоры...»; «Коль скоро народ имеет свое мнение, коль скоро он выражает это мнение, — критикует, негодует — значит, у нас демократия». Однако достаточно «копнуть глубже», чтобы собеседник засомневался и признал, например, что лозунг «свобода выбора» сводится главным образом к «свободе» выбирать хозяина.

И так всегда, продолжает «Монд дипломатик», с одной стороны, бесспорные, в общем-то никем не оспариваемые цифры и факты, свидетельствующие о том, что демократия, равно как и богатство, распределена в нашем обществе, мягко говоря, не самым справедливым образом; с другой — обильные слова, в которых правда тонет или забывается. Вот уже три века с поразительным упрямством буржуазные либералы твердят о «человеке вообще», о «свободе как таковой», о «демократии как отвлеченном понятии». Для тех, кто не хочет рассматривать демократию с классовых позиций, существуют лишь просто граждане.

— А «гражданин», — говорит профессор-правовед Парижского университета Жорж Бурдо, — это понятие, остающееся лишь после того, как мы вынесем за скобки различия в социальном и материальном положении, образовании и т. д., т. е. некое абстрактное существо.

Переходя к истории возникновения и развития капиталистического общества, «Монд дипломатики» отмечает, что не требуется быть «сто-процентным марксистом», чтобы распознать эти явные несоответствия. Характер взаимоотношений капитализма с демократией просматривается сквозь защитную дымовую завесу на протяжении всей истории. Демократическая мысль, родившаяся в недрах капиталистического общества, осталась его пленницей. Буржуазная демократия неизбежно ограничена и отмечена пороками породившей ее системы. Авторы публикации в парижском журнале подчеркивают, что нарождавшаяся демократия была ограничена вдвойне: она осуществлялась только в политической сфере — собрания, союзы, выборы — и удовлетворяла лишь привилегированную часть третьего сословия — буржуазию. Те, кто обладал богатством, но не имел политической власти, могли обратиться к ее и обратили к своей выгоде; остальные — подавляющее большинство — не получили ничего: нищета и правовое бессилие как были, так и остались их уделом.

Вскоре широко декларированные принципы были преданы забвению. «Их внесли в конституцию, — констатирует юрист Жан Коссон, — но никто, разумеется, их не соблюдал; право денег возобладало над гражданскими правами».

«Каждый на своем месте» — вот принцип фальшивой демократии, который с маниакальным упорством внедряли буржуазные законодатели. Бесчисленные законы были призваны «сдерживать трудовой люд». Журнал приводит в качестве примера закон Ле Шапелье, который запрещал во Франции всякие союзы трудящихся. «Работникам, собравшимся вместе, не дозволяется обсуждать вопросы, касающиеся их общих интересов», — говорилось в нем. Статьи 414 и 415 уголовного кодекса карали тюремным заключением от одного до трех лет тех, кто самовольно уходил от хозяина, и от двух до пяти лет — тех, кто призывал это делать. Статья 1781 гражданского кодекса гласила, что в случае конфликта между «хозяевами и службой хозяину надлежит верить на слово». Это, по

выражению историка и социолога Мишеля Фуко, было началом «великого замыкания».

Однако, чтобы «вливать» новые силы в капиталистическую систему, говорится далее в «М о н д д и п л о м а т и к», правящему классу время от времени приходилось предоставлять простым гражданам более широкие права, хотя из всех требований народа, изложенных языком стачек и баррикад, правящий класс «слышал» лишь те, что не затрагивали его прерогатив. Неравенство заложено в самой природе капитализма, и сегодня оно чувствуется почти столь же сильно, как прежде. Неравенство в шансах на жизнь (преподаватель в среднем живет дольше рабочего), на образование (детей инженерно-административных работников среди студентов в 20 раз больше, чем детей рабочих и простых служащих), на получение работы. Наконец, неравенство доходов — самое вопиющее, ибо во Франции, например, «полюсовые» доходы соотносятся, как 1:400. Ну и как следствие — неравенство жилищных условий, средств передвижения, качества получаемых услуг, отдыха и т. д. Причем неравенства эти громоздятся друг на друга — одни и те же люди не получают образования, выполняют самую тяжелую работу, получают самую низкую зарплату, не имеют доступа к развлечениям; неравенства множатся и передаются из поколения в поколение.

Обращаясь к «политической демократии» при капитализме, авторы исследования ставят вопрос: заслуживает ли она свое название? И еще: какое чудо может заставить буржуазную политическую власть идти наперекор главенствующим интересам капитализма? В конечном счете, по мнению А. Декуфле, приводимому ими, «политическую демократию, рожденную капиталистическим способом производства, можно определить как завесу, под прикрытием которой идет эксплуатация людей труда». «Последним остается много иллюзий и мало надежд», — констатирует «М о н д д и п л о м а т и к».

Разговоры о демократии ведутся по-прежнему, но сейчас больше, чем когда-либо, они призваны

закамуфлировать действительность, которая менее, чем когда-либо, подходит под «идеальный образ». Такие понятия, как независимость парламента, представительность политических партий, свободы (в частности, свобода печати), превратились в насмешку над собой.

«Государство вырабатывает все решения при непременном участии представителей «денежного мешка», — пишет журнал, — трудящимся же остается только подсчитывать шишки, перебирать обрывки мифов о благосостоянии и прогрессе, о «равенстве возможностей». Иногда они получают право на занимательное зрелище. Занавес ненадолго приоткрывается над очередным политико-финансовым скандалом. И тотчас вновь падает. Будет о чем поговорить несколько дней. Сам же скандал так и останется навечно погребенным во мраке тайны.

Одни и те же промышленно-финансовые династии пребывают на авансцене Франции со времен Наполеона; они покинули ее один-единственный раз — в 1936 году (период Народного фронта. — *Авт.*). При этом узкий круг остался столь же узким».

В кризисный период, подчеркивает «М о н д и п л о м а т и к», капитализм особенно наглядно демонстрирует, до какой степени он безжалостен к судьбам людей: записанное в конституции право на труд отменяется, едва только возникает сомнение, удастся ли обеспечить запланированные прибыли. Первыми под удар попадают женщины, молодежь, рабочие-иммигранты, чернорабочие. Затем наступает очередь других: служащих, мелких собственников (а они-то раньше считали себя в безопасности). Остаются крупные предприниматели: что бы ни случилось, их тылы прикрыты. Время от времени кто-то из ущемленных вспоминает о правах, щедро отпущенных капитализмом на бумаге: они пишут письма, обличают во всеуслышание «уродства и несправедливости системы», подтверждают цифрами и фактами жульничества и махинации. А что за этим следует? Ничего. Ровным счетом ничего...

Общеизвестно, что буржуазная конституция уже сама по себе ограничивает возможности немущих. Но и теми куцыми правами и свободами, которые она декларирует, могут пользоваться лишь немногие. На частных предприятиях хозяева вводят свою «конституцию» по принципу «что хочу, то и ворочу». Примеров тому не счесть. Мы ограничимся одним — рассказом о событиях на лондонской фабрике «Гранвик», которые вскрыли лицемерие и фальшь буржуазной демократии, беспощадно обрушивающей репрессивный аппарат на людей труда только за то, что они защищают свои элементарные права и свободы, и грудью встающей на защиту интересов частной собственности.

Каждое утро, примерно в 7 часов, тысяча лондонских полицейских и около двух тысяч бастующих и пришедших к ним на помощь пикетчиков выстраиваются друг против друга на двух узеньких улочках, прилегающих к охваченной стачечной борьбой фабрике «Гранвик». Здесь, в Доллис-хилл, на старой окраине Лондона, между рабочими и полицией происходят столкновения, которые нередко превращаются в настоящие сражения.

О том, что происходит в Доллис-хилл, поведал в газете «И н т е р н э ш н л г е р а л ь д т р и б ю н» Эд Бланш. Что же произошло на «Гранвике»? Пять лет назад пятеро рабочих фабрики вступили в профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих (к слову сказать, крупнейший в стране.— *Авт.*). Джоржд Уорд, хозяин «Гранвика», узнав об этом, немедленно уволил их. Они обратились в суд с жалобой на действия хозяина, но суд их не поддержал. Прошло три с половиной года, и в профсоюз решили вступить сразу 137 человек. Последовал приказ об увольнении — и тогда на фабрике была объявлена забастовка.

Фабрика «Гранвик» — мрачное здание из красного кирпича. Бастующие утверждают, что хозяин создал условия, похожие на те, что существовали в описанных Диккенсом мастерских с потогонной системой труда. Ныне она превращена в крепость, окруженную рядами колючей проволоки. В раз-

говоре с американским журналистом Джордж Уорд наотрез отрицал, что его предприятие — безжалостная «соковыжималка», но зато не скрывал своего «непоколебимого намерения» пресекать любую профсоюзную деятельность. «У меня не антипрофсоюзная, а просто беспрофсоюзная фирма», — заявил он.

Газета «Санди таймс» в свою очередь сообщила, что сторону Уорда, естественно, взяли другие предприниматели, его дело стали отстаивать хорошо оплачиваемые адвокаты, и он решил не идти ни на какие компромиссы. И вот результат: ежедневно, около 8 часов утра, когда на двухэтажном автобусе, принадлежащем компании, привозят рабочих, не присоединившихся к забастовке, происходят столкновения с полицией. Полиция, которая выстраивается вдоль узкой улицы, ведущей к воротам фабрики, пытается освободить проезжую часть дороги и сдерживать натиск пикетчиков. В то время как автобус медленно продвигается вперед, со всех сторон раздаются крики, проклятья, отрывистые слова команд. «Однажды, когда две тысячи пикетчиков и их сторонников, скандировавших «подлецы», «зверье», «фашистские ублюдки», прорвали полицейские цепи, — пишет «Санди таймс, — началось избиение: здоровенный полицейский за волосы оттаскивал яростно сопротивляющуюся девушку в потертых джинсах, несколько несовершеннолетних подростков потеряли сознание в страшной давке. «Ради бога, вытащите меня отсюда!» — надрывался женский голос. Действиями полиции руководил седовласый офицер с мегафоном в руках. «Быстро хватайте вот этого, тащите его сюда! — раздавались приказания, усиленные громкоговорителем. — К автобусу прорвались еще двое, взять их!» В результате непрекращающихся стычек имеются пострадавшие. Близлежащие улицы усыпаны обрывками газет, пустыми консервными банками, на тротуарах валяются туфли, нарукавные повязки пикетчиков».

Ну а Джордж Уорд? Чувствуя поддержку власть имущих, он не пустил на территорию фабрики представителей государственной арбитраж-

ной комиссии и отказался выполнить ее рекомендации — восстановить на работе уволенных. Когда же палата лордов — высшая апелляционная судебная инстанция Англии — признала недействительными рекомендации арбитражной комиссии, хозяин «Гранвика» не скрывал своего восторга. «Права индивидуума подтверждены на самом высоком уровне», — с торжеством заявил он...

Такова буржуазная демократия, таковы «права» и «свободы» в обществе, где правит капитал. Как не вспомнить здесь ленинские слова: «...ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала. Вы мелочь забыли, господа цивилизованные. Забыли, что ваша свобода написана в конституции, которая *узаконяет частную собственность*. Вот в чем суть дела»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 348.

Хотя рабовладение формально и отменено...

«Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека...»¹

Под этими словами Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе стоят подписи руководителей практически всех крупнейших капиталистических государств. С момента проведения общеевропейского совещания (лето 1975 г.) прошло не так уж мало времени. Но, как свидетельствуют факты, жизнь национальных меньшинств в странах капитала если и изменилась, то в худшую сторону. Там, как и прежде, в порядке вещей массовое нарушение прав человека, фактически узаконена дискриминация по расовым и национальным признакам, имущественному положению.

Все язвы и пороки капиталистической системы и ее, с позволения сказать, «национальной политики» особенно отчетливо видны на примере Соединенных Штатов Америки, где 25 млн. негров, индейцы, миллионы пуэрториканцев, американцев мексиканского и азиатского происхождения низведены до положения людей «второго сорта» и где само правительство топчет конституцию и первые десять поправок к ней, составляющие Билль о правах (справедливости ради отметим, что, принятый почти два века назад в рабовладельческой стране, Билль о правах даже не упоминал о каких-либо правах черных граждан Америки). В свете этих фактов не удивительно, что из ныне действующих 40 международных конвенций и пактов по

¹ «Во имя мира, безопасности и сотрудничества», с. 21.

правам человека США ратифицировали лишь десять, из них всего-навсего пять, выработанных в рамках ООН. Среди «замороженных» оказались такие принципиально важные документы, как Конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него, принятая еще в 1948 г., а также Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, которую подписали 94 государства.

В. И. Ленин писал, что «американская буржуазия сделала все возможное и невозможное для самого бесстыдного и подлого угнетения негров»¹. В равной степени это утверждение относится и к положению других национальных меньшинств в цитадели империализма. Согласно переписи 1969 г., доходы негров составляли 54 % доходов белых, доходы мексиканцев американского происхождения — 55, пуэрториканцев — 53, а американских индейцев — 46 %. С 1969 г. этот разрыв еще больше увеличился. 31 % негритянского населения и 40 % чернокожих детей живут ниже уровня бедности. Нью-йоркский журнал «Т а й м» не случайно посвятил «заглавную историю» одного из своих номеров трагедии так называемого низшего класса многомиллионной армии париев, состоящей преимущественно из негритянского и цветного населения Америки, испытывающего все тяготы экономического и расового угнетения. Многие буржуазных социологов серьезно тревожит то, что в недрах этого класса тлеют очаги гнева, грозящие послужить детонатором социальных столкновений, способных потрясти устои существующей системы. Но как специалисты, так и авторы статьи в журнале «Т а й м» предпочитают обходить молчанием тот непреложный факт, что класс отверженных является неизбежным продуктом самой эксплуататорской системы, и рекламируемые ими средства вроде подачек в виде «пособий по бедности» или безработице могут лишь временно локализовать, но не излечить врожденные язвы капиталистической системы.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 142.

Тревога проглядывает хотя бы в том, что статье, опубликованной на страницах «Т а й м», вместо эпиграфа предпосланы такие высказывания:

«Скоро беспорядки будут вспыхивать среди бела дня».

Черри Крист, мать шестерых детей,
живущая на пособие по бедности.

«Если в городах снова вспыхнут волнения, у нас не будет безопасного места ни по ту, ни по другую сторону баррикады».

Джеймс У. Комптон,
директор Городской лиги в Чикаго.

В статье говорится, что большинство американцев, принадлежащих к состоятельным слоям населения, видят «баррикады» лишь мельком, когда мчатся мимо на своих автомобилях или в пригородных поездах — с запертыми дверями, наглухо закрытыми окнами, на большой скорости. А там, за этим классовым барьером, совсем иная жизнь — мир изрытых улиц, покосившихся строений, разбитых надежд. Состоятельным людям почти ничего не известно об этом мире. Они узнают о нем, лишь когда под воздействием отчаяния он бурно врывается на первые полосы газет или в передачу вечерних новостей. А за его разваливающимися стенами живет огромная масса людей, более непокорных, социально отчужденных и враждебно настроенных, чем предполагают. «Т а й м» называет их «американские парии — люмпен-пролетариат».

Последнее обозначение стало довольно распространенным определением отрешенных от американских грез людей, которые почти навсегда застряли на «дне» общества. Хотя среди людей, образующих люмпен-пролетариат, представители всех рас и живут они во многих местах, в основном он состоит из обнищавших горожан-негров, которые все еще страдают от наследия рабства и от расовой дискриминации.

«Мир отверженных, — продолжает журнал, — это хаотичное нагромождение догнивающих трущоб, поломанная мебель, скудная пища, выпивка

и наркотики. Эти пари брошены на произвол судьбы. Озабоченные должностные лица на всех уровнях — от Белого дома до муниципалитета самого мелкого городишки — ломают голову над проблемами люмпен-пролетариата. Для многих обездоленных бедность — состояние, из которого еще есть шанс выйти, и многие выходят благодаря образованию или упорству. Но люмпен-пролетариат состоит из людей, которым не хватает подготовки, квалификации и настойчивости, чтобы выбиться в люди».

«Т а й м» убежден, что одной из причин этого является затяжная безработица. Многих из тех, кто принадлежит к люмпен-пролетариям, считают «отчаявшимися», потому что они перестали даже надеяться получить работу.

Люмпен-пролетариат остается ячейкой духовной и материальной нищеты. Ежегодно федеральное правительство, штаты и города расходуют немало средств на борьбу с ужасающей бедностью. Однако, считает «Тайм», несмотря на все это, положение отверженных по всем социальным критериям — перспективам устройства на работу, жилищным условиям, возможностям получения образования, личной безопасности — едва ли улучшилось, а в некоторых отношениях даже ухудшилось по сравнению с периодом до объявления «войны против бедности».

Хотя подавляющее большинство этих париев составляют негры, к ним относятся также много американцев, говорящих на испанском языке, и какое-то число белых. Среди наиболее отчетливых подгрупп — беженцы из пораженного безработицей района Аппалачских гор, переселившиеся в убогие предместья некоторых городов, котящиеся в трущобах Лос-Анджелеса выходцы из Мексики — «чиканос», пуэрториканцы из Гарлема.

«Т а й м» приводит слова своего чикагского корреспондента Роберта Вурмстедта, который некогда был добровольцем «корпуса мира»: «Бедность в негритянских и пуэрториканских районах чикагского Уэст-Сайда страшнее той бедности, которую я наблюдал в Западной Африке. Там людьми

движут сильные традиционные ценности. Они не живут в постоянном страхе перед насилием, паразитами и пожарами. Там вы не сталкиваетесь с таким чувством отчаяния и безысходности, как в американских гетто».

Отчаянием и безысходностью веет от приводимых в статье слов Дональда Уильямса 29 лет, знающего — «Т а й м» делает упор на этом, — что такое наркотики, живущего в Гарлеме и попрошайничающего на улицах Нью-Йорка.

— Я ни во что не верю. Перед вами обломок человека на грани безумия. И с каждым днем становится не лучше, а хуже.

«Несмотря на некоторые успехи объявленной Линдоном Джонсоном «войны против бедности», — говорится в заключение статьи, — все хорошо помнят, что средства, выделенные в соответствии с этой программой, зачастую оседали в карманах тех, кто должен был ее осуществлять, — уполномоченных, инспекторов социального обеспечения, призванных заботиться о бедняках. Любая обширная программа стимулирования всей экономики в целях быстрого сокращения безработицы привела бы лишь к стремительному росту инфляции. И первой ее жертвой стал бы люмпен-пролетариат. Всеобъемлющего решения сложной проблемы отверженных не существует...»

Когда речь заходит о Гарлеме, перед глазами встает море трущоб, плотно населенных едва ли не самыми обездоленными и бесправными в мире людьми — жителями самой богатой капиталистической страны. Гарлем стал синонимом расового гнета, беспощадной эксплуатации, как во времена рабовладения, попрания человеческого достоинства и элементарных прав. Гарлем — гигантское гетто, куда согнаны чернокожие рабы Америки XX в. Немало их, а также других париев и в Бронксе, рассказ о котором на страницах парижского еженедельника «Н у в е л ь о б с е р в а т е р» ведет Бенжамен Легран.

...Бронкс — один из пяти районов Нью-Йорка — примыкает к центральному — Манхэттену. И это чувствуешь, спустившись в метро. Стены и

окна вагонов испещрены разноцветными надписями и рисунками — на них весь Бронкс. Дети гетто покрыли своими именами, кличками, названиями улиц быстро несущиеся поезда, наполненные пассажирами. Это бесчисленные послания мальчиков и девочек, обращенные к богачам, которые живут в сверкающем Манхэттене. В них крик души мексиканских и пуэрториканских детей.

«Богачи с четырехсотметрового небоскреба Международного торгового центра не спускаются в метро и потому не могут взирать на эти надписи — беззвучное выражение бунта. Они управляют, программируют, принимают решения, даже не желая взглянуть на этот крах Америки — на Бронкс, огромный, как Париж, где нищета — обыденное явление. Бронкс привык голодать. Бронкс не верит в обещания лучшей жизни» — так начинается свой рассказ Легран.

Разнообразных социальных служб здесь больше, чем в любом другом районе Нью-Йорка. Зачем? Только для того, чтобы зафиксировать агонию общества? Молодые пуэрториканцы называют эти службы грифами-могильщиками.

Автор рисует мрачную картину: целые кварталы покинутых и разрушающихся домов, заброшенные или сгоревшие магазины, горы мусора, тротуары, усыпанные битым стеклом и жестяными банками, — город как будто после налета бомбардировщиков. И в таких условиях живет более миллиона человек. Пуэрториканцы и негры занимают южную и центральную часть Бронкса, но они проникают и в районы, где пока еще обитают евреи, итальянцы, ирландцы. Здесь единственная уцелевшая торговая улица Фордхэм-роуд, где детским глазам из гетто предстают витрины с товарами «американской мечты».

— Мне повезло, что я жив, мне просто повезло, — это первые слова, которые Легран услышал от Пумы. Пуме 21 год, он родился на улице, где из каждых четырех домов три — разрушенные. Он не любит свое прошлое и не любит вспоминать то, как он стал тем, кто есть теперь, — подметальщиком улиц.

— Можно вырвать малыша из гетто, но гетто из него никогда не вырвешь, — говорит Леграну Пума. Слишком много молодых ребят погибло у него на глазах или оказалось за тюремной решеткой системы, подвергающей геноциду целый народ, жертвами которого стали прежде всего дети.

Как явствует из статьи, Пума возмущен полицейскими репрессиями. Его мнение разделяет Джек О'Рейли, который служит в 42-м полицейском участке сотрудником специального подразделения, занимающегося предупреждением преступлений. По его словам, городские власти предали забвению этот район. Ответственность также ложится на домовладельцев. Поселяющаяся здесь пуэрториканская или негритянская семья через несколько месяцев из-за безработицы, болезни или по другим причинам оказывается без денег и ей нечем платить за квартиру. Домовладелец перекрывает водопровод, отключает газ, электричество. Семью выбрасывают на улицу, а квартира подвергается грабежу. Наркоманы или просто люди, желающие раздобыть немного денег, срывают и продают трубы, оконные рамы идут на дрова, короче, дому приходит конец. Случается, что сам домовладелец платит какому-нибудь наркоману 20 долл., чтобы тот поджег его собственность. В результате он получает кругленькую сумму от страховой компании и продает участок, на котором стоял дом.

Легран пишет далее, что в Бронксе даже те, кто не попал в лапы черной нужды, питаются плохо. Почти все продовольственные магазины исчезли, а в тех, что остались, — гнилые овощи и фрукты, мясо, облепленное мухами, протухшая рыба. Целы лишь винные магазины с железными решетками и пуленепробиваемыми стеклами в дверях и окнах. Зато процветают здесь всевозможные поставщики «духовной» пищи. Странные лавчонки — так называемые «ботаникас», — где магия соседствует с религией: статуэтки святых и амулеты, портреты Христа, выполненные светящимися красками, снадобья от всех болезней.

У врачей в Бронксе много работы. Все больницы переполнены, в частности, подростками, умираю-

щими от чрезмерного употребления наркотиков или от ножевых ран. Школы подают тревожные сигналы об ужасающем числе нарушений психики и о других серьезных заболеваниях детей.

Доктор Файнберг, один из директоров детской психиатрической больницы в Бронксе, сказал Леграну с тревогой: «В Бронксе насчитывается более 500 тысяч детей, из них психических больных — 50 тысяч. Еще 5 тысяч находятся в таком состоянии, что помешательство может толкнуть их на убийство».

«Как описать этот ужас? То, что видишь, проезжая через Бронкс в метро или на машине, — это руины улиц и человеческие руины» — так заканчивает статью Бенжамен Легран.

А сколько в Соединенных Штатах, так сказать, «мини-гетто»? Что мы имеем в виду под этим? Человек живет вроде бы в «нормальном» районе, но чувствует себя изгоем, заключенным в собственном доме, как в гетто или концлагере. Об одном из них поведала «В а ш и н г т о н п о с т».

Негритянская пара Ормистан и Гленда Спенсеры, поселившаяся в скромном «традиционно белом» поселке Роуздейл на юго-востоке Куинса (район Нью-Йорка), живет в постоянном страхе. Тяжелые шторы плотно закрывают окна весь день. Трое сыновей без напоминания крепко запирают двери на ночь, хотя у дома круглые сутки дежурят двое полицейских в форме.

Возвращаясь с работы, Спенсер каждый вечер озирается по сторонам, готовый броситься бежать при первом же признаке нападения. Он говорит, что пока добирается до дома, его нервы «натянуты, как шкура на барабане». По мнению супругов, они испытывают на себе такую расовую ненависть, которая существовала много лет назад на юге США.

— Мы здесь живем, как на войне, — заявил корреспонденту Ормистан.

Не успели Спенсеры купить дом, как в него бросили бутылку с горючей смесью. Пожар уничтожил мебель в двух комнатах. После этого Спенсеры получали по почте письма, полные ненависти

и угроз. Расисты организовывали демонстрации у них под окнами. В новогоднюю ночь к дому Спенсеров подбросили бомбу — взрыв причинил большой материальный ущерб. Потом нашли записку: «Черномазый, считай, что тебя предупредили». Подпись: ККК, т. е. ку-клукс-клан. Белый судья и присяжные оправдали двух подсудимых, обвинявшихся в этом преступлении. Их защищал адвокат, получивший известность тем, что добился оправдания белого полицейского, застрелившего в Куинсе очередного пасынка Америки, на сей раз — одиннадцатилетнего негритянского мальчика...

Пасынками Америки являются и ее коренные жители — индейцы. Около двух миллионов индейцев проживало на территории нынешних Соединенных Штатов к началу европейской колонизации. Ныне их вчетверо меньше, и они загнаны в резервации.

На вопрос о том, изменилась ли жизнь в резервации с тех пор, как четыре года назад смельчаки-индейцы заняли поселение Вундед-Ни в штате Южная Дакота, старожилы ответили корреспонденту «И н т е р н э ш н л г е р а л ь д т р и б ю н», что «разница составляет всего 20 миль». С тех пор, как в ходе продолжавшегося 71 день сражения с федеральной полицией был сожжен продовольственный магазин, им приходится ездить на 20 миль дальше за бакалейными товарами. Во всем остальном дела в резервации Пайн-Ридж обстоят как и раньше.

Нищета, безработица, недовольство деятельностью Бюро по делам индейцев — все то, против чего протестовали участники Движения американских индейцев, занявшие Вундед-Ни, по-прежнему беспокоит 11-тысячное население резервации. Проблемы все те же.

— Многие надеялись, что захват поселения произведет впечатление на конгресс и тот что-нибудь сделает для индейцев. Но этого не произошло. Вместо улучшения — новые тяготы, — сказал корреспонденту газеты один пожилой индеец, который просил не называть его имени.

«Правда, — не без иронии пишет «И н т е р н э ш н л г е р а л ь д т р и б ю н», Бюро по делам индейцев увеличило расходы на поддержание порядка». Полицейские силы в Вундед-Ни увеличились до 53 человек, ФБР держит 26 агентов в расположенном неподалеку от резервации Рэпид-сити. Газета приводит слова конгрессмена Джеймса Абднора, в избирательный округ которого входит резервация на юго-востоке Южной Дакоты:

— Условия существования индейцев остаются такими же, какими были до осады.

Джимми Дарем, индеец племени чероки, выступая в Женеве на Международной конференции в защиту прав коренного населения Америки, говорил:

— Соединенные Штаты нарушают главное право человека — право на жизнь. Мы лишены права на собственную культуру и язык, прав на образование, на труд, на осмысленную жизнь. Безработица среди индейцев составляет от 73 до 90 процентов, средний уровень образования — 5 классов, 70 процентов систематически недоедают...

Маргот Хорнблюэр из «В а ш и н г т о н п о с т» посетила резервацию для 135 тыс. индейцев племени навахо и подробно описала ее.

... У обочины шоссе, уходящего из Уиндоу-Рок, штат Аризона, в глубь крупнейшей индейской резервации США, стоит плакат с надписью: «Навахо живут в красоте. Не сорить!» Это как бы предупреждение о том, что «цивилизации» белого человека, вот уже 400 лет теснящей и меняющей традиционную жизнь индейцев, дальше Уиндоу-Рок вход запрещен.

Однако сами навахо не всегда уверены, где же проходит граница. Питер Макдоналд, председатель совета, который определяет жизнь населения резервации, говорит:

— Резервация напоминает иностранную колонию внутри страны.

Племя навахо рассчитывало на доходы, когда разрешило компаниям разрабатывать обширные запасы полезных ископаемых на своей территории: нефть, природный газ, уголь, уран... Сейчас

индейцы понимают, что их обманули: арендными договорами, которые позволили компаниям бесконтрольно вести добычу, финансовыми соглашениями, в которых нет ни слова о какой-либо их доле доходов, самой практикой компаний, не заботящихся вовсе о социальных нуждах резервации.

Для постороннего земля, где живут навахо, кажется пустынной. Можно милями ехать по шоссе и не встретить ни одного жилища. Однако для навахо резервация перенаселена. Треть индейских семей — скотоводы. Для содержания небольшой отары овец необходимы пастбища в сотни акров — настолько бесплодна эта земля.

Многие навахо до сих пор живут в «хоганах» — хижинах без окон, из бревен и глины. Спят на полу, укрываясь овечьими шкурами. Нет ни электричества, ни водопровода, ни канализации. Для заработка они плетут циновки, ткнут коврики, мастертят украшения из серебра и бирюзы. По последним данным американской комиссии гражданских прав, среднегодовой доход на душу населения в резервации вчетверо ниже, чем в целом по стране.

Напуганные событиями в Вундед-Ни, власти пытаются с помощью репрессий запугать индейцев. Показательна история расправы с активисткой Движения американских индейцев Анной Мэй Акуош.

... 24 февраля 1974 г. на территории резервации Пайн-Ридж было найдено тело молодой женщины. Хотя на голове погибшей зияла глубокая рана, официальное заключение гласило: «Смерть от холода и лишений». Настойчивые требования родных, друзей и индейских организаций вынудили власти пойти на повторное вскрытие тела. В результате установили, что Анна была убита выстрелом в затылок с близкого расстояния. Правительственный врач, проводивший первое вскрытие, цинично заметил: «Маленькую пулю нетрудно и проглядеть».

Анна Мэй Акуош — индианка из Нова Скотиа (Канада). Мать двоих детей, учительница, она активно участвовала в политической борьбе, в том

числе в марше на Вашингтон в марте 1972 г., а также в походе на Вундед-Ни в 1973 г.

В сентябре 1973 г. во время налета ФБР на лагерь одного из лидеров индейцев, Леонарда Кроу Дога, Анна была арестована. Налет был частью беспрецедентной кампании арестов и расистских преследований, предпринятой ФБР. У полицейских не было ордера на арест, но Акуош немедленно заковали в наручники. Во время допроса ей угрожали: «Будешь сотрудничать с нами — будешь жить, не будешь — умрешь».

Позже она была вновь арестована, после чего бесследно исчезла. ФБР объявило ее «скрывающейся от правосудия». В письмах к родным Акуош сообщала, что ФБР угрожало ее жизни. Таким образом, есть все основания думать, что она была убита в отместку за отказ сотрудничать с ФБР.

Со времени Вундед-Ни по меньшей мере 50 человек в резервации Пайн-Ридж погибли насильственной смертью. Племя оглала направило более 6 тыс. письменных жалоб на нарушение властями гражданских прав. Результаты равны нулю...

Бессчетное число «гарлемов» и резерваций разбросано по существу по всему капиталистическому миру. Возьмем, к примеру, Израиль, правящая верхушка которого, основываясь на расистских, шовинистических концепциях сионистской идеологии, проводит политику геноцида по отношению к арабскому населению страны и к гражданам еврейской национальности — выходцам из арабо-мусульманских стран, которые загнаны в гетто. Об одном из таких гетто поведал на страницах парижской «М о н д» специалист по проблемам Африки и Ближнего Востока Эрик Руло.

Квартал Хатиква, в центре Тель-Авива. Его обитатели — евреи, в большинстве своем выходцы из арабо-мусульманских стран, или, как их называют, сефарды. Их положение в израильском обществе резко отличается от положения их соотечественников, приехавших из западноевропейских стран и Америки, — ашкенази. По своему скромному заработку, плохим жилищным условиям, по тому месту, которое они занимают в экономике

и иерархической лестнице Израиля, сефарды в подавляющем большинстве принадлежат к наиболее обездоленным слоям населения, составляющим основу социальной пирамиды государства. Хатиква — один из многочисленных центров поселения восточных евреев, называемых «черными» и составляющих 60% населения страны. Мужчины здесь в основном работают мусорщиками, подсобными рабочими или занимаются мелким ремесленничеством. Женщины идут в продавщицы, санитарки, прислуги.

Небольшого роста, хрупкий Менаше Якубян, родившийся в Иране, грустно смотрит на иностранного журналиста и говорит:

— Мы можем позволить себе мясо лишь раз в неделю, половина зарплаты уходит на оплату электричества, на налоги и транспортные расходы.

Различия между двумя общинами — «черными» и «белыми» (западными) — распространяются на все области жизни. Средний доход выходцев из западных стран в 2 раза выше, чем у «черных». Дети сефардов составляют 62% учащихся начальных школ, однако эта цифра падает до 12% в университетах. И наконец, менее 10% «черных» имеют возможность окончить высшее учебное заведение. Финансовые трудности, грязные, скученные жилища, низкий культурный уровень в семье, нехватка школьного оборудования, неадекватный уровень преподавания в школах — такова действительность заселенных ими городских кварталов. Это неравенство не только сохраняется из года в год, но и из-за социальной поляризации все больше увеличивается. Стремительный рост инфляции, достигающий 40% в год, значительное увеличение налогов, всевозможные финансовые махинации сильных мира сего приводят к дальнейшему обогащению богатых и обнищанию обездоленных слоев.

— С меня хватит, — заявил журналисту «Монд» Менаше Якубян. — Я решил уехать отсюда. Жизнь в Хатиква меня не устраивает.

«Хатиква» — так называется и национальный израильский гимн, призывающий еврейский народ «вернуться на землю своих предков», — говорится

в заключении статьи.— Это слово обозначает «надежда».

Нужны ли комментарии? Думается, нет...

Повседневная действительность сионистского государства — это прежде всего попрание прав арабского населения Израиля. Арабам запрещено селиться на 90 % израильской территории, они практически лишены гражданских прав. Эта политика распространяется и на захваченные арабские земли, включая Западный берег реки Иордан и сектор Газа, где оккупанты прибегают к самым изощренным методам колонизации — от изгнания арабов с родных мест и присвоения их земельных наделов до массового террора и физического уничтожения. Словом, действуют по гитлеровским рецептам.

«Кажется страшной иронией тот факт, что именно жертвы оголтелого нацистского расизма сами превратились в отъявленных расистов», — пишет западногерманский журнал «Ш т е р н». Он называет некоторые из средств подавления, к которым прибегает Израиль в попытке превратить живущих на его территории арабов в бессловесных рабов.

Израильтяне ввели законы, которые позволяют им конфисковывать земли «отсутствующих» арабских земледельцев. Подобное «отсутствие», указывает «Ш т е р н», достигается в каждом отдельном случае путем высылки из страны главы семьи. Для конфискации крупных участков земли израильтяне прибегают к помощи чрезвычайного закона № 125: соответствующий район объявляется запретной военной зоной, население деревень подвергается насильственной эвакуации. По истечении определенного срока поля и луга деревни конфискуются как собственность «отсутствующих».

«Израильтяне выделили города, в которых арабам запрещается жить или открывать магазины, — продолжает западногерманский журнал.— В репрессивный арсенал израильтян входят и коллективные наказания, например, разрушение домов арабов, подозреваемых в терроризме. Один депутат кнессета как-то спросил: «Действительно ли министерство обороны действует в подобных

случаях по принципу коллективной ответственности всей семьи за поступки одного из ее членов?» Бывший министр обороны Моше Даян (ныне министр иностранных дел.— *Авт.*) ответил коротко и ясно: «Да». Итак, коллективные наказания в Израиле существуют...»

«Генеральная Ассамблея ООН осудила израильские порядки, приняв резолюцию, в которой говорится, что «сионизм является одной из форм расизма и расовой дискриминации», — напоминает «Штерн». Но Комиссии ООН по правам человека постоянно приходится заниматься вопросом о преследованиях арабов в Израиле...

Иногда у гетто нет четких географических координат, и тем не менее живущие в них люди чувствуют себя чуть ли не прокаженными. Проблеме чернокожих и цветных граждан Великобритании и Канады посвящен ряд статей в издающемся в Вашингтоне журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рпорт».

Среди чернокожих и цветных британцев нарастают гнев и брожение, констатируется в одной из них. Прежде всего они недовольны тем, что цвет их кожи, особенно во времена экономического спада, мешает им получить работу в стране, которая издавна называла себя с гордостью «страной равных возможностей».

В Лондоне, Бирмингеме, Манчестере и Лидсе сконцентрировано большинство из полутора миллионов черных и цветных, живущих в Англии. Лишь немногие из них работают в банках, страховых компаниях, газетах или административных учреждениях. В полиции Лондона, насчитывающей 21 тыс. человек, служат 40 цветных. Их нет среди 635 депутатов палаты общин. Мастера на заводах — исключительно белые, даже на тех предприятиях, где на каждые десять рабочих приходится один белый. Безработица среди чернокожих и цветных британцев за последнюю пару лет возросла на 156 % (в целом по стране — на 65 %). Жилищные условия — тоже причина для недовольства. Семьи цветных часто загоняют в дома, куда белые англичане, даже самые бедные, не селятся.

Заметное изменение состава иммигрантов, отмечает «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», превращает и Канаду в арену расовых столкновений. Белые жители английского или французского происхождения составляют подавляющее большинство 23-миллионного населения Канады. Небелых канадцев насчитывается менее одного миллиона, т. е. около 5%. Однако постоянный приток небелых иммигрантов приводит к росту числа столкновений и расистских выходок, которые особенно часто происходят в крупных городах. В некоторых кварталах появились надписи «Сохраните Канаду белой».

По словам представителей правительства, больше половины небелых иммигрантов живут в Торонто, Монреале и Ванкувере, где враждебное отношение к ним проявляется с особой силой. Тихоокеанский порт Ванкувер, где обосновались тысячи иммигрантов из Индии, стал ареной настоящих кулачных боев. По ночам в домах иммигрантов бьют окна и обливают стены краской. В других городах члены расистских организаций нападают на негров и громят жилища. Подобные проявления расовой нетерпимости поколебали уверенность многих канадцев в том, что их страна не заражена расистскими предрассудками.

Исследования, проведенные правительственными и общественными организациями, подтвердили существование многочисленных расовых предрассудков в Торонто и других городах, где сконцентрировано иммигрантское население. Так, выяснилось, что 27 из 30 компаний по торговле недвижимостью в провинции Онтарио продавали дома только белым, а 11 из 15 агентств по трудоустройству старались не принимать заявлений от небелых. Многие иммигранты, которые ищут работу, жалуются на то, что выражение «с опытом работы в Канаде», часто используемое в объявлениях по трудоустройству, на практике означает «только для белых». Доклад федерального правительства о расовых взаимоотношениях в школах показал, что две трети опрошенных белых учащихся считают иммигрантов, особенно пакистанцев и выходцев из

идеологи, наживается на нещадной эксплуатации миллионов людей, вынужденных в поисках заработка покинуть родину. Им недоплачивают, селят в непригодных для жилья лачугах, лишают элементарного социального обеспечения. Теперь, когда «европейское чудо», созданное на горбе иностранных рабочих, сменилось острым кризисом, их первыми вышвыривают за ворота закрывающихся предприятий.

Как отмечает Габриэль Венчки в гамбургской газете «Ц а й т», в течение многих лет они всех устраивали, выполняя самую грязную работу и принося хозяевам большие прибыли. Послевоенный экономический бум стал причиной настоящего переселения народов. Только за 15 лет в массовой иммиграции в развитые страны Европейского экономического сообщества участвовало около 30 млн. человек, как европейцев, так и выходцев из стран Северной Африки. Сегодня в странах Общего рынка работает примерно 12—15 млн. человек.

Большинство из них живет в ФРГ (2,3 млн., не считая членов семей). Немного меньше во Франции — 1,9 и в Англии — 1,0 млн.

Атмосфера недоброжелательности окружает иностранных рабочих в гетто для иммигрантов в восточных районах Лондона, в алжирских трущобах Парижа, в разваливающихся бараках для турок в ФРГ. Тем не менее их терпели. Терпели до тех пор, пока они были нужны. Отношение к иностранным рабочим резко ухудшилось после 1973 г. Нет, они не стали менее нужными. Но в годы спада, когда никто не может быть спокоен за свое рабочее место, как правило, увеличивается давление на правительство с требованием «предпринять что-нибудь против этих иностранцев»...

О положении иностранных рабочих во Франции дает представление репортаж Ивон ле Вайн в «Н у в е л ь о б с е р в а т е р».

...Ему было 43 года. Он работал в гостиницах, главным образом в Савойе, жил в этом краю уже около 20 лет. В 1962 г. он стал уполномоченным землячества алжирцев. Теперь его нет в живых. 7 октября 1975 г. в 4 часа утра его труп выловили

в озере Аннеси около моста Любви. Кто же убил Азиза Сисбана? Врач констатировал, что на трупе не было никаких следов насилия. Полицейские власти пришли к выводу, что это было самоубийство или несчастный случай. Так над делом Азиза Сисбана был опущен занавес.

Несколько дней спустя в городок, где жил Сисбан, приехал Азиз Мохаммед, племянник Сисбана. Во время бесед с людьми, причастными к судьбе дяди, у него начинают появляться вопросы. Почему не было произведено вскрытие? Так ли действовали бы власти, если бы обнаружили труп француза? Почему в досье фигурирует только один документ — медицинское заключение? Почему не был опрошен ни один из арабов и европейцев — товарищей погибшего?

В морге Мохаммед замечает на теле дяди многочисленные синяки и следы ударов и требует вскрытия. Он уведомляет об этом консульство, посольство и прокурора. Вызывают другого врача, чтобы тот дал новое заключение о смерти. Служащий похоронного бюро, присутствующий при осмотре трупа, признает, что видны следы ударов. Мало-помалу в голову Азиза Мохаммеда закрадывается мысль: Азиза Сисбана убили.

Однажды ночью Азиз Мохаммед, возвращаясь в гостиницу, обнаруживает, что за ним следят. Он поднимается на четвертый этаж, замечает какие-то тени, спускается вниз и выходит на улицу, затем, охваченный паникой, бежит вверх по лестнице, стучит в дверь на третьем этаже и зовет на помощь, поднимается вновь на четвертый этаж, снова замечает силуэты... Его окружили, избили, видимо, оглушили сильным ударом по голове и выкинули в окно. Очнулся он на стеклянной крыше, которая задержала его падение.

Кто же убил Азиза Сисбана? И кто пытался убить Азиза Мохаммеда после того, как он начал подозревать, что его дядя не утонул?

Полиция пыталась представить дело таким образом, будто и в отношении Азиза Мохаммеда речь идет о несчастном случае, может быть, о нервной депрессии, о попытке к самоубийству, даже о не-

ловком движении пьяного человека, который «выпал из окна».

Журналистка посетила Мохаммеда в больнице, и тот заявил ей:

— Какая глупость эта болтовня о моей попытке совершить самоубийство! Мне тридцать три года. У меня хорошее положение в Алжире, семья, с которой я счастлив. Если бы я вздумал покончить с собой, то сначала уладил бы кое-какие дела на этом свете. Например, прикончил бы нескольких известных в этом районе расистов.

Что касается обстоятельств смерти его дяди, у Мохаммеда вполне категорическое мнение: «Это — преступление, совершенное расистами»...

Когда приезжаешь в Верхнюю Савойю, сначала кажется, что здесь нет никакого расизма. Скажем точнее: он не бросается в глаза. Только когда начинаешь наблюдать, слушать, что говорят вокруг, замечаешь, что действительность отличается от того, что видно на поверхности. Ивон ле Вайн подкрепляет свой вывод примерами. И об этом повествует «Н у в е л ь о б с е р в а т е р».

...В Бонвиле жила семья тунисцев, в которой было шестеро детей. Младшего, трехлетнего мальчика, сбила машина на пешеходной дорожке. Шофер положил труп мальчика на тротуар, поодаль от перехода, а сам спрятался в соседнем доме. Прибывшие часом позже жандармы отказались выслушать свидетелей под тем предлогом, что те не говорят по-французски, хотя это была неправда.

...В Шедде один марокканец поспорил с владельцем гаража, который ремонтировал его автомашину. У марокканца не было при себе нужной суммы, но он обещал сразу же принести деньги. Хозяин в присутствии стоявших у ограды мужчин вытащил ружье. Марокканца связали и отобрали у него все документы. Жандармы увезли его и выпустили на дороге в Кюз, припугнув, что, если он немедленно не заплатит, хозяин гаража его убьет.

Такие истории можно услышать на каждом шагу. Но что самое страшное — это повседневный, обыкновенный расизм.

...Сионзье. 6 тыс. жителей. 3 тыс. иностранных

рабочих. Вечером городок затихает и мирно засыпает у телевизоров. Выйдя на улицу, замечаешь свет, сочащийся из-под дверей погребов, конюшен, хлевов. Говоришь себе: «Ого, даже у домашней скотины есть и свет и музыка!» Однако, когда откроешь дверь, останавливаешься пораженный: оказывается, что здесь живут не коровы, а люди. Это новый рабочий скот. Здесь арабам сдается внаем все: погреба, заброшенные фермы, всевозможные закутки.

...Крутая, узкая, скользкая лестница, ведущая на второй этаж фермы. В тесном помещении — пять кроватей, обшарпанные стены. Комнату обогревает печь с зигзагообразной длинной трубой. Щели закрыты картоном. Под потолком протянуты веревки, на которых развешивают одежду. Еще три года назад лачугу объявили непригодной для жилья и обреченной на слом.

Корреспондент «Н у в е л ь о б с е р в а т е р» идет в мэрию. Там «разъясняют», что в таком туристическом районе, как Савойя, «нельзя допускать, чтобы арабы были слишком на виду». Они, видите ли, «портят» идиллический пейзаж...

Не лучшее, если не хуже, положение рабов XX в. в Федеративной Республике Германии. Об одном из них рассказывается в западногерманской газете «З ю д д о й ч е ц а й т у н г».

...Когда 15-летний Панаётис С. вместе с дядей отправился из Греции в ФРГ, где уже около 10 лет работали его родители, подростку казалось, что он стоит на пороге лучшей жизни. Панаётис мечтал поступить в профессиональное училище и стать литейщиком. Поначалу все шло, как он задумал. Несмотря на языковые трудности, с которыми он столкнулся на чужбине, Панаётис сумел окончить училище и овладеть любимой профессией. Но именно тогда и начались его злоключения. На бирже труда Панаётису сказали, что ни одно предприятие ФРГ не примет его на работу. «Почему?» — спросил юноша в недоумении, но не получил разъяснений.

Перед Панаётисом встал вопрос: как быть дальше? Друзья посоветовали ему устроиться на работу

нелегально, в обход биржи труда, и обещали подыскать «надежное» место. Семья Панаётиса остро нуждалась в деньгах. Кроме того, юноша хотел доказать родителям, что он не лентяй. Поэтому в конце концов он поступил так, как подсказывали друзья. Теперь Панаётис ежедневно с 6 до 15 часов занимается упаковкой газет в одном из мюнхенских издательств. С мечтой о работе литейщика пришлось распрощаться.

— Когда я пришел в издательство, — рассказывает юноша, — у меня не потребовали никаких документов. Никто не спросил даже, как моя фамилия.

Вначале Панаётис обрадовался, но очень скоро понял, что попал в полную зависимость от предпринимателя. Юноша получает гораздо меньше, чем его коллеги. Кроме того, если хозяин захочет избавиться от Панаётиса, юноша не сможет опротестовать решение об увольнении. Не случайно в его лексиконе нет таких слов, как «планировать» или «будущее».

Панаётис С. — представитель так называемого «второго поколения» иностранных рабочих. Приезжая в ФРГ, они убеждаются, что здесь им уготована еще более горькая участь, чем отцам и матерям.

Гамбургский еженедельник «Штерн» один из своих материалов тоже посвятил положению детей иностранных рабочих.

...Она выглядит, как тысячи других девятилетних девочек Западного Берлина: светлая кожа, опрятное платьице, глаза и волосы не слишком темные. Подобно своим сверстникам, она говорит на местном диалекте. Однако есть два обстоятельства, которые ставят Алие Фиджиджи, так зовут эту девочку, «вне игры»: ее имя и небольшой след от прививки против оспы на правой руке ниже локтя. Местным детям такую прививку делают выше локтя. Почему это так, Алие не знает. Но то, что это именно так, имеет для нее вполне определенные последствия.

— Другие дети, — сказала девочка корреспонденту, приехавшему из ФРГ, — могут по царапине от прививки узнать, что я из Турции.

А узнав об этом, некоторые из них станут таскать ее за волосы или кричать вслед: «Турецкая морда!»

Алие родилась в 1966 г. в Турции, а с 1970 г. живет в западноберлинском районе Тиргартен. Она очень страдает, и не столько потому, что постоянно задевают ее национальные чувства. Она хотела бы, чтобы ее признали равной. Алие делала все, что может сделать ребенок, желающий добиться хорошего отношения со стороны других. Она упросила родителей позволить ей отпраздновать день своего рождения так, как это принято в Западном Берлине, и пригласила одноклассниц. Но девочки не пришли. Свои домашние задания Алие всегда выполняет очень старательно, но ей не ставят оценок, как другим детям. Учительница считает, что знания Алие вообще не заслуживают никакой оценки.

Братьям Алие (а их четверо) несколько легче: они умеют постоять за себя. Там, где Алие молчит, они дают сдачи. «Правда, в школе мальчиков,— пишет «Ш т е р н»,— неохотно «перетаскивают» из класса в класс».

Дети иностранных рабочих... Пятеро из множества турецких, греческих, испанских, итальянских, португальских, марокканских, тунисских ребят, живущих в Западном Берлине. Не все они испытывают то, что угнетает Алие и ее братьев, но все рано или поздно узнают, что они «другие», что они дети людей, «убирающих нечистоты»...

Примеры, примеры... Их можно приводить до бесконечности, ибо, хотя рабовладение и отменено по закону, в странах, где правит капитал, миллионы людей низведены до положения бесправных рабов. Уточним: рабов XX века. В отличие от рабов Древнего Рима, их не отдают на заклятие гладиаторам. Но разве от этого их жизнь легче? И разве это жизнь?..

«Свобода отмирает сантиметр за сантиметром»

Эта английская пословица, на наш взгляд, довольно точно характеризует обстановку в странах, где правит капитал. В самом деле, гетто и резервации в США, изощренные пытки в застенках Израиля, «охота на ведьм» в ФРГ, о которой мы уже рассказывали, выстрелы британской солдатки на улицах городов Северной Ирландии, взрывы поездов и автомашин с людьми в Италии, политические убийства в ЮАР — все это порождено капиталистическим строем. О его пренебрежении человеческим достоинством и самой жизнью пойдет речь в этой главе. Мы включили в нее рассказ и о странах, где власть узурпировали диктаторские хунты или диктаторы-одиночки и где свободу военщина давно уже распяла в казармах. А ведь эти режимы — тоже уродливый плод капитализма. И, если вдуматься, «благовоспитанные» лидеры «представительных демократий» не столь уж далеко ушли от правителей Чили или Гаити. Хотя бы потому, что многие из них весьма усердно берут диктаторов под защиту.

Мы начнем рассказ с Чили, военно-фашистские правители которой пришли к власти в 1973 г. — ныне это общеизвестно — с прямого благословения Вашингтона. Об этой стране, превращенной в гигантский концлагерь, можно было бы рассказывать бесконечно. Мы ограничимся тем, что приведем выдержки из доклада специальной рабочей группы Комиссии ООН по правам человека. Итак, перед вами документ.

После государственного переворота 11 сентября 1973 г. власть в Чили узурпировала реакционная военщина. Она контролирует все гражданские институты, печать, радио, телевидение. Повсюду свирепствует Национальное разведывательное управление (созданное по образу и подобию гитле-

ровского гестапо.— *Авт.*), которое подотчетно только главарю хунты Пиночету и которому дано право без ордера на арест держать людей в заточении. Для формального оправдания попрания прав человека правители Чили сохраняют осадное положение.

Хунта взяла в свои руки законодательную, исполнительную и судебную власть, распустила национальный конгресс, заявила о своем «праве» изменять законы и конституцию республики. В стране запрещены политические партии и демократические организации. Все стороны жизни чилийцев регулируются военными властями. Уголовный кодекс изменен таким образом, что практически ликвидирован принцип презумпции невиновности.

Далее в докладе говорится, что информация, собранная группой, свидетельствует о том, что репрессивные органы хунты до сих пор не прекращают массовые аресты, начатые в день переворота. Они хватают людей дома, на работе, в учебных заведениях, на улицах. Согласно некоторым полученным группой данным, только за первые три года арестам на период от нескольких часов до двенадцати месяцев и более подверглись более 200 тыс. чилийцев. Между тем суд состоялся лишь над 2 тыс. арестованных, которым было отказано даже в праве на защиту. Часть ни в чем не повинных людей просидела в тюрьмах и концлагерях по целому году, но потом за отсутствием каких-либо улик была освобождена.

Группа располагает сведениями о том, что вопреки неоднократным заявлениям чилийских военных властей в стране повсеместно продолжают жестокие пытки, бесчеловечное, унижающее человеческое достоинство обращение с арестованными.

Места пыток и заключения: «Каса Гримальди», лагеря «Трес Аламос», «Куатро Аламос», «Мелинка», военно-воздушная академия, лагерь «Нуэва Аурора де Чиле», «Канал Бахо» (близ города Осорно), казармы пехотного полка в Сан-Бернардо, казармы пехотного полка в Буине, дом № 1315 по улице Хосе Доминго Каньяс (район Сантьяго),

военный госпиталь в Лос-Леонес (Сантьяго), кавалерийская школа близ Вальпараисо, тюрьма в Вальпараисо, тюрьма в Консепсьоне, подземная стоянка автомашин полицейского участка на площади Конститусьон в Сантьяго и многие другие. Существует застенок под названием «Дом секса». В подвале этого роскошного, с мраморными лестницами здания пытаются электрическим током, а на втором этаже насилуют заключенных женщин. В этом доме круглые сутки гремит музыка, заглушающая стоны жертв фашистского разгула.

По сведениям, полученным группой, чаще всего применяются следующие виды пыток:

— Закапывание в песок (при этом на поверхности под палящим солнцем остается лишь голова жертвы).

— Жертву помещают в бочку, которую ставят на вершину наклонной плоскости и сталкивают вниз.

— «Телефон» (два палача одновременно наносят удар по обоим ушам допрашиваемого).

— Многократное сбрасывание жертвы на землю с трехметровой высоты.

— Руки и ноги узника тянут в разные стороны. Были случаи, когда при этом рот арестованного набивали солью.

— Заковав в наручники, пытаемого бросают в колодец, затем вытаскивают (эта «операция» повторяется много раз).

— «Лора» — металлическая кровать, на которой жертву пытаются электрическим током.

— Использование наркотиков (для достижения различных целей).

— Наезд на заключенного автомобилем (сначала наезжают на его ступни, затем на ноги, наконец, на все тело. В результате телесных повреждений чаще всего наступает смерть).

— Бритвой наносят порезы по всему телу.

— Электрическим током раздражают открытые раны.

Кроме того, применяется так называемый «сухой душ» (заключенного помещают в нейлоновый мешок и держат там до тех пор, пока он не начинает

задышаться. От этой пытки погибло множество людей).

Группа получила также информацию о том, что при пытках женщин используют собак для надругательства над жертвами.

Доклад содержит свидетельства 27 жертв пыток. (Имена жертв иной раз не названы во избежание репрессий против их родных и близких, живущих в Чили. Недостаток места вынуждает нас ограничиться лишь некоторыми показаниями.— *Авт.*)

...Молодую девушку держали в камере 30 дней. При допросах раздевали донага, бросали на пол, избивали. Так продолжалось до тех пор, пока она теряла силы и не могла подняться с пола. Тогда ее обливали холодной водой и вновь избивали, угрожая при этом расстрелом. Затем отводили в камеру. На другой день все повторялось плюс пытка электротоком. Заряды пропускали через грудь, руки, ноги, половые органы.

...Студенческий лидер, который провел в тюрьмах 14 месяцев, был выпущен на свободу, но вскоре опять арестован у себя дома. При аресте его избили на глазах у семьи. Во время допросов били прикладами, заставляли часами стоять на коленях, положив руки на затылок. Его раздевали, помещали в мокрый мешок, волочили по полу. Неоднократно от терял сознание от побоев, которые продолжались и тогда, когда, обессиленный, он падал на пол. К его вискам, груди, половым органам, ушам, ступням, запястьям рук палачи прикрепляли электроды и, увеличивая напряжение, пропускали заряды. Кроме того, жертву подвешивали над котлом, наполненным водой, и неоднократно погружали в него. В своем изуверстве палачи доходили до того, что заключенного помещали в пустой котел, завинчивали крышку и сталкивали вниз по склону холма. После этого к телу вновь прикрепляли электроды. Но на этом пытки не кончались. Жертву подвешивали на крюк и надолго оставляли в таком положении.

...Незамужняя студентка заявила, что она была схвачена дома в три часа ночи четвергья вооруженными людьми в штатском. При аресте ей завя-

зали глаза, сорвали одежду, обыскали, затем увезли. В заключении ее продержали два месяца. Сразу же после ареста начались допросы. Ее пытали электрическим током свыше десятка раз. Электроды прикрепляли к груди и половым органам. Пытка током обычно продолжалась около четырех часов. Много раз жертву насиловали.

...Одна домохозяйка заявила, что ее арестовали в период беременности. В результате пыток у нее произошел выкидыш. Первые четыре месяца она провела в подвале с завязанными глазами. А всего ее держали без суда и следствия, без предъявления обвинений девять месяцев. В течение двух месяцев арестованная находилась в камере, где день и ночь горел свет, постоянно звучала музыка. За это время ее лишь пару раз не надолго выводили на свежий воздух.

...Молодая женщина была арестована на улице в Сантьяго в сентябре 1975 г., доставлена в «Каса Гримальди» и подвергнута жесточайшим пыткам. Ее зверски избили, изрезали грудь, привязав к железной кровати, пытали электрическим током. Садисты привезли на место пыток мать девушки и в ее присутствии продолжали издеваться над несчастной. До сих пор девушка находится в застенке.

...Английский врач Шейла Кэссиди подверглась в Чили изуверским пыткам. Кроме того, она рассказала о том, что узнала от заключенных в концлагере «Трес Аламос».

— Я, — говорит Кэссиди, — провела вместе с арестованными пять недель и довольно близко познакомилась с ними. Они рассказывали обо всем, явно ничего не преувеличивая. Многие из этих рассказов полностью совпадали. Думаю, что из 120 женщин, которые были вместе со мной, 90 % пытали электрическим током, как и меня. Такая пытка, как и избиения, стала обычной. Женщины рассказывали, что им завязывали глаза, раздевали, били кулаками. Чаще всего — по нижней части живота, а также в область печени. Мне рассказывали, что другой, особенно часто применяемый метод пыток, — подвешивание за запястья рук, либо к дереву, либо к крюку, вмонтирован-

ному в потолок. Многие рассказывали о собаке, обученной насилловать женщин. Эту информацию я считаю достоверной.

По словам Шейлы Кэссиди, один из распространенных методов пыток — заключение арестованных в здание под названием «Башня». Это действительно старая водонапорная башня. В ней сооружены деревянные клетки, в которых жертва может либо стоять, либо сидеть на корточках. Загоняют в такую клетку через дыру. Выходить оттуда разрешалось только два раза в сутки. Одна женщина рассказала, что пробыла в этой тюрьме около трех месяцев. Ее неоднократно избивали, причем сломали ребра, пытали электрическим током.

Из дома пыток и допросов, где заключенных держат от двух дней до трех недель, их переводят в «Куатро Аламос». Там они находятся от недели до трех месяцев. Если палачи приходят к выводу, что от арестованных еще можно получить какую-либо информацию, их возвращают в дом пыток и продолжают «допросы». Многие умирают под пытками от сердечного приступа.

— Я гражданин ФРГ. Теологическое образование получил в Западной Германии, — заявил группе Комиссии ООН по правам человека епископ Гельмут Френц, бывший пастор одного из чилийских приходов, а затем епископ лютеранской церкви. — Я стал свидетелем серьезных нарушений прав человека в Чили после переворота. Это аресты и обыски без ордера, пытки, грубые допросы, зверское обращение с арестованными, изнасилования и т. д. Все это совершалось и за пределами тюрем и концлагерей — в домах граждан при их арестах, в присутствии детей. Я видел людей, у которых переломаны кости.

Вместе с другим епископом я четыре раза беседовал с Пиночетом, — сказал далее Гельмут Френц. — Мы предъявляли обширную и точную документацию, подтверждающую пытки и исчезновения задержанных. Пиночет ответил: «Конечно, нам приходится пытать членов МИР (организация «Левое революционное движение». — *Авт.*), поскольку без пыток они ничего не скажут... Вы очень

наивные пасторы, но вам следует знать, что национальная безопасность превышает прав человека».

Национальное разведывательное управление превратилось в неконтролируемую силу, в орган преследований. Его агенты задерживают людей, как правило, во время комендантского часа. Они приходят в дома своих жертв, не предъявляя ни-

Пиночет: — Свобода, дорогой герр Штраус, это не только ваш, но и мой лозунг

каких документов. Поэтому установить, что это за люди, невозможно. На их машинах нет номеров. Они арестовывают мужчину или женщину и уезжают. Родственники не имеют никакой возможности вмешаться, поскольку все происходит ночью, во время комендантского часа, когда нельзя выходить на улицу до утра. На вопросы по поводу ареста того или иного лица не отвечает ни одно официальное учреждение. Мы разговаривали с председателем Верховного суда, — продолжал епископ. — В частной беседе он сказал нам: «Что мы можем сделать? Ведь мы живем в условиях диктатуры».

По имеющимся у группы сведениям, заключен-

ных заставляют подписывать чистый лист бумаги, который затем заполняется палачами и используется против арестованных. Тех, кого уже пытали или судили в военном трибунале, вынуждают ставить подпись под заранее отпечатанными заявлениями, в которых говорится, что они «не подвергались плохому обращению в тюрьме».

Перед тем, как отпустить заключенных на свободу, им угрожают смертью, новым арестом или пытками их детей, если они расскажут, как с ними обращались во время пребывания в тюрьме или концлагере.

Тюремные власти содержат узников в невероятно тяжелых условиях, в страшной тесноте. Их морят голодом, лишив прогулок, связей с внешним миром, родственниками, адвокатами. Почти всех заключенных размещают таким образом, чтобы всю ночь они слышали крики тех, кого подвергают пыткам. В ряде случаев арестованных месяцами держат в абсолютно темных помещениях, не выпуская на свежий воздух.

Группа располагает многочисленными доказательствами использования хунтой хорошо обученных профессиональных палачей, оплачиваемых Национальным разведывательным управлением и другими репрессивными органами (в докладе приводятся имена некоторых из них. — *Авт.*). Эти люди виновны в убийствах, изнасилованиях, преднамеренных пытках, в бесчеловечном, унижающем достоинство обращении с людьми.

Подводя итоги пребывания у власти генералов-предателей, специальная группа рабочей Комиссии ООН по правам человека заявляет: «Пытки стали повседневным явлением в стране, правители которой действуют хуже, чем завоеватели вражеской территории. Они полностью попрали общепризнанные нормы гуманного отношения к людям, зафиксированные в международных конвенциях».

Хуже, чем завоеватели вражеских территорий... О том, как действуют в собственной стране и на оккупированных территориях завоеватели, мы расскажем на примере Израиля, которому США оказывают неизменное покровительство. Предостав-

ляем слово Себастьяну Кнауэру и Перри Кретцу, корреспондентам западногерманского журнала «Штерн».

...Накануне празднования годовщины образования Израиля в 1977 г. армейские подразделения были брошены для проведения молниеносной «операции» на собственной территории. Опираясь на закон о чрезвычайном положении, действующий еще со времени английского мандата на Палестину и до образования государства Израиль (и применявшийся тогда против еврейских террористов), израильские солдаты подвергают превентивному аресту сотни подозрительных лиц.

Заключенные в городских тюрьмах Рамлы, Наблуса, Рамаллаха и Ашкелона вынуждены были еще больше «потесниться». Начальник управления тюрем Израиля генерал Хаим Леви в беседе с корреспондентами журнала «Штерн» признал, что в 13 тюрьмах содержатся в общей сложности 3200 политических заключенных; правда, генерал возражает против выражения «политические заключенные», он говорит об «арестованных по соображениям безопасности». Организация освобождения Палестины считает, что число политических заключенных составляет минимум 6 тыс. человек.

В тюрьме Рамлы, посетить которую было разрешено корреспондентам журнала «Штерн», в камере, рассчитанной на 30 человек, размещено 80 заключенных. К тому же, несмотря на удушливую жару, заключенные в большинстве тюрем вынуждены проводить в этих дырах по 23 часа в сутки. Международный Красный Крест и ООН безуспешно протестовали против того, что на каждого заключенного отведено в среднем полтора квадратных метра площади.

На страницах парижского журнала «Курье де политик этранжер» Фелиция Лангер, известный израильский юрист и общественная деятельница, поведала историю одного из своих подзащитных, с которым встретила в тюрьме Кфар-Иона. Его зовут Антон Калс, он из арабской части Иерусалима, по профессии печатник, ему 40 лет, имеет четверых детей.

... Они арестовали его около четырех часов пополудни. Привезли в незнакомое место, завязали глаза, бросили на землю. Внезапно он почувствовал резкую боль в области живота — у него язва желудка. Услышав стоны, один из охранников спросил, что с ним. Антон сказал о болезни и... получил удар ногой в живот. На какой-то миг потерял сознание.

Когда с глаз сняли повязку, он увидел перед собой следователя и пожаловался на нанесенный удар. Тот сделал удивленное лицо и бросил: «Это невозможно! Мы не избиваем людей здесь... Это твое воспаленное воображение!»

Антон замолчал в надежде, что на этом все кончится. Ничего противозаконного он не совершал, все эти годы работал, чтобы вырастить детей, держась в стороне от всего и всех. У них был дом в Катамоне. Отец строил его всю свою жизнь. В 1948 г. они вынуждены были покинуть его... Последние годы жил с семьей в Бен-Ханина.

Все это он рассказал человеку, который допрашивал его и записывал показания. Когда Антон Калс закончил, тот резким движением разорвал бумагу и сказал: «Ты принадлежишь к нелегальной организации, враждебной правительству. Признавайся!»

Антон решительно заявил, что никогда не принадлежал к какой-либо организации. Но допрашивающий продолжал настаивать, уверяя, что один из заключенных показал, будто завербовал Антона. На требование провести очную ставку тюремщик ответил, что вовсе не обязан делать это.

— Я подумал,— говорил Антон Калс адвокату,— о несчастном, которого вынудили дать ложные показания, о полученном ударе ногой... и негромко проговорил: «Этим людям, что арестовали меня и бросили в тюрьму, наплевать на законность и справедливость». И тотчас получил сильный удар по голове. После меня заставили раздеться и били прутом по половым органам. Полицейский с издевкой приговаривал: «И этот тип хочет освободить Палестину!»

Позднее пришел тот самый полицейский, ко-

торый разорвал его показания. Антон пожаловался, что его снова избили. Полицейский приказал замолчать и утверждал, будто Антон принадлежит к запрещенной организации «Борьба народов». Он процедил сквозь зубы: «Лучше признайся, иначе хлебнешь горя. Притащим сюда твою жену и при тебе будем делать с ней, что нам вздумается». Антон Калс не сомневался, что так и будет: они способны на все. Тогда он признал свою «принадлежность» к организации и подписал показания...

Империалистическая пропаганда, лицемерно старающаяся выставить себя в роли «блюстителя прав человека», старательно замалчивает вопиющие факты глумления над человеческой личностью, факты зверских пыток и издевательств, которым подвергаются арабы, живущие как в самом Израиле, так и на оккупированных им территориях. Английская газета «С а н д и т а й м с», осмелившаяся опубликовать собранные группой ее специальных корреспондентов материалы об ужасах, творящихся в застенках сионистской охраны, подвергались яростным атакам «опровергателей», прежде всего в лице посольства Израиля в Лондоне и тель-авивского лобби в Англии. Вот о чем поведала «С а н д и т а й м с».

... Ранним утром 24 февраля 1977 г. на мосту Алленби, между оккупированным Израилем Западным берегом Иордана и восточным берегом этой реки состоялась передача заключенного. Израильский военный «джип» выехал на середину моста и остановился. Из него вышло несколько солдат, а также представитель Международного Красного Креста в Иерусалиме швейцарец Бернард Мюнгер. Вместе с солдатами он помог какому-то человеку вылезти из «джипа» и уложил его на носилки. Это был Омар Абдель Карим, палестинец, плотник из деревни Бейт-Сахур, расположенной в предместьях Вифлеема. В свои 35 лет он выглядел стариком.

На иорданской стороне моста Абдель Карима ожидало несколько человек. Там находились его брат и офицер связи иорданской армии, а также Жан Курвуазье, глава представительства Международного Красного Креста в столице Иордании.

Курвуазье и Мюнгер подняли носилки и понесли их к карете скорой помощи. Когда иорданский офицер спросил Абдель Карима, как его зовут, тот только пошевелил губами. Своего брата он не узнал. Позже Курвуазье говорил друзьям: «Я думал, что он скоро умрет».

Но, будучи доставленным в госпиталь, Абдель Карим выжил. В истории болезни после первого осмотра было отмечено, что он жаловался на боли в груди и с трудом дышал. Его мучили сильные головные боли и головокружения, боли в суставах, особенно в коленях. Рентгеноскопия груди показала, что у него в нескольких местах сломаны ребра.

Абдель Карим был арестован израильской службой безопасности за четыре месяца до описываемых событий по обвинению в принадлежности к феодалам — палестинским партизанам — и подвергнут пыткам.

О деле Абдель Карима корреспонденты «С а н д и т а й м с» узнали, когда он еще был в израильской тюрьме. До его освобождения они успели побеседовать с его женой, адвокатом и старостой деревни. В течение пяти месяцев они изучали данные о пытках, производимых в Израиле над заключенными арабами.

«Сообщения о пытках систематически появляются уже почти десять лет, с первых недель оккупации Израилем Западного берега Иордана и сектора Газы,— пишет группа специальных корреспондентов «С а н д и т а й м с».— Поэтому мы и работали на Западном берегу Иордана и в районе Газы: выслушивали заявления, изучали сообщенные нам версии и, если была необходимость, перепроверяли их в соседних арабских государствах. Мы опросили 49 палестинцев, которые были арестованы израильской службой безопасности; 44 из них заявили, что подвергались пыткам. В результате мы пришли к следующим выводам:

1. Израильская служба безопасности и разведка плохо обращаются с заключенными арабами.

2. В некоторых случаях это плохое обращение с заключенными примитивно по своему характеру: например, длительные побои. Но используется и

более утонченная техника, включая пытку электрическим током и содержание в специально построенных камерах. Такого рода техника в сочетании с уровнем ее организации и применения выводит израильскую тюремную практику за рамки незначительных проявлений жестокости и позволяет определенно квалифицировать ее как пытки.

3. Пытки применяются по крайней мере в 6 центрах: в тюрьмах четырех главных оккупированных городов (Наблус, Рамаллах, Хеброн — на Западном берегу Иордана, Газа — на юге), в тюрьме Иерусалима, а также в специальном центре военной разведки, местонахождение которого точно неизвестно, но который, по свидетельским показаниям, расположен где-то в районе военной базы в Сарафанде, недалеко от аэропорта Лод. Есть факты, указывающие на то, что в течение некоторого времени существовал второй такой центр где-то в районе Газы.

4. К пыткам причастны все израильские службы безопасности: и Шин Бет — внутренняя служба безопасности Израиля, подчиненная канцелярии премьер-министра, и военная разведка, подчиненная министерству обороны, и пограничная служба, и Латам — израильский «отдел специальных заданий», подчиненный министерству полиции.

5. Пытки проводятся так последовательно, что их нельзя рассматривать как превышение власти кучкой «нарушителей дисциплины — полицейских». Они носят систематический характер и, по видимому, санкционированы на каком-то административном уровне как сознательно проводимая политика.

6. Судя по всему, пытки применяются с целью: во-первых, получения информации, во-вторых, заставить людей признаться службам безопасности в преступлениях, в совершении которых они, возможно, виноваты, а возможно, и нет (вырванное таким образом признание затем используется как основное доказательство на суде), в-третьих, убедить арабов — жителей оккупированных территорий, что пассивное поведение для них наиболее безопасно...»

Мы оборвем на этом цитирование. Далее специальные корреспонденты «С а н д и т а й м с» излагают историю Омара Абдель Карима, записанную во время восьмичасовой беседы.

Итак, он был арестован 3 октября 1976 г. в момент перехода через мост Алленби в восточном направлении, когда направлялся в гости к жене брата, проживающей в Аммане. Он был отправлен в центр заключения в Иерусалиме, принадлежащий Шин Бету, Латаму и частично пограничной полиции, где производится следствие и содержатся подследственные.

Среди лиц, допрашивавших его в тот же вечер, были двое, которых звали Эди и Орли. Они обвиняли его в принадлежности к фedaинам. Когда он отрицал это обвинение, его били по пяткам. Позже его подвесили за кисти рук. Затем он был отправлен в камеру в центральном блоке центра. Его ноги распухли — в камеру он вполз. В центре его держали неделю. На последних допросах он лежал ничком на полу, в то время как один человек стоял на его ногах, а другой выламывал ему руки. В другой раз в его наручники была вставлена палка, вследствие чего прекратился приток крови к кистям.

Через неделю он был перевезен в закрытом грузовике на новое место (как он думал, в Сарафанд). В новом центре с ним обращались с большей «целеустремленностью». За исключением времени, уходившего на вопросы, его непрерывно избивали черным брезентовым мешком. За него взялись новые люди, хотя среди допрашивающих по-прежнему был Орли. На этот раз использовалось электричество. Два тонких проводка были прикреплены к телу липким пластырем.

— Мне казалось, что у меня ломаются кости, — рассказывал корреспондентам «С а н д и т а й м с» Абдель Карим. — Наибольшую боль я испытывал, когда провода присоединялись к половым органам. После применения тока нестерпимо болели все суставы, все мышцы. Я чувствовал, что нервы больше не выдержат этого.

По его словам, ток применялся восемь или де-

вать раз, но он так и не признал своей «вины». Через 11 дней его отправили в тюрьму в Хеброне, на Западном берегу Иордана. При нем по-прежнему состояли Эди и Орли, но к ним присоединились новые лица. В первый день пребывания в Хеброне некто по имени Узи ударил Абдель Карима по лицу. Когда кровь, брызнувшая из носа, капнула на ботинок Узи, тот заставил арестованного слизнуть ее. Одного из допрашивавших называли Абу Газал. Он таскал Абдель Карима за волосы по комнате, а когда волосы выдирались, заставлял арестованного глотать их. Затем Абдель Карима заставляли пить соленую воду, загоняли в задний проход горлышко бутылки. Так прошел первый день.

На следующий день его опять подвесили за кисти рук и избили. На третий или четвертый день Орли привел в тюрьму его жену Ниджми.

— Увидев меня в таком состоянии, она закричала. Орли схватил ее за волосы. Он бил ее по лицу, пока не разбил в кровь нос и рот... Тут я сказал, что готов «признаться». Орли ответил: «Ну, вот мы и стали друзьями». Я начал лгать. Мне нечего было рассказывать, я должен был спасти жену. Сказал, что у меня есть бомбы, что спрятал их дома в уборной. На это моя жена сказала: «Нет, это я их туда спрятала». На самом деле мы ничего не прятали. Она «призналась», чтобы спасти меня, а я — чтобы спасти ее.

Абдель Карима отвезли к его дому в Бейт-Сахур. Там уже работали мусорные машины, отсасывая содержимое из выгребной ямы. Они ничего не нашли. Когда Эди понял, что узник лжет, он несколько раз ударил его головой о стенку. При этом выпало несколько кусков штукатурки, и Орли велел Абдель Кариму съесть их. Тот проглотил штукатурку. «Если бы у меня что-нибудь было, я бы вам сказал», — повторял он, но допрашивавшие ему не верили. Его держали под холодным душем, опускали в ледяную воду, еще раз подвесили за руки.

Последнее, что помнит Абдель Карим, — его заперли в маленькую камеру, а потом напустили в нее какой-то газ через глазок в двери.

— Я закашлялся. Из носа и глаз потекло. Все поплыло...

С этого момента его воспоминания фрагментарны и запутанны.

Корреспонденты «С а н д и т а й м с» установили, что в конце ноября, например, он провел неделю в главной израильской тюремной больнице в Рамлехе. Он говорит, что не помнит этого. Далее, 12 декабря, как утверждает его жена Ниджми, она и их 12-летний сын имели с ним свидание в Хеброне, причем Абдель Карим не узнал сына. Он говорит, что не помнит и этого эпизода.

Беседы с другими лицами помогли корреспондентам английской газеты разобраться в рассказе Абдель Карима. 14 ноября его адвокат Фелиция Лангер и ее секретарь Абед эль-Асали посетили Абдель Карима в хебронской тюрьме. Лангер следующим образом описывает это посещение:

— Его вынесли ко мне другие заключенные, поскольку сам он не мог ходить... Он выглядел очень плохо, лицо было совершенно желтым... Все время он показывал на свои ребра и говорил, что не может дышать. Один из заключенных сказал нам, что ребра сломали во время допроса... Абдель Карим заявил нам, что его пытали электричеством, и, говоря об этом, страшно задрожал... Казалось, что его тело бьется в конвульсиях... Он не помнил, сколько ему лет, где родился и где жил, не помнил, есть ли у него дети. Во время нашей беседы упомянул, что у него на глазах избили его жену, но тут же прекратил об этом говорить. Казалось, он живет в ином мире.

«Мы беседовали с шестью юристами — двумя израильтянами и четырьмя палестинцами, регулярно выступающими в военных судах, где они защищают тех, кого обвиняют «в действиях против безопасности Израиля, — говорится в статье. — Имена адвокатов — Фелиция Лангер, Леа Цемел, Васфи О. Масри, Антон Джасер, Элмас Хури и Файез абу-Рахмех. Они единодушно считают, что трибуналы сознательно покрывают и утаивают факты применения пыток израильской разведкой и службой безопасности. Механизм, которым при

этом пользуются, по-своему «хитроумен»: большинство приговоров основано на признаниях обвиняемых, но большинство признаний, по убеждению юристов, получено благодаря жестокому обращению или пытке».

Далее специальные корреспонденты «С а н д и т а й м с» приводят другие примеры пыток заключенных. Один из них — Гассан Харб — 37-летний представитель палестинской интеллигенции, журналист из Рамаллаха. В ночь с 21 на 22 апреля 1974 г. он вместе со своей женой гостил в доме тестя. Вскоре после полуночи их разбудили шесть израильских солдат и два человека в штатском. Один из них велел Харбу одеться. На Харба надели наручники, завязали глаза и втолкнули в машину, которая доставила его в тюрьму. В течение двух с половиной лет Харба продержали в тюрьме без суда.

Когда о его деле рассказали в 1976 г. в ООН, представитель Израиля Яков Дорон отрицал его как «типичную историю о зверствах, распространяемую против израильской администрации определенными элементами». 18 января 1977 г. Харб был освобожден и отправлен домой. Корреспонденты «С а н д и т а й м с» встретились с ним. Вот суть его истории.

В первые 50 дней с ним ничего не случилось. Когда его привезли в тюрьму, он получил несколько тумачов и, находясь все еще с завязанными глазами, слышал, как то же самое проделывали с другими.

На 51-й день ему опять завязали глаза и куда-то повезли. Привели в комнату и сняли мешок и повязку. Человек в гражданской одежде обратился к нему по-арабски:

— Знаешь, где ты находишься?

— Нет, — сказал Харб.

— В Каср-ан-Нигая.

Это название тюрьмы в Багдаде, столице Ирака. Харб понимал, что он не в Ираке. Но он знал, что Каср-ан-Нигая по-арабски означает «дворец конца», и понял, что имеет в виду его собеседник. Харб узнал, что он арестован по подозрению в

причастности к вооруженному сопротивлению на Западном берегу Иордана.

Избиение началось сразу же.

— Я сидел на скамье. Минут 15—20 меня били по лицу, — рассказывал Харб корреспондентам «С а н д и т а й м с».

В конце первого допроса Харбу опять надели на голову мешок и увели. Руки связали за спиной и голого, с мешком на голове втолкнули в какое-то тесное помещение. Дверь захлопнулась. Несмотря на то что в мешке были две дырки для воздуха, он боялся, что задохнется. Поэтому, упираясь головой в стену, он постепенно стащил мешок и увидел, что находится в крошечной камере без окон, в которую свет попадает только через щель под дверью.

— Это был просто шкаф, — говорил Харб. — Мой рост 178 сантиметров, и я не мог там выпрямиться. Сесть тоже было невозможно. Но страшнее всего был устроен пол. Он был бетонный, и в нем через малые, но неравные промежутки находились каменные шипы.

— Они были острыми, с режущими ребрами, высотой сантиметра полтора-два. Обеими ногами из-за них невозможно стоять. Я стоял на одной ноге и, когда она уставала, менял ее.

Харб считает, что первый раз провел в «шкафу» три или четыре часа. Затем дверь открылась. Ему напялили на глаза какие-то матерчатые очки, сделанные из черной ткани. На голову опять был накинута мешок. Харба вывели, как он считает, во двор.

— Судя по голосам, меня били три или четыре человека. Потом один сказал: «Теперь встань на четвереньки». На дворе было много мелких камешков, и по ним было очень больно ползать. Это продолжалось около часа. Я ползал по земле, а они били меня. Потом они ездили на мне верхом, как на лошади.

Когда Харба наконец опять привели к следователю, тот сказал: «Теперь понял, куда попал?» Затем следователь стал бить его, одновременно

задавая вопросы, вместе со вторым человеком, производившим допрос.

Таков был первый день. Утром все началось снова и продолжалось так много дней. «Шкаф», двор тюрьмы, допрос, камера...

Ужасны и показания Джозефа Одеха, хотя они и не являются единственными в своем роде.

Его повествование, говорится в статье, опубликованной в «С а н д и т а й м с», начинается с событий 1969 г., когда его дочь Расмия (тогда ей был 21 год) дважды была приговорена к пожизненному заключению.

Одех рассказывал, что 28 февраля 1969 г. израильские солдаты ворвались к нему в дом в Рамаллахе около часа ночи и арестовали его самого и трех его дочерей. Их отвезли в иерусалимский центр. Однажды Одех услышал из комнаты, где его держали, как где-то поблизости избивают Расмию.

— Когда меня привели туда, Расмия не могла держаться на ногах. Она лежала на полу, платье ее было покрыто пятнами крови. Лицо было синим, глаз подбит. Потом двое солдат подняли ее, а я в этот момент заплакал и закричал, тогда они завязали мне глаза, а ее, видимо, увели.

Корреспонденты «С а н д и т а й м с» спросили его, когда он в следующий раз увидел Расмию. Он заплакал. Наконец, сказал переводчику:

— Лучше бы мне было умереть, чем это увидеть...

Когда Одех наконец смог продолжать, он рассказал, что его привели в комнату для допросов, где он увидел Расмию голую и в наручниках.

— Они начали избивать нас, а Расмия повторяла: «Я ничего не знаю». И тогда они раздвинули ей ноги и воткнули в нее палку. Она истекала кровью. Я потерял сознание...

Мы вновь цитируем: «Обычный ответ Израиля на заявления о жестоком обращении или пытках во время допросов — объявление этих заявлений фальшивками. В международном плане объяснения Израиля могут быть проиллюстрированы словами израильского представителя в ООН Дорона.

В ноябре 1976 г. он сказал: «Моя страна может гордиться скрупулезным соблюдением законности на управляемых ею территориях». Израиль, утверждал он, продемонстрировал «либеральную и просвещенную позицию, в частности смелость в признании любых совершенных им ошибок и стремление исправить их...». Дорон признал: «Верно, что в одном-двух исключительных случаях к заключенным, к сожалению, была применена сила. Один из этих редких случаев, к несчастью, привел к смерти Ахмеда Шейха Дахдула...»

В марте 1976 г. Дахдул был забит до смерти, когда его везли в Тулькорм, расположенный в окрестностях Тель-Авива. Дорон заявил, что «закон строго применяется израильскими властями... ни власти, ни суды не имеют любимчиков. Офицер, принимавший участие в инциденте, был признан виновным и приговорен к длительному тюремному заключению».

Когда Дахдул умер, израильские власти объявили, что смерть наступила в результате сердечного приступа. Арабский врач поставил это заявление под сомнение. Правда начала вырисовываться лишь 4 месяца спустя, когда власти сообщили адвокату Дахдула Фелиции Лангер, что ими выдвигается обвинение против одного офицера.

...Тем временем сообщения о пытках продолжают поступать» — такими словами заканчивают статью специальные корреспонденты «С а н д и т а й м с».

Что-то не слышно из уст тех западных лидеров, которые громогласно объявили себя «поборниками прав человека», осуждений в адрес израильских властей за пытки и насилия, практикуемые в этой стране. И это, конечно же, не случайное «упущение». Как не случайно и то, что в официальном Вашингтоне, Лондоне или Бонне делают вид, будто им неведомы гестаповские методы, к которым прибегают правители, скажем, Индонезии, ЮАР, Уругвая по отношению к людям, чья единственная «вина» — демократические убеждения. А между тем на страницах парижского журнала «М о н д д и п л о м а т и к» Жан Гийву прямо указывает,

что Индонезия пользуется печальной известностью в связи с тем, что в ней, по его мнению, насчитывается рекордное число политических заключенных. Сколько их гниет в тюрьмах и концентрационных лагерях с 1965—1967 гг., никто не знает, даже сами индонезийские власти. По некоторым данным, в 1971 г. в этой стране насчитывалось 200 тыс. заключенных. Если так было в 1971 г., то сейчас, по-видимому, осталось около 100 тыс., учитывая «освобождения», о которых объявлено официально. Но очень трудно проверить точность этих данных.

В Джакарте десять тюрем. Собственно, в каждом индонезийском городе средней величины есть своя тюрьма и свои политические заключенные. Тюрьма «Букитдури» в Джакарте особая: она предназначена для женщин. Тюрьма в Плантаунгане, близ Семаранга, — это женский вариант мужского концентрационного лагеря на острове Буру: там очень много политических заключенных, но, как объяснили Ж. Гийву, «женщины могут заниматься там садоводством и по крайней мере дышать свежим воздухом». В самом Самаранге насчитывается около 400 политических заключенных, в том числе 50—75 женщин; в Амбараве еще больше. Заключенных не привлекают к суду, а срок их пребывания в тюрьме продлевают.

Некоторые хорошо информированные наблюдатели рассказали корреспонденту парижского журнала, что с политическими заключенными обращаются так, будто это отбросы общества: у них нет возможности протестовать против пыток и издевательств, бороться с голодом и болезнями. Многие превратились в живые автоматы: ложатся спать, встают, принимают пищу, и все это совершенно машинально. Они не имеют права читать журналы, газеты, книги — ничего, кроме религиозной литературы. Им запрещено писать письма родным и близким. Некоторые теряют рассудок, другие кончают самоубийством.

Концентрационный лагерь на острове Буру, открытый в июле 1969 г., насчитывает, отмечает Ж. Гийву, более 10 тыс. заключенных. По сведениям

из официального источника, насильственная «миграция» этой массы людей была необходимой, так как они не могли вернуться к нормальной жизни, не подвергаясь опасности. Поскольку судить их нельзя из-за полного отсутствия доказательств вины, правительство предпочитает «удалить» заключенных.

Жизнь на острове Буру очень тяжела, каждый попавший туда сам должен обеспечивать себя всем необходимым. Конечно, в официальных заявлениях Буру изображают не как концентрационный лагерь, а как некое сельскохозяйственное предприятие. Известно, что бывают периоды, когда заключенные вынуждены есть змей, мышей и собак. Люди обязаны напряженно работать по 12 часов в сутки под постоянным наблюдением вооруженной охраны. Этот режим применяется ко всем: к молодым и старым, к больным и здоровым.

Политические заключенные в Индонезии подразделяются на четыре категории — «А», «В», «С» и «Х». Что касается заключенных категории «А», то правительство утверждает, что имеет официальное доказательство их принадлежности к «Движению 30 сентября 1965 г.». Их около 2 тыс. Политические заключенные категории «В» никогда не будут привлечены к суду из-за отсутствия доказательств их вины. В официальных заявлениях говорится: «Они представляют опасность для страны, и к тому же они коммунисты». Таких 27 тыс. Заключенных, относящихся к категории «С», гораздо больше. Правительство относит к ним тех, кто был арестован «на законном основании» и в дальнейшем будет освобожден, когда позволит обстановка. К категории «Х» относятся лица, арестованные позже, т. е. после 1968 г., на основании еще менее ясных обвинений; они ждут, когда их отнесут к одной из предыдущих категорий.

Итак, большинству заключенных не предъявлено официально никаких обвинений. В этом, по мнению Ж. Гийву, и состоит суть проблемы. Таким образом, их нельзя судить по закону. Они находятся в ведении Командования операциями по восстановлению безопасности и порядка, т. е. воен-

ного органа, обладающего особыми полномочиями.

Политическим заключенным, которые выходят из тюрьмы, очень трудно вернуться к нормальной жизни: на них лежит клеймо; это относится и к тем, кто имеет родственника — политического заключенного. У «освобожденных» — особые удостоверения личности. Никто не решается принимать их в свою среду или давать работу. Ради самосохранения от многих были вынуждены отречься семьи...

Одна из последних по времени публикаций, посвященных Индонезии, появилась в американском журнале «Ньюсуик».

...Несколько сот изможденных людей, закутанных в лохмотья, с трудом передвигая ноги, карабкались из двух ветхих суденышек на пристань. Они жадно всматривались в лица встречавших, отыскивая среди них знакомые. Сделать это было весьма трудно. Почти все из прибывших не виделись со своими родными и близкими с 1965 г. — с тех пор, когда сотни тысяч индонезийцев были брошены в тюрьмы.

Недавно индонезийские правители решили освободить 10 тыс. политических заключенных из лагерей, разбросанных по разным уголкам этого островного государства.

В самом начале 1978 г. первая партия таких заключенных была доставлена с кишачего крокодилами острова Буру в восточнояванский порт Сурабая. Они выглядят значительно старше своих лет и без какого бы то ни было оптимизма относятся к своему будущему. «Нам дали свободу в кредит, — заявил один из заключенных. — Ее могут отобрать у нас в любое время».

Надсмотрщики из числа чинов военной полиции выкрикивали имена заключенных, прикрепляли к их лохмотьям бирки и загоняли на баржи, которые затем отправлялись к деревне Намлеа. Там узников согнали на местном футбольном поле, вручили им отпечатанные типографским способом тексты клятвы верности президенту Сухарто. В этой клятве, которую заключенные зачитывали вслух, давалось заверение в том, что узники не имеют ни-

каких претензий к властям, продержавшим их долгие годы в заключении без предъявления каких бы то ни было обвинений...

Но стоило охранникам чуть ослабить внимание к заключенным, как те рассказывали журналистам о зверских пытках и избиениях.

Возраст большинства недавно освобожденных узников превышает пятьдесят лет. Все они страдают от туберкулеза и других тяжелых болезней. Некоторые были столь слабыми, что их пришлось нести на носилках. «Власти считают, что эти люди слишком стары и измучены, они вряд ли найдут в себе силы для участия в какой-либо политической деятельности после прибытия на Яву», — заявил корреспонденту «Ньюсуик» один из представителей администрации лагеря. И все же, чтобы у них совсем не возникало такого соблазна, «освобожденные» сначала будут находиться под домашним арестом в течение шести месяцев, а после этого им будет запрещено покидать родные места.

Но еще тяжелее судьба тех заключенных, которые остались в лагере.

Правительство Индонезии утверждает, что после освобождения 10 тыс. узников в тюрьмах страны осталось около 20 тыс. политических заключенных. Президент Сухарто объявил даже, что освобождает их в два этапа в течение 1979 и 1980 гг. «Но, — как признался один правительственный чиновник, — в действительности у нас еще нет какого-либо конкретного плана в отношении того, как поступить с заключенными».

«Полагают, — пишет в заключение «Ньюсуик», — что в тюрьмах страны еще томятся по крайней мере 100 тысяч политических заключенных...»

Сколько политзаключенных в ЮАР, тоже доподлинно не известно, но известно, что они один за другим трагически гибнут в застенках расистского режима Форстера. Об одном из них — Стиве Бико, лидере африканской молодежи ЮАР, — рассказала издающаяся в Йоганнесбурге газета «Ранддейлмейл».

... 12 сентября 1977 г. в тюремной камере в Претории в возрасте 30 лет скончался Стив Бико. Он

был основателем и первым президентом созданной в 1968 г. Организации южноафриканских студентов (САСО). В 1973 г. власти запретили Бико в течение 5 лет заниматься политической деятельностью и посадили под домашний арест в окрестностях Кингвильямстауна, где он родился. 18 августа 1977 г. на основании закона о борьбе с терроризмом Бико был арестован и подвергнут тюремному заключению (согласно этому закону, принятому с целью подавить сопротивление населения политике апартеида, минимальное наказание предусматривает 5 лет тюремного заключения, максимальное — смертную казнь. — *Авт.*).

На следующий же день после смерти Бико министр юстиции, полиции и тюрем Джеймс Крюгер изложил официальную версию событий, предшествовавших трагедии. Вкратце она такова. 18 августа Стив Бико был арестован на контрольно-пропускном пункте на шоссе Кейптаун — Кингвильямстаун в связи с беспорядками в соседнем Порт-Элизабете и препровожден в тюрьму при полицейском участке Валмер в этом же городе. 5 сентября заключенный объявил голодовку. 7 сентября, после того как у Бико появились признаки недомогания, к нему вызвали полицейских врачей. Поскольку они не смогли поставить какой-либо определенный диагноз, то рекомендовали поместить Бико в тюремную больницу для всестороннего обследования. 11 сентября — опять-таки по рекомендации врачей — Бико возвратили из тюремной больницы в полицейский участок Валмер. Он продолжал голодовку и выглядел нездоровым. После консультации с врачом его срочно доставили в Преторию. На следующий день его осмотрел еще один врач, который и оказал ему необходимую медицинскую помощь. Той же ночью Бико умер.

«Однако многие усомнились в правдивости версии, из которой следовало, что Бико умер в результате голодовки, — продолжает «Р а н д д е й л и м е й л». — Во-первых, потому, что здоровый человек не может умереть через неделю после объявления голодовки; во-вторых, врачи в состоянии предотвратить смерть голодающего заключенного

и, в-третьих, потому, что до сообщения о гибели Бико общественность не была поставлена в известность, что он объявил голодовку».

Но если по крайней мере сообщение Крюгера никак не разъяснило причины смерти Бико, то форма, в которой министр представил свою трактовку случившегося, лишь подкрепила возникшие в связи с ней сомнения. Газета приводит слова министра:

— Я не могу сказать, что рад или огорчен известием о кончине Бико, — заявил Крюгер, излагая делегатам съезда Националистической партии Трансвааля обстоятельства данного дела. — Оно оставило меня безразличным... У нас демократическая страна, и любой заключенный имеет демократическое право уморить себя голодом, — заявил министр в конце своей речи, сопровождаемой взрывом смеха...

Одновременно газета приводит и слова директора Христианского института в Йоганнесбурге Байерса Науде:

— В последнее время все больше находящихся под арестом или в заключении африканцев умирает при подозрительных обстоятельствах. Бико стал двадцатым. Показательно, комментирует эти слова «Р а н д д е й л и м е й л», что в 7 из 20 случаев смерть, согласно официальным заявлениям полицейских властей, наступила в результате «самоубийства через повешение»; в трех — арестованные «выбросились» или «выпали» из окон верхних этажей; Дзожеф Мдули умер от «нарушения дыхания в результате применения силы в области шеи»; Элмон Малеле и Лоза скончались от «паралича»; Сэмуэль Малинга и Думисани Мбата — от «естественных причин»; Уильям Теване погиб от пули во время волнений в тюрьме, что было квалифицировано как «оправданное убийство».

Более 20 тыс. человек, принявших участие в похоронах Стива Бико, потребовали от властей проведения расследования его смерти. В опубликованном в конце 1977 г. официальном медицинском заключении говорилось, что смерть Бико наступила вследствие травмы головного мозга. У него также

были сломаны два ребра. В таком состоянии он был отправлен 11 сентября на полицейской машине в Преторию, находящуюся в 1200 км от Порт-Элизабет. В столичной тюрьме Бико не получил никакого медицинского ухода и умер ночью 12 сентября. В ходе расследования выяснилось, что полиция безопасности Порт-Элизабета продержала Бико во время допроса нагим в наручниках и кандалах 48 часов. Полицейские признались, что 7 сентября во время допроса Бико «разбушевался и они его утихомирили»...

И снова вернемся в Латинскую Америку. Уругвай... Страна, где реакционная военщина, захватив в союзе с земельной олигархией и проимпериалистическими кругами власть, растоптала все буржуазные свободы. Рассказ о сегодняшнем Уругвае ведет корреспондент итальянского журнала «Эпока» Альберто Баини.

...Это первый, кажется, случай в бесконечном разнообразии латиноамериканских трагедий, когда страна на глазах приходит в запустение. Ежедневно из нее эмигрируют сотни жителей. На стене морского вокзала чья-то рука даже начертала: «Кто уйдет последний, пусть погасит свет». Когда от причалов порта Монтевидео отходят суда, на пирсе остаются плачущие старики, не питающие надежды вновь увидеть покидающих их детей. Душераздирающие сцены происходят каждый вечер в аэропорту «Карраско» перед отправлением самолетов в зарубежные рейсы.

В центральных кварталах Монтевидео швейцары отвинчивают медные таблички в подъездах домов, где раньше жил цвет «свободных профессий».

— Адвокат Анайя? Уехал.

— Архитектор Отеро? В Канаде, сеньор.

— Инженер Лопес? Кажется, в Рио...

«Это не эмиграция, это исход», — считает А. Баини. Накрепко заперта дверь закрывшейся редакции журнала демократического направления «Марча». В помещениях профсоюзов можно увидеть лишь полицейских или армейских офицеров.

Беспощадный экономический кризис и репрессии опустошают Уругвай. Уезжают не только «но-

сители мозгового вещества» — технические специалисты, интеллигенция — бегут все подряд. 12 лет назад в текстильной промышленности было 26 тыс. рабочих, сейчас — 9 тыс. Мэры двух городов, Мерседес и Фрай-Бентос, вывесили объявления, что муниципалитеты не работают, потому что все служащие выехали за границу. Директор университетской клиники известил, что операции с искусственной почкой отменяются: из 35 специально подготовленных медсестер не осталось ни одной.

С какой стороны ни взглянуть на Уругвай, он производит впечатление безнадежно остановившейся машины. Журналисты предпочли работать в Буэнос-Айресе. Уехали балерины, музыканты симфонического оркестра, две трети университетской профессуры, певцы и актеры. За границей столько уругвайских футболистов, что из них можно составить национальную сборную, куда более сильную, чем имеющаяся.

За последние годы уехало более 10% уругвайцев. Эмиграция охватила главным образом возрастную группу между 20 и 50 годами. Поэтому на улицах Монтевидео чаще всего встречаются старики. В субботний вечер знаменитая набережная Сур пустынна. «Начинаешь понимать, — пишет А. Баини, — что имеют в виду социологи, когда говорят, что Уругвай сейчас «самая старая страна в мире»».

Экономический кризис и инфляция буквально пожирают страну. Режим проводит девальвацию за девальвацией. Стоимость жизни растет, зарплата заморожена, а если кто-нибудь пробует протестовать, то появляются войска или полиция.

Страна была богата. Ее называли латиноамериканской Швейцарией. На протяжении 70 лет считалось, что каждого уругвайца при появлении на свет уже поджидают 12 голов скота, пасущегося где-нибудь там, во внутренних районах, представляющих собой одно необозримое ранчо. Армия не занималась политикой и не была кастовой.

Но вот произошел «гольпе» — военный переворот. Был распущен парламент, разогнаны пар-

тии, профсоюзы. Страна, имевшая на континенте самую либеральную конституцию, превратилась в застенки, в камеру пыток. Армия набила узниками стоящие на приколе суда, скотобойни, холодильные склады для мяса и даже крытый стадион на 20 тыс. мест. День за днем растет и без того уже длинный перечень людей, подвергнутых пыткам. В документах ряда международных организаций Уругваю уже отведены целые главы.

Страна находится в руках военных, посла США, ведущего здесь себя словно римский проконсул, и, наконец, кучки банкиров и латифундистов, которых уругвайцы называют «роска». Буквально это слово обозначает складки жира, свисающие на затылке апоплексически тучного человека. И вот по мере того, как страна приходит в запустение, старые и новые хозяева делят между собой что осталось. Банки, десятилетиями принадлежащие государству, возвращаются частным владельцам. Армия пожирает половину бюджета и потребляет 54 % нефти (которая целиком импортируется, так как в стране нет ни капли собственной). Даже полицейские и армейские капралы стараются не зевать: пишущие машинки из разграбленных и закрывшихся газетных редакций некоторое время спустя появляются на полках комиссионных магазинов.

Акты насилия и разложения политической власти здесь в отличие от других стран не «растворяются» в пространстве и внушительных цифрах статистических выкладок. Здесь они приобретают чудовищно всеобъемлющий характер. Людей пытаются, чтобы не дать рассеяться атмосфере террора и страха, чтобы «поднять дух» солдат и убедить армию, что никто не может устоять перед ее силой. Пытают для того, чтобы изгнать из памяти воспоминания, исторические даты, чтобы «загипнотизировать» и вытравить из сознания всякие сомнения и угрызения.

— У меня в сумочке нашли фотографию Че Гевары, — рассказывала корреспонденту «Эпока» студентка университета. — Ах, так вот кто твой кумир. Раздевайся, сейчас мы тебе покажем...

Портовый грузчик, 42-летний Рубен Сассано, профсоюзный активист, сообщил корреспонденту, что видел, как людей, привязанных к лошади, волочили по двору казармы.

Искусство пытки стало в Уругвае весьма изощренным. В лексиконе жертв и палачей появился целый ряд новых терминов. «Подводная лодка» — это когда человека привязывают к доске и опускают в воду на все более длительные промежутки времени. «Душ» — непрерывный поток воды, струящейся по скованному человеку, что намного повышает электропроводность тела, истязаемого током.

Не всегда обязательно прибегать к вырыванию ногтей или побоям.

— Я провел в казарме пятнадцать дней, — рассказывал А. Баини один из свидетелей, попросивший не разглашать его имени. — Самое ужасное — это капюшон, который с меня не снимали. Кто этого не прошел, не может понять, в чем здесь дело. Чувствуешь себя совершенно беззащитным, не знаешь, где находишься, что вокруг тебя происходит и что произойдет. Единственное неотвязное чувство — страх, чудовищный страх из-за того, что не видишь света и все время задыхаешься. После пятнадцати дней, проведенных в таком состоянии (причем нас держали все время стоя), пришел солдат и произнес двухчасовую речь. И представляете, его доводы убедили нас: единственное, чего мы желали, — выйти, уйти. Когда нас развязали, я даже сказал солдату «спасибо». Они убедили нас в своей правоте.

В этом смысле Уругвай — своего рода «лаборатория пыток».

Людей пытаются в Сантьяго и Ла-Пасе, в Сан-Пауло и Монтевидео, с гневом констатирует автор статьи в «Эпока», но у истока неизменно обнаруживаешь американца — агента или советника из специальных частей, подготовленных для борьбы с «подрывными» элементами в Форт-Брэгге (или других подобных американских «академиях»). Обычно латиноамериканцев упрекают в том, что они в каждом «гринго» — рослом светловолосом человеке с севера — готовы видеть причину своей от-

сталости и своих невзгод. «Но что иное могут думать сегодня жители Чили, Парагвая, Бразилии, Боливии или Уругвая? Во всех этих странах США активно способствовали, более того, участвовали в создании гигантских репрессивных аппаратов, сети полицейских осведомителей, питомников «горилл», палачей и карателей» — так заканчивает свою статью Альберто Баини...

Надпись «Последнего, кто будет покидать город, просят выключить свет» можно увидеть и на стенах домов многострадального Белфаста, главного города Северной Ирландии, отделенной от Уругвая многими тысячами километров. Вот уже несколько лет в Белфасте и других североирландских городах гремят выстрелы, рвутся бомбы, а население живет в условиях полицейских облав, обысков и арестов. Так называемая политика «умиротворения», проводимая британскими властями, оборачивается для жителей Северной Ирландии, этой «белой колонии» Англии, дальнейшим ущемлением их прав.

— Надо бы хуже, да некуда, разве что они убили бы всех нас, а наши дома сожгли дотла, — так жительница Белфаста Б. Мэй охарактеризовала действия британских солдат, которые открыли стрельбу по мирным жителям квартала Тёрф-Лодж.

«Этим трагическим событиям, — пишет лондонский еженедельник «Т р и б ю н», — был посвящен массовый митинг, участники которого приняли решение создать организацию «Кампания против бесчинств Британии в Ирландии». На митинге выступили Энни Норни и Кэтлин Стюарт, сыновья которых пали жертвами произвола вооруженной солдатни. Брайену Стюарту, убитому пластиковой пулей, было 13 лет».

«Кампания против бесчинств Британии в Ирландии» решила собрать факты, свидетельствующие о незаконности, царящем в Ольстере. В Белфаст была направлена группа представителей организации. Первым объектом расследования был избран Тёрф-Лодж.

Членам комиссии, указывает на страницах «Т р и б ю н» известная общественная деятельница

ца Пэт Эрроусмит, самим пришлось пережить неприятный момент. Когда они осматривали могилы на кладбище в Милтауне, их окружили солдаты. Затем появились вооруженные до зубов полицейские, и членов комиссии арестовали на основании «закона о чрезвычайном положении» за то, что они сделали несколько снимков. Примерно в течение часа их допрашивали, потом отпустили. В этот же день Пэт Эрроусмит едва не арестовали во второй раз, когда она пыталась сфотографировать небольшую сценку в Баллимофи: солдаты волочили за волосы молодого человека. В городе членам комиссии на каждом шагу встречались дома с дверьми, выбитыми прикладом винтовки, — свидетельство того, что здесь имели место облава или обыск. На обратном пути в Лондон пятеро из них были без всяких на то причин задержаны на основании «закона о борьбе с терроризмом».

В Тёрф-Лодже члены комиссии опросили около 30 человек. Им рассказали о Лео Мартине, зверски избитом солдатами. Родители Лео показали им его окровавленную одежду, фотографии его тела в рубцах и кровоподтеках.

С Уильямом Райтом обошлись не менее жестоко. На него набросились солдаты, сбили с ног, распластали на земле и нанесли несколько тяжелых ударов по голове. Прибывшая машина «скорой помощи» нашла Уильяма лежащим в луже крови. Пэт Эрроусмит видела затянувшиеся раны у него на голове и опухоль на руках от сильных побоев. Она видела также 17-летнего юношу, лоб которого пересекает глубокий шрам. Его без всяких причин схватили трое солдат и избили ногами.

«Если солдат, творивших такие зверства, называют «хранителями мира», то слово «мир», по видимому, имеет еще одно значение, не известное нормальным людям», — пишет Пэт Эрроусмит.

Факты свидетельствуют: граждане Белфаста и других североирландских городов лишены основных прав человека. Они постоянно подвергаются преследованиям со стороны английских вооруженных сил. Согласно постановлению о семидневном задержании, их подвергают арестам, до-

просам и пыткам во время допросов, их судят специальные тайные суды; их подолгу держат в заключении до суда.

Своеобразным выдался в Белфасте первый день после оглашения в Страсбурге вердикта Европейского суда в защиту прав человека по иску «Ирландия против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» — вердикта, по существу проигнорировавшего права целого народа. Вслед за тремя взрывами в Дерри и двумя в Белфасте на следующий день в столице Северной Ирландии рвануло еще семь бомб.

Не мудрено, что по получении разрешения суда лондонская газета «Дейли телеграф» озаглавила свою передовую статью «Триумф в Страсбурге». Министр по делам Северной Ирландии Мэйсон в заявлении для печати выразил удовлетворение вердиктом и сказал, что «отныне страсбургская глава закрыта».

Надругательства над гражданскими свободами и правами населения Северной Ирландии продолжают...

А вот рассказ о стране, которая находится совсем под боком у США. Недавно в Канаде вышел сборник «Гаити: политические узники обвиняют».

В январе 1977 г. госдепартамент представил конгрессу США доклад о правах человека в Гаити, в котором говорилось, будто после смерти диктатора Дювалье-старшего имели место значительные перемены к лучшему. Однако сведения, поступающие из страны, свидетельствуют об обратном. Правда, чтобы поддержать миф о «либерализации», создаваемый посольством США в Порт-о-Пренсе, Дювалье-младший, «унаследовавший» от «папы Дока» титул пожизненного президента Гаити, в конце 1976 г. распорядился освободить примерно 100 политзаключенных. Однако тюрьмы все еще полны.

На фасаде здания национальной тюрьмы, где содержатся политические заключенные, появилось нововведение — неоновая вывеска, словно над входом в магазин. Пожалуй, это «новшество» наиболее наглядно отражает суть перемен, происшедших за годы правления Дювалье-младшего.

Форт-Диманш — одна из самых страшных тюрем. В ее камеры никогда не проникает свет. Заключенные спят на полу, а будят их в 3 часа утра, обливая холодной водой. Обычно через несколько недель арестованный превращается в обтянутый кожей скелет. Умирают обычно от туберкулеза и дизентерии. Тех, кто заболел, не изолируют, причем больные не получают никакой медицинской помощи. «Мало кому удается протянуть три года в условиях этого режима, скопированного с нацистских лагерей смерти», — подчеркивается в сборнике, содержащем показания свидетелей.

Одно из них гласит: «Однажды ночью пришли за 250 заключенными. После того как их расстреляли на наших глазах, мне и еще 12 узникам приказали их закопать. Среди расстрелянных был один мой одноклассник. Меня заставили засыпать его землей, хотя он был еще жив... Расстрелы всегда проводил сержант Монфор, который раньше был в президентской охране. Он обходил заключенных, связанных между собой и окруженных охраной, и на уровне груди в упор стрелял из автомата «Томпсон». Некоторые умирали сразу, другие еще были живы. Всех, живых и мертвых, бросали в общий ров и велели засыпать землей».

Дула пулеметов, установленных вдоль стен, окружающих президентский дворец, угрожающе обращены к внешнему миру. «Тонтон-макуты» в синих или черных костюмах и темных очках — некогда преданные исполнители воли «папы Дока», с помощью которых он беспощадно расправлялся со своими противниками, как и прежде, терроризируют местных жителей. В последнее время они разделяют карательные функции с так называемым корпусом леопардов, члены которого проходили специальную подготовку под руководством американских военных советников и оснащены американским оружием.

На берегу моря, ощетинившись радиомачтами, стоит приземистое, неприступного вида здание. Это посольство США. По сообщению одного из его сотрудников, за последние три года размеры частных американских вкладов в стране возрос-

ли более чем втрое. Американских бизнесменов привлекают сюда крайняя дешевизна рабочей силы, низкие налоги и гарантированное отсутствие забастовок. Здесь находятся также несколько сот миссионеров, обеспечивающих постоянное американское идеологическое присутствие...

«Моралисты» и «поборники прав человека» из числа ведущих западных лидеров хранят молчание по поводу вышеизложенного, ссылаясь на то, что все это, мол, единичные случаи «эксцессов» и вмешательство извне было бы неправильно истолковано. Зато они нагло вмешиваются во внутренние дела тех стран, где, по их мнению, может возникнуть (или уже возникла) «угроза капиталистическому строю».

Наш рассказ об этом вмешательстве впереди.

«Суверенитет? А с чем его едят?»

Основу содержания так называемой «первой корзины» Заключительного акта Сопровождающего по безопасности и сотрудничеству в Европе — раздела, где затрагиваются вопросы безопасности, составляет глава «Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях». Этих принципов десять: суверенное равенство, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость границ, территориальная целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных свобод, равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничество между государствами, добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

«...Уважать суверенное равенство...», «...уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы...», «...уважать... право народов распоряжаться своей судьбой», имея в виду, что «все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне...» — гласят отдельные положения главы. Государства — участники общеевропейского совещания также обязались «воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного, во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений»¹.

¹ См. «Во имя мира, безопасности и сотрудничества», с. 17, 20—22.

Выступая в Хельсинки с трибуны общеевропейского совещания 31 июля 1975 г., Л. И. Брежнев подчеркивал: «Из опыта работы совещания вытекают важные выводы и на будущее. Главный из них, и он выражен в Итоговом документе: никто не должен, опираясь на те или иные соображения внешнеполитического характера, пытаться диктовать другим народам, как они должны устраивать свои внутренние дела. Народ каждого государства, и только он, имеет суверенное право решать свои внутренние дела, устанавливать свои внутренние законы. Иной подход — это зыбкая и опасная почва для дела международного сотрудничества»¹.

На этой зыбкой почве и оказался американский империализм...

16 января 1978 г. в Италии разразился 33-й после войны правительственный кризис: ушел в отставку однопартийный кабинет христианско-демократической партии во главе с Джулио Андреотти. Причиной падения правительства явилась неспособность ХДП преодолеть переживаемые страной экономические и социальные трудности, осуществить неотложные мероприятия по улучшению положения, предусмотренные программным соглашением, которое летом 1977 г. подписали шесть ведущих политических партий Италии, в том числе коммунистическая. Отражая настроения широких масс трудящихся, а главное, исходя из политической обстановки в стране, свидетельствующей о том, что решение кардинальных проблем невозможно без участия второй по силе партии страны — коммунистической, ИКП предложила создать «чрезвычайное правительство». И в это время раздался грубый окрик из-за океана: Вашингтон открыто наложил свое «вето» на идею формирования правительства с участием коммунистов. «Наша позиция ясна: мы выступаем против такого участия и хотели бы, чтобы влияние коммунистов в любой из западноевропейских стран уменьшилось», — гласило официальное заявление госдепартамента США. И Джулио Андреотти сказал компартии «нет».

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5. М., 1976, с. 338—339.

Вмешательство Вашингтона — в нарушение Устава ООН и Заключительного акта — во внутренние дела Италии оказалось настолько грубым, что вызвало гневную реакцию осуждения не только в Италии, но и в других странах.

«Соединенные Штаты пытаются предотвратить включение коммунистов в состав итальянского правительства и призывают Италию и другие западноевропейские страны ограничить влияние коммунистов, — констатировала «Нью-Йорк таймс». — Заявлению государственного департамента, самому резкому, с которым правительство Картера до сих пор выступало в связи с усилением влияния коммунистов в Западной Европе... предшествовали встречи на высоком уровне с участием президента Картера, государственного секретаря Вэнса и посла США в Италии Гарднера. Американское правительство неоднократно утверждало, что не намерено вмешиваться во внутренние дела Италии или других союзников по НАТО. Тем не менее нынешнее заявление можно приравнять к вербальному вмешательству».

«На протяжении 30 лет всякий раз, когда в той или иной стране коммунисты, казалось, были в состоянии взять в свои руки бразды правления, Соединенные Штаты вмешивались, — резюмировала эту акцию парижская «Монд». — Не говоря уже о Гватемале и о Чили, они не остались пассивными в Португалии, например, во время событий 1974—1975 гг.»

Нынешнее правительство США никогда не определяло свою позицию столь отчетливо и столь резко, как оно только что сделало это. Чтобы коммунисты участвовали в итальянском правительстве? Нет! Не может также быть и речи о том, чтобы коммунисты резко усилили свое влияние, — вот смысл его реакции.

Чего же стоит тогда утверждение, согласно которому гражданам, и только самим гражданам, надлежит решать, как ими будут управлять!

По мнению Соединенных Штатов, речь идет о ценностях демократии, общих для их страны и для всех государств Западной Европы. Но разве Кар-

тер не заявил 5 января Миттерану (руководитель социалистической партии.— *Авт.*) и Фабру (лидер Движения левых радикалов.— *Авт.*), что возможное участие коммунистов в составе французского правительства вызывает у него озабоченность?

«Ценность этого официального заявления заключается в его откровенности. Но совместимо ли оно с обязательствами, под которыми Вашингтон подписался, в частности, в Хельсинки и которые запрещают всякое вмешательство в дела других в Европе?» — вопрошает парижская «М о н д».

Все точки над «i» расставила мадридская газета «П а и с», которая писала: «Официальный Вашингтон пытается убедить весь мир в том, что он выступает в защиту прав человека. Однако факты свидетельствуют об обратном. Деятельность Картера убедительно доказывает, что все разговоры о правах человека отходят на задний план, когда речь идет об интересах империализма, и все заявления о морали в этих условиях немедленно превращаются в самое обыкновенное лицемерие».

О непрерывном вмешательстве США во внутренние дела Италии на официальном уровне напомнил буржуазный еженедельник «П а н о р а м а», опубликовавший краткие характеристики деятельности американских послов в Риме начиная с 1946 г. Так, Дж. Данн «считал необходимым использовать все политические, экономические и военные средства, чтобы помешать коммунистам прийти к власти в Италии». Клэр Люс «открыто заявляла, что долг итальянцев бороться против коммунистической угрозы». Ф. Рейнхард «пытался воспрепятствовать созданию правительства левого центра». Г. Мартин был «самым щедрым на финансовую помощь правым». В частности, он вручил 800 тыс. долл. «ответственному руководителю» секретной службы, обвиненному впоследствии в заговоре крайне правых для свержения правительства. «В целом за послевоенные годы,— дал справку журнал «П а н о р а м а»,— США роздали антикоммунистическим лидерам в Италии около 50 миллиардов лир».

Однако дело не ограничивалось только деньгами и заявлениями. Планы Пентагона и НАТО пре-

дусматривали и военное «решение вопроса». При чем в результате, очевидно, сознательной «утечки» информации в целях воздействия на определенные круги стало известно, что еще в начале 50-х годов Вашингтон в рамках НАТО готовил вооруженное вмешательство, чтобы помешать приходу в правительство коммунистической партии. В «совершенно секретном» меморандуме Совета национальной безопасности, попавшем в печать, по этому поводу указывалось, что США «должны продолжать в полной мере использовать свои политические и экономические ресурсы, а также военную мощь для оказания помощи Италии» в борьбе с коммунистическим движением в стране и недопущения перехода ее на «позиции нейтралитета».

Начало «традиции» вмешательства США во внутреннюю жизнь Италии относится к первым послевоенным годам, в силу того что еще на заключительном этапе второй мировой войны Вашингтону стало ясно: коммунисты и социалисты, которые играли наиболее активную роль в движении Сопротивления, станут важным фактором и в послевоенной политической жизни. Поездка тогдашнего лидера ХДП и премьер-министра Де Гаспери в США ровно 30 лет назад ознаменовала собой первый открытый акт вмешательства Соединенных Штатов. По команде из-за океана Де Гаспери исключил из правительства коммунистов и социалистов и пошел на парламентские выборы при полной поддержке США. Недавно газета «К о р р ь е р а д е л л а с е р а» в специальном приложении воспроизвела предвыборные плакаты того времени. Один из них гласил: «Умные люди голосуют за Де Гаспери, получившего бесплатную муку от Америки для спагетти и даже соус к ним». За эту подачку Италия расплачивается до сих пор попранием своего суверенитета. И все эти тридцать лет вмешательство в ее внутренние дела осуществлялось Вашингтоном через руководство христианско-демократической партии, которое находилось у дяди Сэма на положении содержанки. Главным орудием вмешательства было Центральное разведывательное управление.

«Тайное финансирование Центральным разведывательным управлением христианских демократов в Италии, согласно сообщениям, достигло 3 миллионов долларов в год в конце 50-х годов», — подводила итог «Нью-Йорк таймс». Правительство США утверждало, что оно прекратилось в 1967 г. Однако правомерность этого заявления многие поставили под сомнение, когда крупнейшая нефтяная компания Соединенных Штатов «Эксон корпорейшн» сообщила в июле 1975 г., что она передала итальянским политическим партиям в период с 1963 по 1972 г. 46—49 млн. долл. Дополнительные средства предоставлялись ею через компанию «Эссо итальяна». «Мобил ойл корпорейшн» призналась, что ее пожертвования итальянским политическим партиям составляли с 1970 по 1973 г. более 500 тыс. долл. ежегодно. Во время передачи теле новостей по программе Си-Би-Эс в декабре 1975 г. было сказано: на проведение парламентских выборов в Италии в 1972 г. ЦРУ истратило 10 млн. долл.

Архивные материалы государственного департамента, обнародованные в феврале 1976 г., свидетельствовали о том, что ЦРУ оказало помощь антикоммунистам на выборах в Италии после того, как президент Гарри Трумэн в 1948 г. одобрил рекомендацию, гласящую, что Соединенные Штаты в полной мере используют свою политическую, экономическую и, если потребуется, военную мощь, чтобы предотвратить «захват власти коммунистами». В этих документах речь шла об «активной борьбе с коммунистической пропагандой в Италии с помощью эффективной американской информационной программы и всех других средств» и «продолжении оказания помощи христианским демократам и другим антикоммунистическим партиям».

Поправка к принятому американским конгрессом закону о помощи иностранным государствам от 1974 г. гласила, что никакие средства не могут быть израсходованы ЦРУ или от имени ЦРУ на тайные операции, «если только президент не сочтет, что каждая такая операция имеет важное значение для национальной безопасности Соединенных Штатов»,

сообщив об этом наблюдательным комиссиям конгресса.

Как показали последующие события, вследствие успеха Компартии Италии сначала на местных выборах в 1975 г. и особенно на всеобщих в июне 1976 г. секретные службы США активно «взялись за прошлое». Сигнал для этого был дан из Белого дома.

В начале сентября 1975 г. президент Форд поручил своим сотрудникам безотлагательно рассмотреть «итальянский вопрос». Была создана специальная «рабочая группа», которой поручили представить на рассмотрение свои предложения. В ее состав вошли несколько советников президента, высокопоставленные сотрудники государственного департамента, представители Пентагона и крупнейших секретных служб — ЦРУ и Агентства национальной безопасности. Об этом сообщала «В а ш и н г т о н п о с т». Перед «рабочей группой» были поставлены три цели: определить, что происходит в итальянской политике и как это может сказаться на равновесии в Европе и в Средиземноморском бассейне; разработать эффективную стратегию, чтобы укрепить южный фланг НАТО; покончить с серьезными разногласиями, которые возникли «по итальянскому вопросу» среди руководителей Соединенных Штатов.

Италия для США и НАТО стала «не только важной, но и решающей», откровенно заявил тогда в выступлении по телевидению представитель американского президента, напомнив о том, что на южном фланге две ключевые страны (Франция и Греция) уже не входят в военную организацию НАТО, а еще на две (Португалия и Турция) «нельзя полагаться».

«Совет национальной безопасности во главе с Киссинджером был единодушен только в одном, — писал о совещании у Форда миланский журнал «Т е м п о», — а именно: «итальянский вопрос» имеет большое значение; что же касается анализа причин, определения целей и стратегии, то возникли очень бурные споры между военными и «политиками», между ЦРУ и Агентством национальной

безопасности, между «ястребами» и «голубями».

Из двух течений, на которые делится американская правящая группа с точки зрения оценки «итальянской проблемы», по мнению журнала, первое описывает ситуацию в сухих и грубых выражениях: Италия — это одно из слабых звеньев атлантической цепи; Соединенные Штаты не могут позволить себе «потерять» Италию и, следовательно, должны действовать решительно, чтобы дать отпор коммунистической угрозе, которая возникла после успеха «красных» на выборах. Какими средствами? Вмешавшись более непосредственно с помощью нажима, рекомендаций, финансирования «дружественных итальянских сил», реорганизовав проамериканский фронт на случай решающей схватки, наметив и подготовив некоторые «выходы» на тот случай, если приближение коммунистов к зоне власти будет безостановочно продолжаться.

У «сторонников жесткой линии» в отношении Италии, отмечал «Т е м п о», оказалось много союзников: все правое крыло республиканской и демократической партии (о чем свидетельствует беспокойство по поводу успехов коммунистов, выраженное расистом Уоллесом, сенатором Голдуотером, а также таким «ястребом», как сенатор-демократ Джексон), сионистские организации, убежденные в том, что Италия, сдвинувшаяся влево, еще больше ослабила бы позиции государства Израиль. И наконец, транснациональные корпорации, испугавшиеся результатов выборов и решившие прибегнуть к угрозе прекращения своей деятельности в Италии, чтобы повлиять на политическую обстановку в период спада и безработицы. Начиная с весны 1975 г. эта группировка действовала очень решительно.

Как сообщала американская печать, ЦРУ с 1976 г. передало по крайней мере 6 млн. долл. в форме тайных платежей наличными «отдельным антикоммунистическим политическим руководителям Италии», пытаясь помешать новым победам коммунистической партии на национальных выборах. Это, естественно, не осталось секретом от

итальянской общественности. И римская газета «Мессаджеро» подвела печальные итоги:

«Сейчас во всей этой серьезной истории можно уже выделить следующие факты: во-первых, американцы официально признают, что махинации ЦРУ, направленные на то, чтобы с помощью подкупа руководить деятельностью антикоммунистических партий в Италии, постоянно осуществляются с 1948 года (с коротким перерывом в 60-х годах); во-вторых, после выхода Греции из военной организации НАТО (в августе 1974 года. — *Авт.*) и событий в Португалии Италия стала для Соединенных Штатов своего рода Вьетнамом, и на нее, считают они, нужно оказывать всяческое давление, чтобы обеспечить американские интересы; в-третьих, деятельность ЦРУ на Апеннинах не только подтверждает, что США по-прежнему относятся к Италии как к своей «колонии», но и представляет собой настоящую провокацию с целью дискредитировать политические силы, борющиеся за новую форму правления в Италии. Закулисные махинации ЦРУ в Италии окончательно развеяли миф о так называемом оборонительном характере НАТО».

Попытка диктата по отношению к назависимой и суверенной стране, предпринятая Соединенными Штатами в январе 1978 г., подтверждает сказанное выше.

Однако Италия не является «одиноким избранницей». Тенденциозные встречи президента Картера в Париже в начале января 1978 г. во время турне по ряду стран, а также его заявления, направленные на подрыв единства левых сил, явились актом беспардонного вмешательства во французские внутренние дела в канун всеобщих выборов, вызвавшего отповедь компартии, с одной стороны, и критические высказывания президента Жискара д'Эстэна — с другой.

Но Соединенные Штаты не только оказывают открытый нажим с целью не допустить коммунистов к управлению Францией, но и организовали, пренебрегая всеми нормами международного права, систему шпионажа за руководящими работниками

ФКП и сотрудниками аппарата ЦК. Дело дошло до того, что американские секретные службы установили вокруг штаб-квартиры ЦК ФКП в Париже систему постоянной слежки. При этом тратятся весьма крупные денежные средства и в ход пускаются хитроумные технические приспособления.

Каждый день с утра до вечера на площади Полковника Фабьена автомашины въезжают и выезжают из гаража, расположенного под зданием Центрального Комитета ФКП. И каждый день подозрительные «прохожие» шныряют туда и сюда по площади, фотографируя или записывая номерные знаки этих автомашин. Съёмка ведется аппаратами, спрятанными в специальные чемоданчики с отверстиями для объектива, рассказывал французский журналист А. Герен.

Занимаясь сбором информации, люди ЦРУ никогда не забывают «святого» правила: «Твой лучший слуга — ты сам». Поэтому они предприняли множество попыток установить микрофоны как в здании ЦК, так и на квартирах некоторых руководителей Французской компартии.

Так, весной 1976 г. владельцы некоторых жилых домов в пригородах «красного пояса» столицы, где живет большинство руководителей ФКП, получили одновременно письма аналогичного содержания на бланках различных иностранных фирм: «Наша компания готова купить или арендовать квартиры и небольшие особняки в пригородах европейских столиц с целью обеспечить жильем наших сотрудников, направляемых за границу на стажировку. Нам стало известно, что принадлежащая вам квартира на улице... в пригороде... свободна. Просим уведомить нас о возможности приобретения или найма этого помещения. В случае вашего согласия с вами свяжется один из наших уполномоченных...»

Таким образом был подписан не один контракт, причем на условиях, весьма выгодных для домовладельцев. И заокеанские разведчики селились по соседству с интересующими их людьми.

Используют они и такие апробированные методы, как подключение к телефонным линиям и уста-

новка микрофонов в автомобилях. Так, стоянка, где находилась машина одного из секретарей ЦК, в течение нескольких недель была объектом особого внимания сотрудников ЦРУ. Они выяснили марку замков на дверцах, с тем чтобы подобрать к ним ключи и поставить «клопа». Регулярно «проверяются» почтовые ящики, с корреспонденции снимаются копии. А вот еще одна деталь, которая кажется взятой из дешевого детективного романа: миниатюрные микрофоны были вмонтированы в рекламные пепельницы, которые должен был принести в здание ЦК ФКП один из уборщиков, но в последний момент «подвел».

Несмотря на подобные неудачи, персонал отделения ЦРУ в Париже, проводящий операции против французских коммунистов, достаточно квалифицирован. Во-первых, это рядовые агенты, которые осуществляют так называемый нулевой цикл поисков. Как правило, они не французы и не американцы, а чаще всего граждане Бельгии и ФРГ, для «прикрытия» которых используются такие профессии, как коммивояжер или агент по продаже недвижимости.

Вторая группа — те, кто дает агентам указания и принимает от них собранный материал, — это американские граждане, кадровые работники ЦРУ, как всем известно, командированные за границу в большинстве случаев под дипломатическим «прикрытием». Парижская «Л и б е р а с ь о н» в 1977 г. опубликовала даже список из 44 фамилий ответственных сотрудников ЦРУ, действующих под прикрытием дипломатических званий в посольстве Соединенных Штатов в Париже.

Третья группа — это люди, о которых бывший агент ЦРУ Филипп Эйджи пишет, что они занимаются «сугубо специальной работой и выезжают обычно только туда, где необходимо их мастерство и умение». Причем, как только миссия выполнена, тотчас исчезают. Какова же эта «работа»? В этом конкретном случае — «зондирование» стен с помощью радиолокаторов для последующего сверления их бесшумными сверхтонкими газовыми сверлами с целью установки микрофонов и подключе-

ния к телефонным линиям для подслушивания разговоров.

Об одном из таких «специалистов» некое «должностное лицо» сказала, смеясь, агенту:

— Он очень силен, ему довелось работать в «Уотергейте»!

Любопытен еще и тот факт, что сам процесс обучения агентов и контроль за их деятельностью тоже происходят прямо во французской столице. Обучение включает в себя как практический курс по ведению слежки, с показом соответствующих фильмов, так и теоретический, с проработкой тем. «Почему надо бороться против коммунизма» и — словно в издевательство над здравым смыслом — «Американская демократия».

В январе 1978 г., как раз тогда, когда стало известно, что премьер-министр Португалии Мариу Соареш начал консультации о формировании правительства с участием представителей его собственной социалистической партии и консервативной, несмотря на название, партии социально-демократический центр, мало кто обратил внимание на то, что посол США в Лиссабоне Фрэнк Карлуччи переводится в Вашингтон в связи с назначением на руководящий пост в Центральное разведывательное управление. А он пробыл в Португалии чуть больше трех лет. Так подтвердилась правота португальских коммунистов, которые протестовали против назначения в их страну этого «резидента ЦРУ». Судя по новому назначению, в Вашингтоне сочли, что «мавр сделал свое дело, мавр может удалиться...».

«Наконец-то взяли верх те, кому следовало!» — так озаглавил журнал «Т а й м» свою статью о событиях в Португалии 25 ноября 1975 г. Эта фраза, приписанная некоему «западному дипломату», очень точно выражала то чувство облегчения, которое испытали официальные круги Вашингтона. Победа так называемых «умеренных» служила оправданием тщательнейшим образом разработанной в Соединенных Штатах политики, направленной, как об этом заявил тот же «Т а й м» несколько ранее в статье «Красная угроза в Пор-

тугалии», на «создание заслона на пути левых сил».

«Революция гвоздик» 25 апреля 1974 г. в Португалии, по мнению Вашингтона, означала угрозу для глобальной стратегии США, позиция которых уже и без того пошатнулась в Азии и на Ближнем Востоке, тем более что, как объяснили конгрессу руководители ЦРУ, разведывательные службы недооценили риск свержения режима Каэтану, который до последнего своего часа пользовался американской поддержкой.

Американским политическим деятелям стоило немалых трудов определить, какова должна быть реакция Вашингтона в случае участия Португальской коммунистической партии в правительстве. Государственному секретарю Киссинджеру эта перспектива представлялась столь немыслимой и неприемлемой, что он считал необходимым действовать жестко, добиваясь остракизма левых и изоляции португальской революции. Меры, к которым он считал необходимым прибегнуть, были того же плана, что и предпринятые ранее в Чили против правительства Альенде.

Но против подобного плана выступило несколько высокопоставленных должностных лиц правительства, полагающих, что усилия надо сосредоточить на поддержке антикоммунистических сил, которые, «если друзья им помогут», сумеют утвердиться. Ратуя за политику помощи, тайной и открытой, они основывались на результатах некоторых зондажей мнений в самой Португалии, которые показали, что подражание чилийскому образцу могло привести к результатам, противоположным ожидаемым, и даже, возможно, способствовать успеху ПКП. В конце концов победила именно эта линия, хотя в сущности обе концепции диктовались одним стремлением: бороться против португальской революции.

Как свидетельствует американский профессор Дэниэл Шехтер в статье, опубликованной во французском журнале «М о н д д и п л о м а т и к», первой задачей Вашингтона стал сбор надежных сведений, второй — поиск средств, могущих ока-

зять влияние на ситуацию. Выбирать методы должны были ЦРУ и государственный департамент. Две недели спустя после 25 апреля 1974 г. США направили в Португалию своего наиболее известного специалиста по вмешательству в дела профсоюзов Ирвинга Брауна, представителя профобъединения АФТ-КПП, который после второй мировой войны

— А теперь в какую часть света ты отправляешься для защиты свободы и демократии?

провел в европейских и африканских странах целую серию антикоммунистических акций, финансировавшихся ЦРУ. Заместитель директора ЦРУ Вернон Уолтерс появлялся в Лиссабоне в мае, в июне и еще по крайней мере один раз — в сентябре. С учетом информации, собранной разведывательными службами, они обрисовали ситуацию, которую никак нельзя было признать блестящей: левые брали верх, центр был слаб, а правые обратились в бегство; кроме того, влияние Соединенных Штатов было ограниченным. Вашингтон отреагировал быстро. Киссинджер отозвал американского посла Стюарта Нэша Скотта, пробывшего на этом посту меньше года, упрекнув его в «мягкости позиции, занятой перед лицом возрастающего влияния коммунистов». Инспекционная бригада

госдепартамента из четырех облеченных широкими полномочиями представителей прибыла в Португалию с миссией составить доклад лично для государственного секретаря. Был назначен новый посол, владеющий португальским языком, — Фрэнк Карлуччи, тот самый, о котором уже шла речь выше, специалист по «управлению» кризисами, участвовавший в организации американского вмешательства в Конго и Бразилии.

Секретный правительственный «Комитет 40» провел в Вашингтоне в конце 1974 г. ряд совещаний, одоблив план действий, и Киссинджер поручил осуществление его Центральному разведывательному управлению.

«Португальские правые партии, вынужденные уйти в тень ввиду отношений, которые многие из их руководителей поддерживали с прежним режимом, были в числе тех, кто получил денежную помощь, — говорится в статье Д. Шехтера. — В конце 1974 года Киссинджер, видимо, еще сомневался в том, что небольшая португальская социалистическая партия и ее лидер Мариу Соареш способны победить в политической битве против левых сил». Однако ставка на него была сделана. Спустя несколько недель «Нью-Йорк Таймс» и «Ассошиэйтед Пресс» сообщили, что ЦРУ вот уже в течение некоторого времени ежемесячно выделяло более 10 млн. долл. на укрепление определенных португальских сил, включая и социалистическую партию. Американские официальные лица имели в виду эти группировки, когда ссылались на «демократические силы», или просто на «умеренных». Социалисты стали первыми, кто получил эту помощь через посредство политических партий Западной Европы, которые присоединили к ней свою собственную долю, и немалую. Правые партии тоже получили поддержку извне. В их числе был и социально-демократический центр, деятели которого в начале 1978 г. вошли в правительство социалиста Соареша.

Как известно, в марте 1975 г. в Португалии была предпринята попытка государственного переворота. Во главе путчистов стоял генерал Спинала.

Американский журналист Тэд Шульц, работавший в Лиссабоне, сообщал: заговор Спинолы был заранее известен ЦРУ, которое продолжало поддерживать с генералом отношения и после его бегства из Португалии. Еще одним каналом борьбы против левых сил была церковь, использовавшая помощь американских секретных служб для организации антикоммунистических выступлений на севере страны.

«ЦРУ поддерживало широкие контакты с некоторыми группировками на севере Португалии, где разъяренная толпа сжигала и разносила помещения коммунистической партии. Неизвестно, финансировало ли ЦРУ эти бунты, зато известно, что ЦРУ смогло проникнуть в некоторые консервативные организации через католическую церковь», — писал Т. Шульц в «Нью-Йорк таймс».

Использовался и еще один немаловажный рычаг давления. Пока ПКП играла важную роль в правительстве, американская помощь Португалии оставалась на минимальном уровне — 25 млн. долл. на 1975 бюджетный год. Соединенные Штаты открыто дали понять, что критерием для выделения кредитов служили политические перемены. Девять стран Европейского экономического сообщества прибегли к таким же обещаниям помощи и на тех же условиях. Какие перемены — не трудно догадаться.

...В соседней Испании правительство Соединенных Штатов последний год не ознаменовало свое вмешательство открытым скандалом. Однако это не значит, что агентура ЦРУ получает там жалование ни за что. Мадридский журнал «Камбио-16» в одной из своих статей описывает «нормальную» деятельность органов американской разведки на испанской земле: «На самых верхних этажах здания, где размещается американское посольство в Мадриде, за надежными дверями отдела политических связей, как его именуют здесь, руководитель центра ЦРУ в Мадриде Роберт Гэхэген и люди из его «группы тайных операций» внимательно следят за ходом событий в Испании в эру, начало которой положила смерть Франсиско Франко. После фиаско в Юго-Восточной Азии и

в условиях постоянных неурядиц на Ближнем Востоке картина, которую наблюдает и внимательно анализирует Гэхэген, приобретает огромное значение для американцев. Они рассматривают недавние события в Испании как составную часть процесса, который, протекая на всем протяжении района от Турции до Португалии, может создать весьма серьезную угрозу их интересам».

Люди Гэхэгена систематически поддерживают контакты с представителями самых различных испанских политических кругов, начиная с «бункера», как называют группу, входившую в ближайшее окружение Франко. Многие из них регулярно являются с визитами в посольство США в Мадриде, хотя кое-кто предпочитает проводить такие встречи в других местах... Посольство щедрой рукой рассылает приглашения политическим деятелям, журналистам и умеренным деятелям оппозиции. Им предлагают посетить США в рамках «международной программы визитов».

Ну, а что произойдет, если «поборники демократизации» и умеренная оппозиция не смогут сдержать политическое брожение? Что случится, если по стране прокатится мощная волна забастовок и коммунисты войдут в какое-то коалиционное правительство?

Эти вопросы ставит «К а м б и о - 16» и отвечает: по общему мнению, ответом на это будет вмешательство той или иной группы военных. Судя по всему, военные атташе в посольстве США поддерживают тесные контакты с военными органами и органами безопасности в Испании, а ведь все эти атташе — сотрудники разведывательного управления Пентагона, которое конкурирует и сотрудничает с ЦРУ. Кроме того, у Соединенных Штатов имеются широкие программы сотрудничества и военного обучения, и, по сведениям из хорошо осведомленных источников, американцы стараются использовать эти программы для установления контактов с влиятельными испанскими военными, а также для того, чтобы в меру своих возможностей помочь этим военным продвинуться по службе и занять еще более видное положение.

Как же оценивает журнал ситуацию?

«В Чили ЦРУ приложило руку ко всему, начиная с провоцирования забастовок и кончая актами террора. В Испании это ведомство может попытаться сделать что-то другое, но, какими бы ни были его «грязные махинации», они по-прежнему будут направлены на то, что Киссинджер называл «дестабилизацией» организаций левого толка, которая на верхних этажах здания американского посольства в Мадриде остается своего рода «фирменным блюдом»».

...В декабре 1977 г. всеобщие выборы в Австралии принесли во второй раз подряд победу коалиции либеральной и аграрной партий. Лидер лейбористов Гоф Уитлем вынужден был уйти с поста руководителя партии, что для человека, которому идет седьмой десяток, возможно, означает конец политической карьеры. А надломилась она в ноябре 1975 г. в результате «конституционного переворота». Как утверждает «М о н д д и п л о м а т и к», ответственность за него несет Центральное разведывательное управление США, у которого в числе «своих» людей значится генерал-губернатор Австралии Джон Керр, уволивший в отставку Г. Уитлема.

«Самым убедительным доказательством американского вмешательства может служить роль, которую сыграл в этом деле некий Ричард Ли Столлингс», — писал журнал. В разгар политической борьбы, предшествовавшей «конституционному перевороту», премьер-министр Г. Уитлем публично обвинил Дугласа Антони, лидера аграрной партии в австралийском парламенте, в том, что в число его личных друзей входит Столлингс, гражданин США и официальный сотрудник Центрального разведывательного управления в Австралии, который с 1966 по 1967 г. возглавлял американскую сверхсекретную базу связи в центральной части страны.

Со стороны госдепартамента, естественно, последовало опровержение, и, чтобы привлечь к нему внимание, Антони обратился к премьер-министру с запросом. Три дня спустя руководитель австралийской Организации разведки и безопасности

получил в Канберре от своего представителя в Вашингтоне телеграмму, где сообщалось о полученном от ЦРУ предостережении: последние события в Австралии поставили «под угрозу» соглашения, заключенные между Австралией и США, об обмене разведывательной информацией. Тогда же стала известна и другая деталь телеграммы: Столлингс был на самом деле агентом «большого брата» ЦРУ — Агентства национальной безопасности, и его разоблачение поставило бы под угрозу других его «коллег». Об этом сообщила потом газета «О с т р э л и е н ф а й н э н ш л р е в ь ю».

11 ноября Г. Уитлему предстояло ответить на запрос о роли Столлингса. Однако еще до того, как он смог высказаться по этому поводу, генерал-губернатор принял решение об отставке правительства лейбористов.

Секретные службы США тревожило нечто большее, чем возможные разоблачения роли американских агентов, действующих в Австралии, пишет «М о н д д и п л о м а т и к». База в Пайн-Гэп, которую иногда называют самой главной американской базой связи за пределами Соединенных Штатов, является важным элементом в глобальной стратегии США. Многие в Австралии связывают ее с усилиями США по созданию ядерной мощи, необходимой для нанесения «упреждающего удара».

В комментариях прессы по поводу отставки правительства Уитлема появлялись предположения о том, что ответ премьер-министра на вопрос, поставленный Антони, раскрыл бы такие подробности о деятельности базы Пайн-Гэп, которые до сих пор держались в строжайшем секрете. Однако официальным поводом для смещения Уитлема и роспуска его правительства был кризис, вызванный блокированием со стороны либерально-аграрной оппозиции проекта бюджета в австралийском сенате.

«Хирургическая операция» ЦРУ в Австралии выглядела просто великодушным жестом по отношению к премьер-министру, «посвятившему» на «законные интересы» США. Ведь его убрали только со своего поста, а могли бы — и из жизни, тем

более что по этой части у Центрального разведывательного управления накопилась изрядная практика. А так как тайна о заговорах рыцарей «плаща и кинжала» из Лэнгли (штаб-квартира ЦРУ под Вашингтоном) постепенно становилась общим достоянием, пришел день, когда за очередное расследование пришлось засесть сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов. Опросив несколько десятков тысяч человек и проверив немало документов, эта «гора родила мышь». Доклад «Обвинения в заговорах с целью убийства деятелей иностранных государств», естественно, не мог не содержать хотя бы минимума фактов, однако в значительной части был написан языком Эзопа, чтобы прикрыть суть — прикрыть и тут же очень многословно и торжественно откреститься от прошлого, десятки раз воскликнув: «Тур меня, чур!» И тем не менее черным по белому пришлось записать: ЦРУ организовывало заговоры. Их цель — убийство неугодных государственных и политических деятелей иностранных государств. И официальный Вашингтон считал это нормальным методом ведения внешней политики.

«Рассмотренные факты показывают, что Соединенные Штаты действительно были причастны к нескольким заговорам с целью убийства, — начинает комиссия вынужденные признания. — Чтобы пустить расследование обвинений в убийствах в правильном направлении, необходимо внести ясность в два момента. Во-первых, нет никакого сомнения в том, что правительство Соединенных Штатов выступило против различных деятелей, о которых идет речь. Должностные лица на самом высоком уровне были настроены против режимов Кастро и Трухильо (диктатор Доминиканской республики. — *Авт.*), считали, что приход Альенде к власти в Чили причинит ущерб американским интересам, и усматривали в Лумумбе опасную силу в сердце Африки.

Во-вторых, материалы и свидетельские показания относительно убийств необходимо анализировать в общем контексте другой, более широкой деятельности против правительств, о которых идет

речь. Так, например, заговоры лично против Фиделя Кастро нельзя понять без анализа недвусмысленно санкционированных всесторонних выступлений против его режима, таких, как вторжение в залив Кочинос в 1961 году и операция «Мангуста» в 1962 году».

Однако после этого — выгораживание президентской власти с помощью туманной фразеологии, преследующей одну цель — свалить все на исполнителей: «Как только выбор остановлен на методах принуждения и насилия, всегда существует вероятность потери жизни. Однако есть весьма существенная разница между рассчитанным, сознательным и намеренным убийством того или иного иностранного деятеля и другими формами вмешательства в дела зарубежных стран».

Комиссия пришла к выводу, что система административного командования и управления была «настолько двусмысленной», что «трудно» с уверенностью говорить о том, на каких уровнях было известно о попытках убийства и на каких уровнях эти заговоры были разрешены. «Эта ситуация наводит на малоприятную мысль о том, что сотрудники государственных учреждений Соединенных Штатов, возможно, принимали участие в организации заговоров с целью убийства даже в условиях, когда не было исчерпывающе ясно, что президенты недвусмысленно санкционируют это. Возможно также, что был успешно использован метод обеспечения возможности «правдоподобного отмежевания», когда президент давал свое согласие, но теперь этот факт невозможно твердо установить».

И на этом фоне как-то незаметно проскальзывает вывод: «Независимо от того, знал ли каждый из соответствующих президентов об этих заговорах или санкционировал их как глава исполнительной власти в Соединенных Штатах, каждый из них должен нести в конечном счете ответственность за действия своих подчиненных».

Когда же был дан сигнал: «Все средства хороши»?

На своем заседании в декабре 1947 г. только что созданный тогда Совет национальной безопасности

принял совершенно секретную директиву, которая уполномочивала ЦРУ на проведение тайных операций. В этой директиве Совет национальной безопасности поручал ЦРУ противостоять «международному коммунизму», способствовать его ослаблению и дискредитировать его повсюду в мире методами, которые находятся в согласии с внешней и военной политикой Соединенных Штатов. Он также предложил ЦРУ приступить к проведению тайных операций для достижения этой цели и определил их как «тайную деятельность, имеющую отношение к пропаганде, экономической войне, политическим действиям (включая диверсии)» и т. п.

...Получило независимость Конго, и ЦРУ начало действовать. Как констатируется в докладе, «тайная служба ЦРУ разработала заговор с целью убийства Лумумбы. Этот заговор привел к отправке смертоносных препаратов и орудий, специально предназначенных для использования с целью убийства, в резидентуру ЦРУ в Конго».

...Победила революция на Кубе, и снова молодчики из Лэнгли взялись за работу: «Мы обнаружили конкретные свидетельства существования по меньшей мере восьми заговоров с участием ЦРУ с целью убийства Фиделя Кастро в период с 1960 по 1965 год. Хотя некоторые из заговоров с целью убийства не пошли дальше планирования и подготовки, один из этих заговоров, который был связан с использованием услуг представителей преступного мира, как стало известно, дважды доходил до этапа отправки на Кубу отравленных таблеток, равно как и групп для совершения покушения. Другой заговор был связан с предоставлением оружия и других средств умерщвления кубинскому диссиденту. Предлагавшиеся средства умерщвления носили самый разнообразный характер, начиная от специальных винтовок и отравленных таблеток и кончая отравленными ручками, смертоносным бактериологическим порошком и другими изощреннейшими средствами».

4 сентября 1970 г. Сальвадор Альенде собрал на президентских выборах в Чили больше голосов, чем любой другой кандидат. В Вашингтоне пришли

в ужас. Доклад комиссии свидетельствует об оперативной реакции: «15 сентября 1970 года президент Ричард Никсон довел до сведения директора ЦРУ Ричарда Хелмса, что для Соединенных Штатов неприемлем приход к власти в Чили правительства во главе с Альенде. Президент Никсон предложил ЦРУ взять на себя прямую роль в организации военного переворота в Чили, чтобы не допустить вступления Альенде на пост президента».

Одним из важнейших препятствий, на которые в Чили натолкнулись заговорщики, было решительное возражение против переворота прежде всего со стороны главнокомандующего армией генерала Рене Шнейдера, который настаивал на соблюдении конституционного процесса и передаче власти в руки законного президента. «Поскольку генерал Шнейдер столь твердо стоял на конституционных позициях, его отстранение стало совершенно необходимым аспектом планов переворота, разработанных чилийскими заговорщиками, — констатирует доклад. — Безуспешная попытка похищения была предпринята 19 октября 1970 года группой чилийских офицеров, которых активно поддерживало ЦРУ. Вторая попытка похищения была предпринята на следующий день, но опять-таки безуспешно. Рано утром 22 октября 1970 года ЦРУ передало автоматы и патроны группе, которая потерпела неудачу 19 октября. В тот же день генерал Шнейдер был смертельно ранен во время попытки похитить его, когда он направлялся на работу».

Всему миру хорошо известна и трагическая судьба самого Альенде. И человечество не забудет, что ЦРУ, действовавшее во исполнение воли Белого дома, готовило вместе с фашистской хунтой Пиночета кровавый переворот, подлое убийство.

Как свидетельствовала нью-йоркская газета «Виллиджвойс», Белый дом противился публикации этого доклада. Ставил он палки в колеса и другой комиссии, назначенной палатой представителей, которая пыталась проверить финансовую сторону деятельности шпионского сообщества США. Когда доклад был все-таки составлен, его

подвергли цензуре и запретили публиковать. Однако кое-какие данные просочились, чтобы раскрыть секрет полишинеля: ЦРУ и другие ведомства разведки пользуются средствами бесконтрольно, ибо конгрессу, призванному, согласно конституции, утверждать бюджет, о расходах на шпионаж внутри страны и за ее пределами просто-напросто правительство не сообщает. Как признала комиссия, по ее запросу Административно-бюджетное управление «впервые в истории нашей страны» подсчитало внутренние расходы федеральных ведомств на разведывательные цели. Сумма оказалась в 5 раз выше той, которую приводили их сотрудники в своих показаниях... комиссии конгресса.

Шокирующие факты вызвали, как и следовало ожидать, двойственную реакцию: со стороны высших должностных лиц правительства США — заверения, что, дескать, с эксцессами раз и навсегда покончено (аналогичные заявления делаются каждый раз, когда вскрывается очередное преступление против законности со стороны правительственных органов), а со стороны американской и международной общественности — яростную критику. С серьезной аналитической статьей выступил, в частности, американский журналист Лесли Гелб в воскресном приложении нью-йоркской газеты — «Нью-Йорк таймс мэгэзин», которая частично воспроизводится.

«В результате многочисленных расследований в конгрессе США и в печати деятельности Центрального разведывательного управления эта организация предстала в глазах многих американцев в новом и зловещем свете. Люди, которые посвятили свою жизнь этой анонимной державе — Ричард Хелмс, Уильям Колби, Томас Карамессинс, Джеймс Энглтон, — все получили возможность выступить перед страной по телевидению, и нужно сказать, что выглядели они при этом довольно скверно. Да и не так-то просто произвести хорошее впечатление, когда тебе приходится оправдывать незаконные взломы, вскрытие писем, использование змеиного яда и яда морских животных, связи с мафией, заговоры с целью свержения иностран-

ных правительств и убийств зарубежных политических деятелей. Былое беспокойство, вызванное обвинениями ЦРУ в безответственности и фанатизме, усугубилось общим впечатлением, будто временами оно предстает перед нашим взором как некое чудовище, вышедшее из-под управления».

Тайные операции ЦРУ включают множество разных акций: поддержание особых отношений с ведущими политическими деятелями вроде тех, которые ЦРУ установило с руководителями военной хунты, свергнутой ныне в Греции; подкуп иностранных деятелей, начиная с начальников полиции и кончая главами государств; тайное финансирование избирательных кампаний наряду с использованием «грязных методов» противодействия оппозиционным кандидатам; использование таких организаций, как католическая церковь, профсоюзное объединение АФТ-ЮПП и нефтяные компании, для маскировки собственных операций по передаче денег, оказанию «технической помощи» и поставкам оружия; ведение тайной пропаганды, например с использованием радиопередач и листовок; создание сети зарубежных шпионов; проведение экономических операций, подобных несуразной попытке в начале 60-х годов развалить экономику Кубы, искусственно снизив для этого уровень мировой цены на сахар; наконец, полувоенные акции на разных уровнях в поддержку или, напротив, в целях свержения того или иного правительства. Список операций последнего рода весьма пространен, но в их числе достаточно упомянуть о событиях в заливе Кочинос (Куба), о тайной войне в Лаосе, об убийстве президента Нго Динь Дьема и о заговоре против правительства Мосаддыка в Иране.

Как писал в связи с этим сотрудник Института политических исследований США Ричард Барнет, эти операции являются продуктом великодержавного мировоззрения, «будучи направленными прежде всего против тех обществ, которые наименее способны причинить ущерб Соединенным Штатам, поскольку они менее всего в состоянии оградить

себя от проникновения». Это означает, что они направлены против стран «третьего мира».

«Нью-Йорк таймс мэгэзин» приводит мнение профессора Принстонского университета Ричарда Фалька, который сделал следующее обобщение: «Роль ЦРУ заключается в сохранении у власти репрессивных правительств и в свержении более прогрессивных правительств или создании для них помех».

И автор статьи Лесли Гелб делает такой вывод: «Тайные операции приходят в противоречие с высшими принципами международного права в отношении национального суверенитета. Мы не терпим и никогда не потерпели бы, если бы другие попытались поступать подобным образом с нами». Применительно же к другим странам Устав ООН, с точки зрения правящих кругов Соединенных Штатов, оказывается не более чем бумажкой, с которой можно не считаться.

На вершине пирамиды разведывательного аппарата США находятся президент и Совет национальной безопасности. Решения относительно проведения тайных операций принимает так называемый «Комитет 40» во главе с советником президента по делам национальной безопасности, объединяющий группу должностных лиц на уровне заместителей министров, которые представляют все основные министерства и ведомства. Правой рукой президента в Совете национальной безопасности является директор Центрального разведывательного управления, на которого возложена также ответственность за координирование деятельности всех секретных служб.

Как утверждает «Нью-Йорк таймс мэгэзин», штат сотрудников ЦРУ насчитывает около 15 тыс. человек. Но это отнюдь не самое крупное по числу сотрудников разведывательное ведомство. Агентство национальной безопасности, которое занимается радиопрослушиванием и расшифровкой радиogramм других стран и ограждением секретности зашифрованной связи американского правительства, насчитывает в своем штате около 20 тыс. человек. Разведывательная служба Пен-

тагона ДИА имеет около 38,5 тыс. человек. Разведка военно-воздушных сил, к которой относится национальное управление воздушной разведки, проводящее в жизнь программы запуска спутников-шпионов, имеет штат около 60 тыс. человек. Кроме того, существуют разведывательная служба военно-морского флота, насчитывающая 10 тыс. человек, разведывательное управление министерства обороны, которое координирует разведывательную деятельность всех видов вооруженных сил и имеет в своем штате 5 тыс. сотрудников, и, наконец, небольшое бюро разведки и исследований государственного департамента, насчитывающее 350 сотрудников.

«Развевая миф, будто ЦРУ представляет собой нечто вроде слона-отшельника, действующего по собственному усмотрению, нужно покончить и еще с одним неправильным представлением, будто в центре обсуждения должен стоять вопрос о том, следует ли Соединенным Штатам вмешиваться во внутренние дела других стран, — пишет «Нью-Йорк таймс мэгэзин». — Такое вмешательство ведется каждый день, и так было всегда. Оно присутствует чуть ли не в каждом акте государства, рассчитанном на международный эффект. Предоставление экономической и военной помощи или отказ в ней; публичные выступления с речами в расчете повлиять на каких-то деятелей и политические курсы; заключение договоров, торговых соглашений и других подобных документов — все это означает регулярное и весьма существенное вмешательство».

Все эти акции — неотъемлемые составные части внешней политики Соединенных Штатов, — политики империализма, нацеленной на установление мирового господства и не раз использовавшей в качестве своего орудия вооруженную силу, как это было в Корее и Доминиканской Республике, в Ливане и во Вьетнаме, в Камбодже и Панаме. Однако во многих местах использование солдат в военной форме было бы чревато слишком большой опасностью или слишком явным, а традиционных дипломатических средств — «слишком ненадежным

и недостаточным». В этих случаях от Западного Берлина до Гватемалы и от Японии до Кубы используется ЦРУ как главное орудие американской внешней политики «холодной войны». «Между миром солдата и миром дипломата наши руководители внедрились в подпольный мир международной дипломатии Центральное разведывательное управление. Но ЦРУ не выходило из-под контроля. Хотя именно управление подвергается самой острой критике за свои тайные акции, практически каждый человек, непосредственно знакомый с этими делами, убежден, что политические цели формулируются не в ЦРУ, а ЦРУ лишь выполняет тайную часть разработанной за пределами управления политики», — справедливо подчеркивается в статье, опубликованной в американском журнале.

Но точно так же, как было бы неправильно возлагать ответственность за американскую роль во Вьетнаме лишь на Пентагон, бессмысленно обвинять только ЦРУ в тех тайных операциях, которые управление проводило на протяжении 30 лет.

«В общем и целом, когда дело доходит до выяснения, кто же несет ответственность за разработку или провал тайных операций, вина ложится не столько на ЦРУ, сколько на политику Белого дома и очень часто также на конгресс», — делает вывод автор статьи.

Итак, конгресс и Белый дом. И конечно, стоящий у них за спиной военно-промышленный комплекс. Другими словами, американский империализм — вот сила, не признающая международного права, государственных границ.

Безусловно, империализм — это не только Соединенные Штаты. Его политика не замыкается только на действиях США. Ведь это и ограбление вчерашних колоний бывшими метрополиями, и вмешательство промышленно развитых капиталистических стран Запада в экономику развивающихся государств с помощью транснациональных корпораций, и военно-финансовая помощь своим марионеткам во имя борьбы против прогрессивных режимов, и посылка белых наемников для ведения открытой войны против сил национально-освобо-

дительного движения, и, наконец, откровенное вооруженное вмешательство.

Мы взяли лишь один аспект. И одну страну. Потому, что эта страна — Соединенные Штаты Америки — олицетворение империализма. Потому что внешняя политика США, в том числе и по отношению к своим союзникам, — концентрированное выражение империализма. Ее стратегическим целям отвечала развязанная империализмом «холодная война». Им же служат безудержная гонка вооружений, в том числе ядерных, и пропагандистские наскоки на СССР и другие страны социализма, против которых организуется одна пропагандистская кампания за другой.

Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве (1969 г.), Леонид Ильич Брежнев указывал, что «одна из самых серьезных опасностей, которую несет империализм народам всего мира, — это угроза новой мировой войны...

Политика авантюр в сочетании с фактом накопления главными империалистическими державами запасов оружия массового уничтожения делает империализм наших дней постоянной угрозой миру во всем мире, угрозой для жизни миллионов людей, для существования целых народов...

Мы полагаем, что было бы огромной ошибкой допустить недооценку военной опасности, создаваемой империализмом, и прежде всего самой главной силой мировой реакции — империализмом США. Нужно, чтобы миллионы людей поняли, что несут человечеству империалистическая политика развязывания войн, существование агрессивных блоков, курс на ревизию сложившихся государственных границ, подрывная деятельность против стран социализма и прогрессивных режимов в молодых национальных государствах. Наша задача — добиваться, чтобы народы не только поняли всю опасность этой политики империалистов, но и умножили свои усилия в борьбе за то, чтобы сорвать агрессивные замыслы империализма»¹.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2, с. 371, 372.

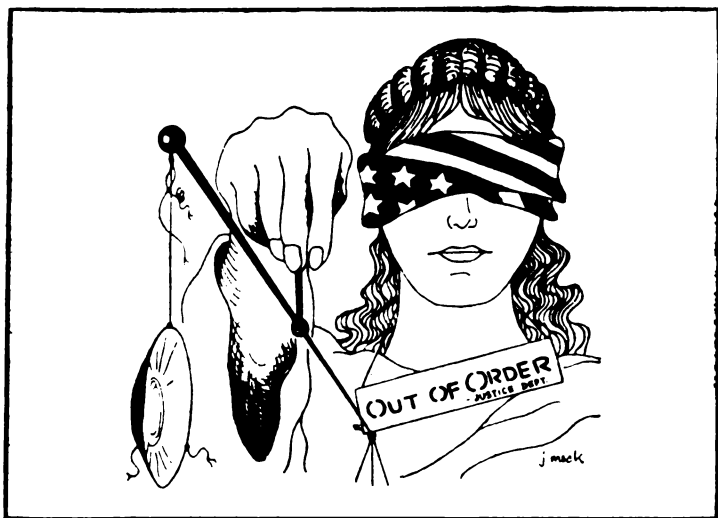
В книге Ричарда Харриса «Утраченная свобода», вышедшей в Бостоне в 1976 г., есть такие слова: «Простая и неоспоримая истина заключается в том, что важнейшие разделы американской конституции, прежде всего гарантии личных свобод, содержащиеся в Билле о правах, соблюдаются редко. Миф о свободе неустанно вдалбливался нам в голову чуть ли не с самого дня рождения, однако реальные свободы неведомы нам и по сей день».

О гарантии личных свобод в «свободном мире» и пойдет наш рассказ.

Древние греки, как известно, изображали Фемиду с повязкой на глазах — так лишней раз подчеркивалась ее беспристрастность. В буржуазном обществе правосудие и беспристрастность — несовместимые понятия. Власть имущие вольны самым наглым образом попирают законы собственной страны (и, как мы уже говорили, не только собственной), при этом они не останавливаются ни перед чем: правительственные органы сыска и подавления систематически и грубейшим образом попирают конституционные права человека, обрекая тысячи людей на гонения, судебный произвол и смерть.

...В один из апрельских дней прошлого года в здании Верховного суда Южной Кореи в Сеуле начался заключительный процесс над подсудимыми, вся «вина» которых состояла в том, что они выступали за скорейшее мирное решение корейской проблемы и принадлежали к Партии объединения. Японская газета «Сэкай» отмечала, что суд вылился в очередной фарс, сфабрикованный марионеточной кликой Пак Чжон Хи. Он длился не более 10 минут. В зале суда не было ни подсудимых, ни защитников. Председатель просто огласил постановление суда, в котором говорилось:

«Принимая во внимание, что неблагонадежные элементы и антиправительственные силы, создав по указке Севера (имелась в виду КНДР.— Авт.) объединенный фронт, пытались совершить коммунистическую революцию, Верховный суд постановляет: подсудимых приговорить к высшей мере наказания».

Когда Фемида поистине слепа

На следующий день в 9 часов утра родственники подсудимых собрались у здания суда. У многих еще теплилась надежда, что столь же чудовищный, сколь несправедливый приговор будет отменен президентом. Однако их ожиданиям не суждено было сбыться: в 10 часов 30 минут по внутреннему радио, установленному в помещении Верховного суда, было объявлено, что подсудимые уже казнены. В толпе раздались рыдания, проклятия. На шум вышел чиновник, объявивший, что родственники могут прийти за телами казненных через сутки.

Прошел день. Безутешные люди снова собрались у здания суда. Пронесся слух, что через зад-

ние ворота выезжает грузовик с телами казненных. Родственники бросились туда. На телах убитых были отчетливо видны следы ужасающих пыток. Впоследствии выяснилось, что подсудимые скончались от пыток еще накануне заключительного процесса...

Экстремальный случай, характерный лишь для диктаторских режимов типа сеульского, пользующегося щедрой поддержкой империалистических кругов США? Увы, это не так. Издающаяся в Париже американская газета «И н т е р н э ш н л г е р а л ь д т р и б ю н» поведала недавно о беззакониях, которые творятся в самих США, на все лады расхваливаемых пропагандистской машиной Запада как «образец демократии».

«По всему Техасу идут разговоры о полицейском произволе в связи с рядом инцидентов (обратите внимание на формулировку «инциденты»! — *Авт.*) с участием представителей полиции, в результате которых погибли несколько американцев мексиканского происхождения» — так начинает свое повествование газета. В мае прошлого года при весьма загадочных обстоятельствах погиб 23-летний Хосе Торрес, который был задержан за «нарушение общественного порядка» в таверне. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что шестеро полицейских, арестовав Торреса, отвезли его в пустынный район возле Бэйоу и жестоко избили. Затем арестованного доставили в полицейский участок, но дежурный сержант отказался принять задержанного, распорядившись отправить его в больницу. Однако вместо этого Торреса снова привезли в Бэйоу и, как показали свидетели, столкнули в воду. Труп Торреса нашли через три дня.

Два других случая также вызвали широкое негодование мексиканской общины Техаса. 20-летний Сантос Родригес из Далласа был убит полицейским Дерилом Кейном, выстрелившим в него, когда тот находился в полицейском фургоне да еще в наручниках. Хуан Суньига скончался от разрыва селезенки и других повреждений внутренних органов в тюрьме округа Худспет в Сьерра-

Бланко, недалеко от Эль-Пасо. Адвокат Сандовал и его коллеги, расследовавшие обстоятельства дела, обвинили окружного шерифа и его помощника в применении к Суньиге незаконных методов физического воздействия. Однако большое жюри штата даже не возбудило судебного дела против шерифа...

Конечно, Техас — это не Сеул, а конечный результат один и тот же. Опять экстремальные случаи? Нет, это система, возведенная в ранг внутренней политики.

Об этом свидетельствует и Терри Колеман, который описывает на страницах английской газеты «Гардиан» судьбу Рузвельта и Хендерсона Уотсон.

...Президент Дж. Картер часто проводит уик-энд в городе Плейнс, штат Джорджия. В 30 км отсюда, в городе Даусон, продолжается суд над «даусоновской пятеркой» — пятью негритянскими юношами, обвиняемыми в убийстве, суд, который со всей убедительностью доказывает, что беззаконие процветает рядом с домом президента США. Фанни Уотсон — мать двоих обвиняемых — просилась на прием к президенту, но ей отказали.

Даусон находится в округе, где около 15 лет назад для занесения в списки избирателей негр должен был доказать свою грамотность. Однажды одному из них было предложено прочитать страницу на китайском языке. Он, естественно, не смог, и ему отказали в праве голоса. В этом же округе были сожжены две негритянские церкви.

18 месяцев назад во время ограбления склада был убит некий Гордон Хоуэлл. Сторож, который присутствовал при этом, в течение нескольких дней не мог вспомнить тех, кто это сделал, но потом он показал на пятерых негров, и они были арестованы. Среди них были два сына Фанни Уотсон — Рузвельт и Хендерсон.

Свидетель Уильям Раккер показал на суде, что лично видел, как полицейский направил на Рузвельта Уотсона пистолет и пригрозил, что пристрелит его и выкинет из машины, если тот не признается в убийстве.

Английский журналист утверждает, что пятерых молодых негров «оговорили». Они обвинены ложно. По его словам, полиция знает, кто на самом деле совершил убийство, но совершивший его человек откупился, и она делает все, чтобы вынудить «даусоновскую пятерку» признаться.

Коррупция и беззаконие стали характерной чертой «американского образа жизни». Как раковая опухоль, они поразили представителей власти, призванных обеспечивать соблюдение законности и правосудия как на местном, так и на федеральном уровне. Разоблачения неблагоприятных, а порой и преступных деяний высокопоставленных лиц следуют в США одно за другим. Очередной скандал разразился в штате Аризона, где царит атмосфера эпохи завоевания американского Запада. Споры по-прежнему решаются силой оружия, а законы нередко оказываются писаными далеко не для всех. Это утверждает нью-йоркский журнал «Т а й м». Привлеченные рассказами о привольной жизни в «солнечном поясе», сюда устремляются не только добропорядочные граждане, но и гангстеры. Преступные махинации процветают, особенно аферы с земельными участками.

Мафия осуществила подлинное вторжение в Аризону. Только в Финиксе и Тусоне ныне проживает 171 известный гангстер; большинство из них переселились сюда в последние 10 лет. В их руках — проституция, подпольный игорный бизнес и контрабанда наркотиков. В сущности Аризона, считает «Тайм», стала главным «коридором» для переправки марихуаны и героина в США из Мексики. Гангстерам удается избежать наказания, поскольку для местной системы правосудия характерны вольная трактовка закона, откровенное взяточничество, элементарная некомпетентность.

Три главные фигуры, заслуживают здесь особого внимания, — это сенатор Барри Голдуотер, один из самых реакционных «отцов-законодателей» США, его брат Роберт, занимающийся застройкой и перепродажей земельных участков, и Гарри Розенцвейг, близкий друг Голдуотеров, уже

много лет возглавляющий в штате комитет республиканской партии.

Сообщения о контактах Барри Голдуотера с гангстерами не раз появлялись в печати. Однажды сенатор вмешался в судопроизводство с целью добиться смягчения приговора преступнику. Против Роберта Голдуотера выдвигались аналогичные обвинения. Более подробно сообщалось о его долгах, которые он наделал, играя в казино. Что касается Розенцвейга, то считают, что он многие годы насаждает в Финиксе проституцию и игорный бизнес. Упоминания о Розенцвейге, известном под кличкой «Бриллиантовый дядюшка», были обнаружены в записных книжках проституток, которыми он «снабжал» заезжих бизнесменов. Разоблачение махинаций известных на всю Америку политиков и бизнесменов, вступивших в союз с мафией, стоило жизни газетному репортеру Дону Боллсу, «раскопавшему» компрометирующие материалы. Нити расследования этого преступления привели к местному магнату, которому удалось с помощью подкупа избежать встречи с Фемидой. Роберт Линдсей повествует об этом в «Нью-Йорк таймс мэгэзин».

...Итак, место действия: столица штата Аризона город Финикс. На Норт-Сентрал-авеню, в доме № 3033 приютился коктейль-бар «Айвенго». Полутемный зал с дешевой отделкой «под старину». Подавляющее большинство завсегдатаев бара — неудачники, поджидающие случая «сорвать банк». Тут могут предложить за определенную цену поджечь дом, доставить контрабандой из Мексики партию наркотиков или серебра, угнать грузовик и сбыть краденое, а то и совершить убийство.

В нескольких милях от «Айвенго», за городской чертой, среди дорогих вилл, живописно разбросанных у подножия Маршмеллоу-хилл, расположен загородный клуб «Райская долина». Это клуб для тех, кто олицетворяет успех в самом быстро растущем городе Америки. Здесь отдыхают «сливки» Финикса — банкиры, адвокаты, торговцы, богатые скотовладельцы, горнопромышленники.

Некоторые члены клуба пользуются широкой известностью, такие, как, например, сенатор Барри Голдуотер, его брат Роберт, их приятель Гарри Розенцвейг или бывший министр юстиции Ричард Клейндинст. На первый взгляд «Айвенго» и «Райская долина» — совершенно разные миры. Но явственная связь между ними обнаружилась 2 июня 1976 г., когда на одной из стоянок Финикса взорвалась бомба.

33-летний Джон Адамсон не принадлежит к кругу посетителей «Райской долины». Он вырос в семье со средним достатком. Окончив школу в 1962 г., поступил в университет Аризоны, где, по утверждению некоторых сокурсников, отличался необычным пристрастием к огнестрельному оружию и склонностью к жестоким издевательствам над новичками. Проучившись три года, Адамсон бросил университет. Одно время он подвизался в качестве страхового агента, потом водил машину «скорой помощи» и катафалк, перепробовал немало других занятий. Но ничего у него не получалось, и он принялся шататься по питейным заведениям вроде «Айвенго». Здоровый парень, ростом под 190 см и весом около 100 кг, обнаружил, что может зарабатывать на жизнь, оказывая за плату определенные услуги (из тех, что требуют применения силы) темным личностям с самого «дна» преступного мира.

Автор статьи в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» рассказывает о том, что утром 2 июня 1976 г. Адамсон сидел на своем обычном месте в «Айвенго». Обычно он ежедневно выпивал бутылку водки, но в тот день заказал лишь клюквенный сок. В 11.36 Адамсона позвали к телефону в баре. Голос на другом конце провода произнес:

— Скажите мистеру Смиту, чтобы он отправился в банк.

— Сделано? — спросил Адамсон.

— Об этом — с глазу на глаз, — последовал ответ.

За несколько мгновений до этого телефонного разговора президент автобусной компании «Грейхаунд лайнз» Джеймс Керриген, сидя в своем ка-

бинете на 16-м этаже штаб-квартиры, услышал, как он вспоминал впоследствии, «сильный глухой удар». Рядом с резиденцией Керригена, на стоянке автомашин у гостиницы «Кларендон», в луже крови возле искореженного белого «дацуна» ничком лежал Дон Боллс, репортер газеты «Аризона рипаблик». В этот день Боллс намеревался отметить восьмую годовщину свадьбы и обещал жене, что сводит ее вечером на фильм «Вся президентская рать», посвященный расследовательской деятельности газетчиков...

После смерти Боллса вокруг его персоны появился ореол блестящего сыщика. Достоверно известно лишь одно: Боллс отличался мужеством и энергией, «копал» глубоко, и на его счету было больше удач, чем поражений. Властям Финикса, отмечает Р. Линдсей, присуща одна примечательная особенность — они всеми силами стараются оградить от судебного преследования банкиров и юристов, руководителей местных компаний по производству стройматериалов и торговцев, крупных скотовладельцев и агентов по продаже недвижимости, одним словом, всех тех, кто оказывается замешанным в комбинациях, стыдливо именуемых мошенничеством «белых воротничков».

Боллс, которому к моменту гибели исполнилось 47 лет, похоже, слишком много знал. На основе фактов, которые он «раскопал», репортер показывал в своих очерках, как гангстеры прибрали к рукам «легальный бизнес» Аризоны. Правда, он нередко жаловался, что редакторы газеты «Аризона рипаблик» отказывались печатать материалы, когда они задевали чересчур влиятельных лиц, однако те его статьи, которые все же появлялись на газетных полосах, давали представление о том, какие темные силы действуют за благополучным фасадом «преуспевающего штата». За это Боллс и поплатился жизнью. Как было установлено, кто-то прикрепил к шасси его автомобиля 6 динамитных шашек и взорвал их на расстоянии с помощью радиопередатчика того типа, которые используются для управления летающими моделями самолетов. Без обеих ног и руки, ам-

путированных в тщетной попытке спасти пострадавшего, Боллс прожил 11 дней. Сразу после взрыва репортер прокричал людям, бежавшим к дымящемуся автомобилю: «Мафия», «Эмпрайс» и «Джон Адамсон». Это были наиболее важные слова, фигурировавшие в ходе расследования преступления.

После телефонного разговора в «Айвенго» Джон Адамсон, речь о котором шла выше, как ни в чем не бывало покинул бар, но в тот же вечер, услышав свое имя в передаче местного радио, он вылетел в город Лейк-Хейвесу специально зафрахтованным небольшим самолетом. На столе Боллса была обнаружена записка, из которой узнали, что репортер намеревался отправиться на встречу с Джоном Адамсоном в гостинице «Кларендон». Немедленно Адамсон стал в этом деле подозреваемым № 1. Но что его толкнуло на убийство? И кто зафрахтовал для него самолет?

В конце концов расследование привело к Кемперу Марли, местному миллионеру. Как пишет «Нью-Йорк таймс мэгэзин», Марли давно протянул щупальца в хлопководство, овощеводство, поставки фруктов, открыл сеть предприятий по производству хлопкового масла и переработке сельскохозяйственного сырья. Его стада насчитывали десятки тысяч голов скота, и вскоре Марли сделался одним из крупнейших скотоводов Аризоны. Он приобрел громадные пастбища в Мексике и землю в Калифорнии. Империя Марли приносила достаточно прибылей и в предвоенные годы, но с началом войны, когда спрос на продовольствие резко вырос, барыши потекли рекой.

Само собой разумеется, что Кемпер Марли стал одной из главных закулисных фигур в штате, определяющих политику, одним из самых щедрых «жертвователей» в фонд партий. Он предпочитал демократическую, но не обижал и республиканцев.

Не раз ему случалось вступать в конфликты с законом. В 1942 г., когда он возглавлял Управление шоссейных дорог штата, его арестовали за незаконное присвоение имущества. Однако Марли уда-

лось выйти сухим из воды. В 1954 г. власти Аризоны обвинили его фирму по продаже спиртного в фальсификации отчетности, но миллионер выиграл дело в суде. Тогда в числе других его защищал адвокат Уильям Ренквист из Финикса, который ныне занимает пост члена Верховного суда США. В 1969 г. разразился скандал, когда обнаружилось, что стоимость 12 тыс. акров земли, принадлежавших Марли в окрестностях Финикса, в книгах налогового управления значительно занижена (его земли оценивались по 7 долл. за акр, тогда как сходные участки других владельцев — по 275 долл.), но он вновь вышел сухим из воды.

В 1976 г. Марли пожелал стать членом комиссии штата по бегам, как собачьим, так и лошадиным. Законодательное собрание наметило ряд реформ с целью ликвидировать монополию в этом деле компании «Эмпрайс». Напомним: слово «Эмпрайс» было среди тех, что произнес смертельно раненный Дон Боллс сразу после взрыва. Губернатор штата Рол Кастро, член демократической партии, получивший во время предвыборной кампании 1974 г. от Марли 24 тыс. долл., лично предложил ввести магната в комиссию.

23 марта 1976 г. репортер Дон Боллс опубликовал статью с описанием конфликта Марли с властями в 1942 г. из-за присвоения собственности штата, а также некоторых его других прошлых «грешков». В статье не содержалось особых разоблачений, не претендовала она и на глубокий анализ, это был простой пересказ информации, которую Боллс раздобыл, покопавшись в памяти и в старых газетных подшивках. Однако этого оказалось достаточно, чтобы поставить под вопрос назначение Марли в комиссию, ведавшую бегами. Миллионер метал громы и молнии...

Постепенно все становилось на свои места. Адамсона арестовали по обвинению в убийстве репортера, но он упорно молчал. К этому времени в переплетении нитей, окружавших убийство, которое, казалось, все больше запутывалось по мере того, как сыщики выкапывали все новые факты, появилась новая фигура. Наряду с уголовниками

и охотниками за «длинным долларом» в баре «Айвенго» околачивалось множество адвокатов. Туда нередко заглядывал и Нил Робертс, бывший помощник генерального прокурора штата и одно время партнер по торговому делу бывшего члена палаты представителей конгресса США от Аризоны. В перечне подозреваемых по делу Боллса имя Робертса значилось одним из первых, ибо, как оказалось, именно он зафрахтовал самолет, на котором Адамсон улетел из Финикса.

Два дня спустя после смерти Боллса Робертс заявил детективам, что кое-что расскажет в обмен на иммунитет от судебного преследования за любые действия, совершенные им после взрыва. Он сообщил, что один его старый приятель предложил раздобыть 25 тыс. долл. для защиты Адамсона в суде. Как зовут этого человека? Макс Данлэп. Так в списке подозреваемых появилось еще одно имя.

Макс Данлэп — протеже Кемпера Марли и видная фигура в круге завсегдатаев загородного клуба «Райская долина». Как показал Робертс, Данлэп и Адамсон участвовали в контрабандном ввозе в США из Мексики серебра. Что еще важнее, Данлэп рассказал Робертсу, в какую ярость пришел Марли после потери места в комиссии по бегам, как он люто возненавидел Дона Боллса за ту роль, которую репортер сыграл в этом деле.

21 июня Адамсон явился в суд округа Марикопы на заседание, призванное определить, следует ли его привлечь к суду по обвинению в убийстве. Он выглядел самоуверенным и спокойным. Его спокойствие улетучилось, когда в зале суда появился завсегдатай «Айвенго» Роберт Леттьер, отбывший в свое время в Миннесоте тюремное заключение за ограбление и крупную кражу. На паях с Адамсоном он был владельцем 30 борзых, принимающих участие в бегах. Леттьер, которому была обещана неприкосновенность, показал, что Адамсон предлагал ему стать соучастником убийства Боллса. По его словам, он отверг подобное предложение, но сопровождал Адамсона, чтобы хорошенько осмотреть стоянку машин у здания изда-

тельства газеты, где работал Боллс. Уже после взрыва Адамсон сказал Леттьеру: «Я заложил под машину чертовски здоровый заряд. Не могу понять, как этот парень остался жив. Если мне когда-нибудь придется снова взорвать машину, постараюсь, чтобы она была другой марки».

Адамсона было решено привлечь к суду по обвинению в убийстве. Но он все еще упорно отказывался назвать своего «шефа». Данлэп признался на допросе в полиции, что выплатил Адамсону через адвоката 5 тыс. долл. В беседе с детективами Марли показал, что примерно в то же время действительно вручил Данлэпу 5 тыс. долл., по его словам, «на ремонт оборудования», но утверждал, что не имеет к убийству никакого отношения.

Разбирательство дела Адамсона тянулось долго. В начале января 1977 г. Адамсон признал себя виновным в неумышленном убийстве и согласился дать показания в обмен на обещание, что приговор не будет слишком суровым. Адамсон заявил, что:

— Данлэп нанял его для убийства Боллса.

— Данлэп, как сам он признался, действовал по указанию Кемпера Марли, разъяренного разоблачительной статьей репортера.

— Он (Адамсон) заманил Боллса к гостинице «Кларендон» 2 июня, посулив ему информацию об аферах с земельными участками, в которых якобы замешаны некоторые из видных политических фигур Аризоны.

— Радиопередатчик, с помощью которого был произведен взрыв, он передал еще одному завсегдаю «Айвенго», Джимми Робисону, который и позвонил ему в бар 2 июня в 11.36 и сообщил, что дело сделано.

Данлэпа и Робисона арестовали. Они предстали перед судом 11 апреля, и оба отказались признать себя виновными в соучастии в предумышленном убийстве.

А Кемпер Марли? Следователи утверждают, что «не располагают достаточными уликами, чтобы поддержать обвинения против него, выдвинутые Адамсоном...»

Таким образом, перед нами рассказ без развязки, детектив без последней главы. И все же уже известно довольно много. Мы сознательно столь подробно изложили материал из американской газеты, ибо «дело Боллса» продемонстрировало вопиющее злоупотребление властью в стране, где гангстеры нередко хозяйничают в сговоре с местными властями и денежными тузами, а Фемида давно уже находится в кармане у миллионеров.

Повторяем: все это происходит в стране, которую мощная пропагандистская машина пытается выдать за «образец демократии», а руководители которой рядятся в тогу «поборников прав человека, справедливости и свобод», хотя сами бесцеремонно попирают эти права и свободы в собственной стране, о чем свидетельствуют, с одной стороны, укрывательство настоящих преступников, а с другой — преследование людей, негодных властям, таких, как Анджела Дэвис, Делберт Тиббс, Ассата Шакур и не менее широко известная «уилмингтонская десятка».

...В один из дней прошлого года в Белый дом пришло письмо на имя президента Дж. Картера. В нем, в частности, говорилось: «Мы — десять жертв расистского и политического преследования... Не согласитесь ли Вы выступить в нашу защиту? Не вмешаетесь ли Вы, чтобы добиться нашего освобождения?»

«Это письмо прислано из камеры тюрьмы в штате Северная Каролина, — отмечала «Нью-Йорк таймс», — и направлено президенту США священником Беном Чейвисом, 29-летним руководителем Комитета борьбы за расовую справедливость, отбывающим срок заключения от 29 до 34 лет за то, что во время расовых беспорядков в 1971 г. он якобы подложил зажигательную бомбу в бакалейной лавке в Уилмингтоне (штат Северная Каролина). Еще девять человек — восемь молодых негров и одна белая женщина — отбывают сроки заключения за то же самое преступление, в совершении которого ни один из них не признает себя виновным. Так же, как у Чейвиса,

ни у одного из них до этого не было судимостей».

Напомним вкратце, что произошло в Уилмингтоне: когда в 1968 г. было принято решение о дегрегации школ в городе Шарлотте, штат Северная Каролина, это вызвало вспышку бешенства со стороны расистов. Началась нескончаемая волна убийств, вооруженных нападений, взрывов. За всем этим стоял ку-клукс-клан.

В 1970 г. в маленьком городе Оксфорд местный главарь ку-клукс-клана зверски убил негра, однако судебные власти объявили, что убийство было непреднамеренным, и преступника освободили. Вскоре он застрелил Уильяма Чейвиса, двоюродного брата Бена Чейвиса, основателя и президента Союза негритянских студентов университета Северной Каролины. И снова «большое жюри», состоявшее только из белых, вынесло оправдательный приговор. Это переполнило чашу терпения черных жителей Оксфорда.

В разгар событий были задержаны два торговца наркотиками. Отпущенные под залог, они скрылись, а затем заявили, что бежать им помогли Бен Чейвис и Джим Грант — молодой негритянский ученый, вместе с Чейвисом возглавивший кампанию за права негров. Суд оправдал первого, Грант же получил 10 лет тюремного заключения. Впрочем, и Чейвиса не оставили в покое.

В 1971 г., когда он по поручению Комитета борьбы за расовую справедливость Национального совета христианских церквей приехал в Уилмингтон поддержать негритянских студентов, требовавших равных прав в сфере образования, была устроена провокация. Церковь, в которой собрались студенты, окружили кукуклуксклановцы и национальная гвардия штата. «Уилмингтонская осада» продолжалась четыре дня. В ходе ее был убит студент-негр и ранены десять человек.

Чейвис, восемь черных студентов и одна белая женщина, которая их поддерживала, были обвинены в поджоге расположенной рядом бакалейной лавки. Чейвиса осудили на 34 года тюремного заключения, трое обвиняемых получили по 31 году,

пятеро — по 29 лет, поддерживавшая их женщина была осуждена на 10 лет...

«Нью-Йорк таймс» сообщила, что с тех пор, как «уилмингтонская десятка» начала отбывать столь длительные сроки, характерные разве что для средневековья, трое важных свидетелей, выступивших против подсудимых во время процесса, отреклись от своих показаний. Как заявил главный свидетель обвинения 23-летний Аллен Холл, его запугали и обманули с целью добиться от него показаний, будто под руководством Чейвиса он участвовал в попытке поджога бакалейной лавки.

Еще один молодой свидетель обвинения, негр Эрик Джуниос, сообщил в феврале 1977 г., что за его показания ему подарили мопед и устроили на работу на бензозаправочной станции. Прокурор Джей Строуд признал, что действительно распорядился подарить Джуниосу мопед, однако отрицал, будто это было вознаграждением за выступление на суде.

Затем Джером Митчелл, осужденный за уголовное преступление, тоже публично заявил, что дал ложные показания против «уилмингтонской десятки» и готов дать новую информацию, если дело будет пересматриваться.

Кроме того, священник Юджин Темплтон из Морристауна, штат Нью-Джерси, и Патриция Родс из Филадельфии, которые в 1971 г. были в Уилмингтоне, сообщили новые важные сведения. Они рассказали корреспонденту шарлоттской газеты «Обсервер», что Бен Чейвис и четверо других обвиняемых в тот день, когда в бакалейной лавке была подложена зажигательная бомба (6 февраля 1971 г.), находились в доме Темплтона.

О том, как фабриковалось это дело, можно получить некоторое представление по выдержкам из заявления Аллена Холла, в котором он отрекается от данных на суде показаний (это заявление приведено в «Нью-Йорк таймс»):

— Мне пригрозили, что меня могут приговорить к 40 годам за поджог. Шериф Миллис заявил: «Ты знал, что до приезда Чейвиса в нашем городе

ничего не случилось?» Потом они мне сказали, что именно я должен говорить на суде, тогда я пришел в ярость и попросил, чтобы они просто дали мне пистолет, и я убью Чейвиса. Но Строуд гнул свое: «Нет, лучше покончить с ним с помощью закона». Это можно сделать, говорил он, ибо в законе столько уловок и лазеек. И в итоге я согласился...

Перед лицом этих фактов, вызвавших повсеместное возмущение произволом американской Фемиды, министерство юстиции США вынуждено было санкционировать расследование дела «уилмингтонской десятки» Федеральным бюро расследований. Но губернатор Северной Каролины Джеймс Хант заявил, что не намерен вмешиваться, а судья федерального окружного суда, который ранее отказался отпустить «десятку» под залог, категорически запретил защите составить новую апелляцию — в связи с отречением Аллена Холла от данных им показаний. Произвол продолжался даже после того, как Национальный союз борьбы против расовых и политических репрессий направил участникам Белградской встречи письмо, в котором говорилось, что юридический заговор против «уилмингтонской десятки», завершившийся противозаконным осуждением этих людей, напоминает процессы против рабочих лидеров Сакко и Ванцетти, «скоттсборской девятки», Этель и Юлиуса Розенбергов и коммунистки Анджелы Дэвис.

Прошел год, и вновь губернатор штата Северная Каролина отказался освободить из застенков «уилмингтонскую десятку». Единственное, на что «расщедрился» губернатор, — это крайне незначительное сокращение длительных сроков тюремного заключения. Осужденные восприняли «гуманный жест» губернатора — именно так пытаются представить его некоторые органы американской прессы — как еще одно проявление произвола.

Любопытен такой факт: известная американская журналистка Мэри Макгрори спросила президента Картера после одной из его пресс-конференций, как он относится «к содержанию в тюрьме «уилмингтонской десятки» на основании свидетельских

показаний лиц, отказавшихся впоследствии от своих показаний»? Президент, улыбаясь, пояснил, что ему неудобно высказывать свое мнение, поскольку десятку «судил не федеральный суд». Макгрори настаивала:

— А есть ли у вас свое собственное мнение относительно их заключения в тюрьму?

Но ответа не последовало. Президент, все так же улыбаясь, отвернулся от Макгрори и от телекамер, и на том передача с пресс-конференции закончилась.

Нынешний жест губернатора Дж. Ханта не что иное, как попытка уйти от признания подлинного характера позорного «дела» — расправы с людьми, требующими, чтобы в Америке соблюдались права человека.

Недавно скончавшемуся видному американскому журналисту Гарри Фримену, долгие годы работавшему корреспондентом ТАСС в Нью-Йорке, удалось добиться разрешения встретиться с Беном Чейвисом в тюрьме.

— Мы абсолютно невиновны, — сказал ему заключенный. — В Америке очень любят создавать впечатление, будто ни один человек в нашей стране не может оказаться в тюрьме, если он не совершил преступления. Правда же состоит в том, что по политическим мотивам в тюрьмах Соединенных Штатов оказалась не только «уилмингтонская десятка», но и многие другие. Мы сидим за решеткой не потому, что совершили какие-нибудь уголовные преступления. Это прямой результат наших попыток организовать борьбу с расизмом в Америке. Это не имеет ни малейшего отношения к свершению каких-либо актов насилия или уголовных преступлений, и все обвинения против нас на этом основании совершенно беспочвенны. И тем не менее «уилмингтонская десятка» приговорена в общей сложности к 282-летнему сроку тюремного заключения.

Бен Чейвис заявил далее, что дело «уилмингтонской десятки» — это пример явного нарушения прав человека. Наше осуждение по политическим мотивам — наглядный пример того, как люди

могут оказаться в тюрьме только потому, что им хотят заткнуть рот, им стараются помешать протестовать против разгула расизма. Можно с полной уверенностью говорить о нарушении в США прав человека.

— Мне довелось слышать, что в некоторых тюрьмах в Северной Каролине проводятся эксперименты с использованием наркотических препаратов для оказания влияния на поведение заключенных. Знаете ли вы что-либо об этом? — спросил Гарри Фримен.

— Я лично был свидетелем того, как заключенным давали таблетки, капли, делали инъекции, — последовало в ответ.

— Я могу написать об этом?

— Конечно, конечно. Я сам видел, как заключенных прижимали к койке и заставляли принимать эти препараты. Они разрушают организм, превращают человека в кретина. Я слышал, как люди страшно кричали, а потом молча сидели весь день в постели, подобно статуе. Я сам был свидетелем подобных сцен. Это делается и в других тюрьмах. В центральной тюрьме в Роли многие заключенные рассказывали мне, что были жертвами попыток воздействия с применением электрошока. Подобное запрещено Международной конвенцией о правах человека, которую Соединенные Штаты так и не подписали. Это еще одно проявление лицемерия...

О преступных опытах над американцами говорилось давно, однако Центральному разведывательному управлению долгое время удавалось прятать концы в воду. Но, как известно, рано или поздно тайное становится явным. Так произошло и на сей раз: появились многочисленные доказательства проводившихся с ведома, благословения и по прямому указанию ЦРУ экспериментов над людьми. Подтвердились обвинения в том, что при испытании химических, биологических и других средств воздействия на человеческую психику в качестве подопытных использовались заключенные в тюрьмах, пациенты психиатрических лечебниц и ничего не подозревавшие американские

граждане. Директор ЦРУ адмирал С. Тэрнер, выступая перед сенатской комиссией по разведке, признал, что в общей сложности в этой программе участвовали 185 частных специалистов и 80 научно-исследовательских заведений, включая 44 университета. Как считают многие в Америке, сенатская комиссия и пресса получили лишь крохи сведений о преступной деятельности ЦРУ в этой области. Однако даже они рисуют картину полнейшего беззакония и грубого попрания прав человека.

Газета «Нью-Йорк таймс» пишет, что целый ряд видных научно-исследовательских медицинских учреждений и государственных клиник в Соединенных Штатах и Канаде участвовал в осуществлении разработанного Центральным разведывательным управлением США и рассчитанного на 25 лет секретного проекта по изучению возможностей контроля над умственной деятельностью человека. ЦРУ искало средства, которые позволили бы сломить волю человека и запрограммировать его для выполнения любой миссии, даже вопреки его желанию. Оно финансировало эти исследования через три частные организации, занимающиеся научными исследованиями в области медицины. Две из них — вашингтонский Фонд Гешиктера для медицинских исследований и Фонд Джошиа Мейси — существуют и по сей день. Третья — Общество исследований человеческого существования — была распущена в 1965 г.

ЦРУ оплачивало проведение экспериментов под видом контрактов, заключенных с другими правительственными организациями, и имело доступ к миллионам долларов, ассигнованных армейским службам на эксперименты по контролю над поведением человека.

«Многочисленные интервью с нынешними и бывшими сотрудниками ЦРУ, учеными-медиками и другими лицами убедительно показали, — делает вывод «Нью-Йорк таймс», — что, несмотря на диктуемые профессиональной этикой возражения со стороны некоторых ученых, ЦРУ смогло создать широкую сеть, объединяющую уче-

ных и лаборатории, не находящиеся в ведении правительства».

Из документов и интервью газете удалось, в частности, установить следующее. Д-р Карл Пфайффер, фармаколог, ныне работающий в частной лечебнице в штате Нью-Джерси, в период с 1955 по 1964 г. проводил для ЦРУ эксперименты с наркотиком ЛСД на заключенных федеральной тюрьмы в Атланте и исправительной колонии для малолетних в Бордентауне, штат Нью-Джерси. Он сообщил, что за это ему выплачивали 25 тыс. долл. в год из Фонда Гешиктера.

Д-р Э. Камерон из Института психиатрии при Макгиллском университете в Монреале в период с 1955 по 1960 г. провел по заданию ЦРУ несколько опытов по контролю над поведением человека, включая эксперименты по изучению влияния на человека изоляции и потери чувствительности. Эта работа оплачивалась по линии Общества исследований человеческого существования. Эта же организация по поручению ЦРУ финансировала эксперименты с использованием транквилизаторов и алкоголя, которые проводились на душевнобольных пациентах и персонале больницы Батлера в городе Провиденс, штат Род-Айленд.

Директор ЦРУ Тэрнер сообщил, что в архивах управления обнаружено семь ящиков с делами, содержащими порядка пяти тысяч страниц документов, относящихся к этим программам, которые не были представлены в распоряжение сенатской комиссии по разведке в 1975 г. Ожидалось, что часть из обнаруженных документов будет опубликована. Однако ЦРУ изъяло из этих материалов имена ученых и названия организаций, осуществлявших эксперименты.

В частных беседах члены сенатских комиссий признают, — мы цитируем «Нью-Йорк таймс», — «что без этих имен и названий практически невозможно установить масштабы экспериментов, число американцев или лиц других национальностей, на которых они проводились, приводили ли эксперименты к смертельным исходам или причиняли непоправимый ущерб здоровью,

учитывались ли при их проведении права пациентов с точки зрения физического и духовного здоровья».

Бывший сотрудник бюро разведки и исследований государственного департамента, журналист Джон Маркс утверждает, что директор ЦРУ в письме специальной сенатской комиссии по разведке «серьезно исказил» факты, связанные с программами ЦРУ по изучению возможности контроля над поведением человека. Дж. Маркс заявил, что на основании полученных им документов он пришел к выводу, что адмирал Тэрнер, «повидимому, намеренно рисует неполную картину», называя деятельность этого агентства «программой экспериментов с использованием наркотических средств».

— Несомненно, утверждает Дж. Маркс, наркотики были частью этой программы, но были также и другие методы, такие, как применение электрошока, облучение, использование ультразвука, нейрохирургии, психологии и средств, выводящих человека из строя.

Опубликованные документы вызвали у Дж. Маркса подозрения, что ЦРУ или нанятые им ученые проводили еще более широкие эксперименты на ничего не подозревавших людях, чем об этом сообщалось ранее. Дж. Маркс заявил, что ознакомился с документами ЦРУ, многие из которых не были представлены сенатской комиссии по разведке при расследовании ею деятельности ЦРУ.

Представитель ЦРУ отказался сделать какое-либо заявление по поводу утверждений Дж. Маркса, который распространил 20 попавших ему в руки документов. Один из них свидетельствует о том, что ЦРУ заключил контракт с одним частным врачом с целью испытать «булбокапнин» на заключенных не названной тюрьмы в одном из штатов. ЦРУ хотело знать, вызывает ли этот наркотик потерю речи у человека, чувствительности к боли, памяти или силы воли.

Документы, представленные Дж. Марксу, из «соображений безопасности» были подвергнуты

цензуре, которая, как принято говорить, «поплясала на них», и тем не менее они содержат доказательства, что ЦРУ, осуществлявшее эту программу, не могло не знать о преступном характере подобных опытов. Согласно документам, опубликованным Дж. Марксом, и проведенному сенатской комиссией расследованию, ЦРУ осуществляло секретные медицинские эксперименты под кодовыми названиями «Блюбэрд», «Артишок», «МК ультра» и «МК дельта». В докладе генерального инспектора ЦРУ в 1963 г. эта программа названа «исследованием и разработкой химических, биологических и радиоактивных средств, которые могут быть использованы в тайных операциях по воздействию на поведение человека».

«Нью-Йорк таймс» поначалу, по-видимому, сознательно «ограничивала» рамки сообщений о преступной деятельности врачей-изуверов, действовавших на потребу ЦРУ, 50—60-ми годами, намекая на то, что позже эти эксперименты над ничем не ведающими людьми не практиковались. Но скандал разрастался, и газета вынуждена была признать: и в 70-е годы ЦРУ широко использовало химические и наркотические препараты для изыскания средств подавления воли и психики людей.

Будут ли отданы под суд те, кто проводил подобные работы? Известно лишь одно: ЦРУ и официальные власти США пытаются замаять скандальные разоблачения и с помощью крючкотворства выгородить конкретно тех, кто занимался (и не исключено, что занимается поныне) экспериментами, представляющими собой вопиющие преступления против человечества.

В свое время аналогичные эксперименты проводились в гитлеровских концлагерях. На Нюрнбергском процессе они были осуждены. Были установлены международные стандарты в области медицинских опытов на людях. В соответствии с ними эти опыты должны быть направлены на благо человечества, и лицо, на котором проводится эксперимент, до его начала должно быть детально проинформировано и дать свое согласие. Четверть

века назад, в 1953 г., эти международные стандарты приняло и правительство США, но, как видим, в этой стране они остались на бумаге...

Чего же в таком случае ждать, к примеру, от властей Южно-Африканской Республики, которые просто-напросто отказались ввести у себя международные стандарты в области медицинских экспериментов на людях? Стокгольмская «Д а г е н с н ю х е т е р» пишет, что свыше 8 тыс. африканцев заключено в ЮАР в частные психиатрические лечебницы. Газета уточняет, что есть веские основания предполагать, что в действительности их число значительно выше этой официально объявленной цифры.

Психиатрические лечебницы для африканцев расположены в стороне от населенных мест и скрываются под фальшивыми вывесками. С 1963 г., когда некий Смит Митчелл основал сеть подобных учреждений, администрация его «лечебной фирмы» никому не разрешает инспектировать свои владения. Правда, в 1974 г. с согласия властей Йоганнесбурга два журналиста ознакомились с работой психиатрических «лечебниц» Митчелла, однако их статья так и не была опубликована: шеф-редактор газеты оказался держателем акций митчелловской фирмы.

...«Ранд уэст санаториум» окружен забором с табличками «Вход воспрещен». В кирпичных бараках с крышей из гофрированного железа, покрашенного в красный цвет, обитают 3200 африканцев. Это одно из типичных заведений подобного рода. Шведский журналист утверждает, что ему известно о существовании 9 таких психиатрических «лечебниц».

Заключенные этих «лечебниц»-лагерей служат в качестве «подопытных кроликов», а, кроме того, изготавливают ремни, бумажные мешки, вешалки для одежды, резиновые защитные спецовки для шахтеров. Труд пациентов не оплачивается, хотя приносят они фирме немалую прибыль. Заключенные спят на циновках, брошенных прямо на пол. На грязных окнах толстые решетки. В среднем здесь ежедневно умирает один человек (виноваты

ли в этом медицинские эксперименты или каторжные условия жизни, «Д а г е н с н ю х е т е р» не уточняет. — *Авт*). Некоторые из тех, кто, согласно документам, выписался и вышел на свободу, на самом деле умерли.

Маленькая группка людей в Южно-Африканской Республике зарабатывает миллионы на страданиях тысяч. Заключение в психиатрические «лечебницы» — как бы заживо погребенные.

Министерство здравоохранения ЮАР выделяет заведениям Смита Митчелла до трети своего годового бюджета. Фирма не отрицает того факта, что занимается выколачиванием денег. «Мы здесь для того, чтобы делать прибыль, иначе мы бы этим не занимались», — заявил ее председатель корреспонденту издающейся в Йоганнесбурге газеты «Р а н д д е й л и м е й л».

За каждого чернокожего, «интернированного» в лагеря, государство выплачивает Смиту Митчеллу примерно 17 долл. в год. Поскольку уровень прибыли прямо зависит от количества заключенных в подобные «лечебницы», число «пациентов» постоянно увеличивается. Ежегодно, по словам заведующего «Ранд уэст санаториум» Ханивелла, Смит Митчелл сооружает новый лагерь.

Доход заведений Митчелла, по данным налогового ведомства, составляет в среднем около 15 млн. долл. Крупнейший держатель их акций — «Стандард бэнк оф Саут Африка», который в свою очередь контролируется «Чейз Манхэттен бэнк» в Нью-Йорке.

И вновь мы убеждаемся в том, что, не выходя на авансцену, а старательно прячась за кулисами, денежные тузы, ловко манипулируя властями и нанимая к себе на службу и министров и управляющих, на которых негде ставить пробу, отнюдь не стыдятся своей антигуманной сущности. Да и что им стыдиться в атмосфере вседозволенности, которая окружает их. Уж кто-кто, а они прекрасно знают: провозглашаемое международными пактами право всех граждан на равенство перед законом оборачивается при капитализме фарсом. В конечном счете, чем толще кошелек, тем больше у

человека прав, тем благосклоннее к нему Фемида, сведенная в странах капитала на роль щедро оплачиваемой содержанки. Об этом красноречиво свидетельствует и так называемое «дело Ниархоса».

...Прошло более семи лет с того дня, когда всю Грецию взбудоражило сообщение о загадочной смерти Евгении Ниархос, жены одного из крупнейших в мире судовладельцев Ставроса Ниархоса. Однако до сих пор многие обстоятельства ее гибели держатся в тайне, хотя это дело все больше начинает приобретать политическую окраску. Таково мнение Клаудио Ладзаро, опубликовавшего на страницах миланского «Э у р о п е о» некоторые результаты своего расследования этого нашумевшего дела.

Официальная версия гибели была обнародована, когда у власти в Греции находились «черные полковники». Согласно ей, трагедия произошла на острове Спеопула в Эгейском море, где расположена одна из вилл судовладельца-миллиардера. В тот день около 22 часов 30 минут Ставрос Ниархос вошел в комнату своей четвертой жены Евгении, дочери крупного судового магната Ливаноса, и увидел, что она лежит на полу без сознания, а изо рта идет кровавая пена. Ставроса охватил панический страх. Он бросился к жене, пытаясь привести ее в чувство. На помощь прибежал его личный секретарь, затем шестнадцать слуг, но их в комнату не впустили.

В половине первого ночи из Афин на вертолете прибыл врач, дежуривший в доках, принадлежащих Ниархосу. В четыре часа утра вертолет вылетел с острова — на его борту находился труп Евгении Ниархос.

К. Ладзаро утверждает, что недавно стали известны новые факты, благодаря которым история смерти Евгении предстает в ином свете. О них рассказала греческая газета «Элефтеротикия», опубликовавшая ряд любопытных документов и свидетельских показаний. Как явствует из них, Ставрос Ниархос, входя в комнату жены, был изрядно пьян и явно намеревался учинить скандал. Он заявил Евгении, чтобы она не вмешивалась в

его личную жизнь и что такой человек, как он, может позволить себе все. Евгения начала стыдить его, и Ниархос набросился на нее с кулаками. Он бил ее головой о стену, затем коленом в живот, а когда она упала на пол, начал остервенело пинать ногами. Чтобы заставить ее замолчать, Ставрос схватил ее за горло и стал душить. Через несколько минут все было кончено.

Как свидетельствуют опубликованные документы, утверждает К. Ладзаро, Ниархос, на которого пало подозрение в убийстве, смог избежать тюрьмы лишь благодаря огромным взяткам, которые передал как «черным полковникам», так и судебным властям, которые занимались расследованием обстоятельств дела. Специальному корреспонденту «Э у р о п е о» удалось раздобыть дополнительные документы, проливающие свет на «дело Ниархоса». Наибольший интерес, по его мнению, вызывает акт осмотра тела Евгении Ниархос. Врач категорически утверждал, что супруга миллиардера умерла не потому, что приняла сильную дозу снотворного, как заявил судовладелец, а вследствие жестоких побоев. Однако месяц спустя созданная по настоянию защитников Ниархоса специальная комиссия из восьми врачей и профессоров Афинского университета провела новую экспертизу. Заключение гласило: «Раны на теле Евгении Ниархос не представляли угрозы для ее жизни. Смерть наступила в результате отравления снотворными таблетками». Как выяснилось позже, врачи, осматривавшие труп по указанию Ниархоса, получили от него взятку в полтора миллиона драхм. Впоследствии был подкуплен и врач, производивший первое вскрытие.

Другой документ проливал свет на то, почему «черные полковники» с самого начала решили забыть это дело. Речь идет о фотокопии декрета, опубликованного 5 октября 1970 г. и гласившего, что правительство принимает финансовую помощь — 190 млн. долл., представленную Ставросом Ниархосом после переговоров, начавшихся якобы в апреле 1970 г.

Обратите внимание на даты. Евгения Ниархос

погибла в ночь с 3 по 4 мая 1970 г., а уже 12 мая совет министров выступил с заявлением, где подчеркивалось огромное значение для экономики страны капиталовложений, обещанных судовладельцем Ниархосом. Более того, в начале августа Ниархос публично обрушился на выступления печати, якобы «организованные могущественными национальными и международными группами», которые «пытаются обвинить» его «в убийстве собственной жены». Цель этой кампании — «уничтожить» его и «захватить монополию на нефть в стране». Осудив эти «нападки», судовладелец объявил, что он «верный сторонник режима» и готов помимо обещанных 190 млн. долл. «выделить еще значительную сумму».

В то время Ниархос действительно подчинил себе всю нефтеперерабатывающую промышленность Греции. 25 августа 1970 г. комиссия экспертов рекомендовала правительству «разрешить» Ниархосу сделать упомянутое «капиталовложение». 17 сентября магнат был оправдан, а 3 октября истек срок подачи прокурором апелляции. 5 октября в прессе появился декрет, в котором «черные полковники» одобрили финансовую помощь Ниархоса.

Справедливость не восторжествовала и после падения (в июле 1974 г. — *Авт.*) военной диктатуры, хотя попытка привлечь к суду одного из сильных мира сего была предпринята. Это сделал в марте 1975 г. судья Георгиос Ксенакис. В годы правления «черных полковников» он не стал прислуживать хунте и был отстранен от должности. Несмотря на это, Ксенакис продолжал частную практику и одновременно собирал доказательства преступлений диктатуры против демократических организаций и борцов за свободу страны. Ему тоже удалось раздобыть документы, разоблачающие Ниархоса. Он твердо убежден, что миллиардер подкупил судебных работников. Опираясь на собранные улики, Ксенакис попытался возбудить дело против следователей, которые вели «дело Ниархоса». Но из этого ничего не вышло.

— Странные вещи происходят в Греции, — го-

ворил Георгиос Ксенакис в беседе со специальным корреспондентом «Э у р о п е о». — Хорошо известно, что судебные чиновники, занимавшиеся расследованием обстоятельств смерти Евгении Ниархос, были подкуплены, однако все они по-прежнему занимают свои высокие посты. А некоторые даже перешли на службу к судовладельцу. Судите сами: прокурор Фафутис, единственный, кто мог и должен был подать протест против решения суда об освобождении Ниархоса, после завершения дела был назначен главным прокурором столицы. Кристопулос, непосредственный начальник Фафутиса в 1970 г., после оправдания миллиардера стал министром юстиции. Хаципетрос, бывший начальник секретной службы КИП, работает теперь в правлении компании Ниархоса. Триандафилу, защитник Ниархоса, получил пост министра юстиции в конце 1973 г.

«Итак, Ставрос Ниархос может не беспокоиться, как не беспокоился он все последние годы, — пишет в заключение статьи Клаудио Ладзаро. — После смерти Евгении он женился на ее сестре Тине, которая умерла в 1974 г. в своей парижской квартире также при весьма загадочных обстоятельствах».

Поистине, прав не тот, кто прав, а кто в состоянии заслужить благосклонность власть держащих. Издающийся в Дюссельдорфе «В и р т ш а ф т с в о х е» начинает статью без обиняков:

«Добиться признания и осуществления своих прав — это стало в ФРГ вопросом денег и терпения. «Мы находимся на пути к государству, в котором не будут отправлять правосудие», — сетует коллегия западногерманских судей. Равенство перед законом — принцип, содержащийся в конституции, — превращается в фарс».

По мнению «В и р т ш а ф т с в о х е», тот, кто сегодня пытается добиваться своих прав через суд, должен запастись большим терпением. Нередко между подачей жалобы и началом процесса проходит до двух лет.

— Если дело и дальше так пойдет, — предрекает Лео Витте, вице-президент финансового суда

в Мюнстере, — то мы действительно окажемся государством без судопроизводства.

В кабинетах федерального суда документы по гражданским делам годами собирают пыль, прежде чем наконец дело доходит до судебного процесса. Все чаще раздается упрек в том, что в сети правосудия попадает мелкая рыбешка, а преступники крупного калибра ускользают от возмездия. Этот упрек «имеет основания», признает Рихард Дюрфельд, председатель коллегии судей Нижней Саксонии.

Постоянный рост судебных издержек делит граждан на две категории — в зависимости от их благосостояния.

— Расходы на судебный процесс возросли так сильно, — отмечает Рольф Бендер, судья из Штутгарта, — что даже представители средних слоев населения, добиваясь через суд осуществления своих прав, во многих случаях оказываются на грани нищеты.

Если же истец — рабочий или рядовой служащий, он рискует половиной годового заработка. К тому же не известно, когда он добьется справедливости — через три, четыре или пять лет. А может быть, не добьется никогда. «Только тот, кто имеет состояние или располагает мощной финансовой поддержкой какой-либо организации, может пуститься в такую авантюру, как длительный судебный процесс», — делает вывод «В и р т с в о х е».

Вот так-то, если отбросить пропагандистскую шелуху, обстоят дела в хваленном обществе «равных возможностей» — обществе грубого произвола и глумления над личностью, социальной демагогии и циничного беззакония «именем закона», где оправдывают по суду убийц-миллионеров и на десятки лет бросают за решетку безвинно осужденных борцов за гражданские права, в антигуманном обществе, где человек бесправен даже протестовать против того, что его превращают в «подопытного кролика», и где гарантии личных свобод, записанные в конституциях, — пустой звук, как и сами эти конституции.

Индейцы, судьбы которых мы касались ранее, — коренные жители Америки, как коренными жителями земель, где ныне находится государство Израиль, являются арабы. История британцев индийского, пакистанского или вест-индского происхождения неизмеримо короче. Однако и те, и другие, и третьи входят в своих странах в единое понятие — народ, который, как подчеркивают конституции многих буржуазных стран, является источником суверенной власти.

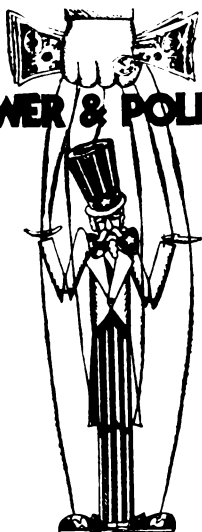
Именем народа козыряют буржуазные деятели, стоящие у руля государственной машины. Заботой о народе и его нуждах провозглашают они каждый правительственный акт, даже если он связан с повышением налогов на малоимущих. На свободы народа ссылаются, превознося «плюралистическую демократию», под лозунгами которой большинство из существующих партий той или иной страны на деле представляют различные борющиеся за власть финансово-промышленные группировки одного и того же правящего класса. Кстати, о правящем классе в капиталистической Америке и его претензиях на выражение общенародного мнения (что, впрочем, характерно и для других буржуазных государств) нью-йоркский журнал «Харперс» отозвался весьма саркастически и очень метко по существу: «Как всем известно, «класс» — одно из самых грязных, запрещенных слов в американском политическом лексиконе, которое считается особенно непотребным, когда ему предшествует эпитет «правлящий». Если не учитывать голоса образованных американцев, а также циников, опросы общественного мнения свидетельствуют: мы в подавляющем большинстве продолжаем наивно верить, что в США существует «правление народа, осуществляемое народом и ради на-

рода». И ничто так не по душе правящему классу, как подобное риторическое признание несуществующих вещей».

Как тут не вспомнить высказывание Владимира Ильича Ленина, который предупреждал, что «буржуазия в старых парламентских странах великолепно научилась лицемерить и тысячами приемов

*Власть и политики,
или послушная марионетка
в руках капитала*

POWER & POLITICS

надуть народ, выдавая буржуазный парламентаризм за «демократию вообще» или за «чистую демократию» и тому подобное, искусно пряча миллионы связей парламента с биржей и с капиталистами, используя подкупную, продажную прессу и всеми средствами пуская в ход силу денег, власть капитала»¹.

Это ленинское выражение бьет, что называется, не в бровь, а в глаз всей капиталистической «демократии», и прежде всего британскому парламентаризму, выдаваемому буржуазией за образец подлинной демократии, которую украшают «благородные седины» старых традиций — следствие почтенности возраста.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 160.

Однако вряд ли балаган со свободным словоизлиянием на «уголке ораторов» в Гайд-парке или даже почти автоматическое согласие лондонской полиции на проведение различных демонстраций на Трафальгарской площади могут служить гарантией незыблемости и безбрежности демократических устоев страны — для этого слишком хорошо известна механика действия британского государственного аппарата, высшие эшелоны которого прочно заняты отборной элитой, а также внушительная бесполезность британского парламента, в котором нет ни одного подлинного представителя рабочего класса. И не случайно член палаты общин Сирил Смит, видный член либеральной партии, написавший книгу о палате общин, откровенно показал: английская парламентская демократия на деле оборачивается тщательно культивируемым мифом, и в рамках ее нет места защите интересов миллионов рядовых избирателей и обеспечению их прав. И хотя автор ни в коем случае не ставит под вопрос социальные основы капиталистической Англии, он по существу признает: бездушная машина буржуазного государства все больше подминает под себя «британскую демократию», которая является не больше чем пустым звуком.

«Мало кто из англичан знает, что в действительности происходит в палате общин парламента во время так называемых «больших прений» (по важнейшим вопросам политики.— *Авт.*). На них редко присутствует более 50 парламентариев, (из 635), а зачастую на обитых зеленой кожей скамьях палаты общин восседает не более десятка членов», — пишет Сирил Смит в своей книге, отрывки из которой были воспроизведены в еженедельнике «О б с е р в е р», подчеркивая при этом, что влияние этих прений на «процесс управления страной равно нулю». Как считает С. Смит, «это откровенная трата времени, поскольку исход голосования предрешен за несколько недель, месяцев и даже лет заранее — в день парламентских выборов». Все дело в том, что с получением большинства той или иной партией, а наряду с ним и

права формировать правительство ее любой маломальски важный законопроект можно считать прошедшим через парламент — ведь ему гарантированы голоса депутатов большинства, хотя правительство не считает себя связанным даже решениями конференции собственной партии и сплошь и рядом действует вопреки сформулированной там политике. Примером этого могут служить повышение военных расходов по новому бюджету на 1978—1979 гг. и усиление гонки вооружений, в то время как последняя ежегодная конференция лейбористской партии высказалась в пользу поисков мира на основе разоружения и разрядки.

Это порождает цинизм, в том числе по отношению к исполнению своих обязанностей, и многие приезжают в палату лишь на голосование. К 10 часам вечера, когда звонит звонок, созывающий на «разделение», — в парламенте Великобритании голосуют, расходясь или делясь по различным парламентским галереям, — во двор Вестминстерского дворца съезжаются десятки автомашин с депутатами, чтобы покинуть его через какие-нибудь 15 минут. Но даже и для процесса голосования характерны весьма своеобразные компромиссы, когда партийные противники по взаимной договоренности не участвуют в нем, если тому или другому «некогда» — в силу занятости на званом обеде, в театре и т. п.

Британская буржуазия старается преподнести парламентские выборы как волеизъявление народа, который якобы в самом деле решает судьбы будущего страны. Однако С. Смит отрицает это самым категорическим образом: «В настоящее время в нашей избирательной системе насчитывается по крайней мере 400 так называемых «безопасных мест» (избирательных округов, большинство в которых неизменно получает представитель той или иной партии. — *Авт.*). Избиратели в этих округах, наверно, думают, что они выбирают парламентариев... но на деле право выбора принадлежит комитету по отбору той или иной партии, которая контролирует этот округ, и в его задачу

входит выдвижение такого члена палаты общин, который будет послушно следовать линии руководства».

Выдавая палату общин за орган подлинно народного представительства, британские политики и преданная капиталистическому строю печать стремятся представить ее в качестве выразителя чувств и мыслей избирателей через своих депутатов, которые наделены правом вносить любые законопроекты.

Действительно, пишет С. Смит, «так называемый «10-минутный законопроект» формально предоставляет члену палаты возможность внести на обсуждение любое законодательство, какое он сочтет нужным. Однако... право на это получит тот, кто первым займет очередь с утра. Счастливчик затем получает право на 10-минутное выступление. Другой парламентарий в течение того же времени может выступать со своими возражениями. Должен предупредить, что это всего лишь еще один из способов обмануть общественность и заставить ее поверить, будто слова воплощают в дела. Шансы превращения 10-минутного законопроекта в закон равны нулю».

Есть и еще один трюк создания видимости демократии, который Сирил Смит называет «перлом скудной сокровищницы законодательных возможностей». Это «законопроект отдельного члена» палаты общин. Но чтобы его внести, надо, чтобы на его автора выпал счастливый жребий, который тянет... спикер палаты общин — желающих «протолкнуть» свой билль много, а время для этой процедуры строго лимитировано. Его обсуждают по пятницам, когда парламент расходится в 4 часа дня. И если законопроект до этого времени не проходит (а какой серьезный законопроект может?), он моментально умирает. Зато форма — свобода законодательной инициативы во всей ее красе — оказывается соблюденной!

— В течение первых десяти месяцев в Вестминстере я с ужасом наблюдал за действием этой удушающей процедуры. После этого я уже не мог сдержаться и заявил: «Это самый большой фарс

Вест-энда!» Поясним: Вест-энд — это центр Лондона, где находится парламент, а также театры, в том числе специализирующиеся на дешевых постановках.

Однако еще большей карикатурой на демократический процесс принятия решений является палата лордов, члены которой не избираются вообще. Из 1140 заседающих в ней пэров, которые получают «возмещение расходов» в дни посещения палаты, 845 — наследственные, получившие места вместе с титулами, земельными угодьями и другой недвижимой собственностью, которая дает им «кругленькие» доходы. Еще 295 — пэры пожизненные из числа «вышедших в тираж» государственных и политических деятелей. Кстати, именно введение пожизненного пэрства в 1958 г. сыграло роль своеобразного вспрыскивания для продления жизни палаты лордов, которая, «как выражали опасения (или надежды), постепенно отомрет по причине бездеятельности и одряхления ее членов», писал «О б с е р в е р м э г э з и н».

Так функционирует древнейший из действующих на земле парламентов, роль которого сводится к защите интересов правящего класса. И используются ли при этом псевдодемократические процедурные атрибуты, как в Англии; трюки мажоритарной системы голосования, когда благодаря хитроумным комбинациям оказываются избранными кандидаты правящих партий, даже получившие меньшинство голосов, как это имеет место во Франции; так называемая двухпартийная система обеспечения власти большого бизнеса, как имеет место в Соединенных Штатах; или роспуск законодательных органов, когда они становятся помехой, о чем свидетельствуют примеры Чили, Греции и других стран, — главное сводится именно к тому, чтобы, используя демократические лозунги, навязать неурезанное господство буржуазии, обеспечить эксплуатацию рабочего класса.

«Парламент целиком утратил свое значение представительного органа, — считает французский «М о н д д и п л о м а т и к». — От депутатов хотят, чтобы они вели себя не как избранники наро-

да, а как назначенные чиновники. 90 процентов законопроектов исходят от исполнительной власти, которая просто передает их в палату на одобрение. Оппозиция критикует или отвергает закон? Не имеет значения».

Даже если депутатам или сенаторам удается провести закон, у них нет никакой возможности проследить за его выполнением; деятельность парламентариев блокируется исполнительной властью и чиновничеством, продолжает журнал, приводя в подтверждение своих слов мнение сенатора Кайяве.

— В 1976 г., — заявил он, — мне удалось уговорить сенаторов проголосовать за поправку, облагавшую специальным налогом прибыли филиалов иностранных концернов, которые арендуют французское оборудование. Так вот, позднее мне попался циркуляр, гласивший прямо противоположное тому, что единодушно одобрил сенат. У правительства развязаны руки; оно проводит свою собственную политику — как феодал; это опаснейшая язва, разъедающая наше общество...

В результате администрация, приводит «М о н д д и п л о м а т и к» слова доктора философии Ж. Мейера, превращается в «не зависящую от парламента, никем не контролируемую силу».

Впрочем, так ли она бесконтрольна? После 1958 г. (когда была создана нынешняя так называемая V Республика. — *Авт.*), поясняет экономист Анри Клод, на которого ссылается журнал, в министерские кресла пересаживаются руководители многих монополистических предприятий. Косвенный контроль капитала над государством сменился прямым. Нынешний режим явился своего рода симбиозом между денежной властью и технократией. Его можно назвать технократической плутократией. Посредством бюджета, в частности военного, государство производит перераспределение национального дохода, отдавая львиную долю монополиям; посредством валютной политики государство разоряет мелких вкладчиков и обогащает крупных; посредством налоговой оно поощряет монополистический сектор; политикой в воп-

росах внешней торговли оно дает преимущества крупным экспортерам.

Довольно долго считалось — а некоторые наивно верят в это и поныне, — что капитализм предполагает существование некоего договора, в силу которого в обмен на отданный труд в обществе происходит перераспределение накопленных богатств. Но мы живем в системе, являющей собой не договор, а вызов, который становится все более очевидным, пишет «М о н д д и п л о м а т и к». Эта система ведет к разбазариванию средств, множит потребности, однако удовлетворить их позволяет лишь ничтожной кучке богатеев. Барьеры не снимаются, они переносятся, запрещая доступ неимущим в заповедные места привилегированных. Денежная сегрегация не знает жалости и действует на всех уровнях.

Особенно ярко характер «демократии» денежного мешка проявляется в Соединенных Штатах, где и конгресс, и правительство выступают в роли приказчика монополий, поскольку верхушка государственного аппарата тесно переплелась с промышленно-финансовым капиталом, определяющим генеральный курс политики страны.

Пожалуй, одним из самых ярких образцов подобной «семейственности» может служить клан Рокфеллеров, свободный капитал которого оценивается в 500 млрд. долл. О связях и влиянии его рассказывает гамбургский журнал «Ш п и г е л ь».

...Приехавший на «линкольн-континентале» молодой человек выступал перед гражданами Западной Вирджинии, одного из самых бедных штатов Америки.

— Мне действительно незачем красть у кого-нибудь хотя бы один цент, — агитировал он их. — Я устою перед любым соблазном. Люди, у меня есть все, что мне надо, и даже больше.

Так говорил 39-летний Джон Дэвисон Рокфеллер IV, правнук основателя концерна «Стандард ойл». В ходе так называемых первичных выборов он, добываясь поста губернатора штата, выложил

1,7 млн. долл.; еще 800 тыс. было потрачено на заключительном этапе избирательной кампании.

На выборах представитель демократической партии Джон Дэвисон Рокфеллер добился своего, получив почти в два раза больше голосов, чем соперник, и, как ни парадоксально это звучит, он нанес поражение кандидату республиканской партии, которой клан Рокфеллеров пожертвовал в нынешнем веке 250 млн. долл.

В то время когда Джон Д. Рокфеллер IV занял первый крупный политический пост, его дядя, 68-летний Нельсон Олдрич Рокфеллер, который многие годы был движущей силой республиканской партии, покинул свой, по-видимому, последний пост вице-президента США.

Повсюду — в Вашингтоне и Нью-Йорке, Филадельфии и Сан-Франциско — у Нельсона и его клана свои вассалы. «Без Нельсона Рокфеллера, — приводит «Ш п и г е л ь» слова американского социолога Фердинанда Ландберга, — нельзя представить себе политическую жизнь в Америке». Рокфеллеры сейчас, продолжает журнал, некоронованные короли американского государственно-монополистического капитализма. Что бы ни делали и ни говорили президент и министры, куда бы ни шли пешеходы и ни ехали автомобилисты, о чем бы ни сообщалось в телепрограммах и газетах — всюду узнаешь страну Рокфеллеров.

В самом деле, бывший государственный секретарь Генри Киссинджер до того, как Ричард Никсон взял его в госдепартамент, возглавлял «мозговой трест» Нельсона Рокфеллера. Дин Раск, который тоже был когда-то государственным секретарем США, перед этим занимал пост президента Фонда Рокфеллера. Почти все предшественники Раска в государственном департаменте, вплоть до Джона Фостера Даллеса, были связаны с кланом Рокфеллеров службой, деньгами или брачными узами.

Если Нельсон Рокфеллер, долгие годы бывший губернатором штата Нью-Йорк, а затем вице-президентом, занимался политикой, то распорядителем рокфеллеровских миллиардов является Дэвид

Рокфеллер, председатель правления «Чейз Манхэттен бэнк», одного из трех крупнейших американских банков и, следовательно, одного из крупнейших в мире. Дэвид и его братья используют свое влияние не только через «Чейз Манхэттен», отмечает еженедельник, но и через нью-йоркский «Ферст нэншил сити бэнк», «Кемикл бэнк оф Чикаго» и «Ферст нэншил бэнк оф Чикаго» (все эти четыре банка входят в первую десятку американского финансового мира). Они контролируют такие гиганты, как крупнейшая в мире нефтяная компания «Экссон», а также «Мобил ойл», «Стандард ойл оф Калифорния», ИБМ, «Доу кемикл» и «Стандард ойл компани оф Индиана», «Юнайтед Стейтс стил», «Монсанто компани», авиатранспортную компанию «Пан-Америкен», фирму «Палмолив», корпорацию «Борг-Уорнер».

Большую роль в укреплении господства Рокфеллеров играют фонды для благотворительной деятельности, хотя многие из них активно используются в ЦРУ. Для основателя рода фонды когда-то играли роль заложников: если бы правительство посягнуло на концерн «Стандард ойл», вместе с ним пострадали бы университеты, больницы, музеи и другие общественные учреждения. Позднее, когда жертвования были освобождены от налогов, широкая благотворительная деятельность помогала Рокфеллерам сохранять контроль над своим состоянием, без шума передавать его следующему поколению, избегая при этом уплаты подоходного налога. (К примеру, подоходный налог Нельсона Рокфеллера в 1966 г. составил лишь 685 долл., а в 1970 г. он вообще был освобожден от него).

Для Дэвида Рокфеллера, как утверждают его почитатели, должность президента США была бы понижением. Ведь в настоящее время он пользуется беспрецедентной властью. Это убедительное доказательство того, что так называемая американская «демократия небезупречна», констатирует «Ш п и г е л ь».

Будучи вице-президентом США Нельсон Рокфеллер, как предписывается конституцией, пред-

седательствовал в сенате, одной из двух палат конгресса, который часто и справедливо называют клубом миллионеров. В самом деле, в высшем законодательном органе Соединенных Штатов нет ни одного рабочего, не найдешь там и ни одного фермера, который бы обрабатывал землю своими руками. Но зато там в избытке владельцы корпораций, представители и члены правлений монополистических фирм, банков и страховых компаний, процветающие юристы. Подобный социальный состав характерен и для других стран капитала. Так, издавший несколько лет назад книгу «Кто есть кто в британском парламенте» лондонский корреспондент французской «Нувель обсерватор» Э. Рот обнаружил, что подавляющее большинство парламентариев — членов консервативной партии и значительная часть лейбористов — дельцы, обладающие акциями, директора частных предприятий, имеющие богатую практику адвокаты, лендлорды. В ФРГ, сообщает кельнская газета «Вельт дер арбайт», из 518 депутатов бундестага 227 — высшие государственные служащие и министры, 124 — управляющие промышленными предприятиями, банками и т. п., а еще 55 — владельцы фирм и земельных угодий, 54 — преуспевающие лица «свободных профессий» и всего 10 человек — рабочие. «Опросы показывают, что по крайней мере 33 члена сената и палаты представителей признают (или не отрицают), что обладают миллионными состояниями. 16 из них — члены демократической партии, 16 — республиканцы, один — сенатор Гарри Бёрд от штата Вирджиния — считается независимым. По меньшей мере три с лишним десятка членов конгресса США можно назвать богачами, или, как принято говорить в Америке, «состоятельными», — пишет вашингтонский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». При этом он подчеркивает: несколько членов конгресса утверждают, что практически не знают размеров собственных состояний, указывая, что основная часть их средств помещена в акционерные компании, банковское дело, землю, и не поддается точной оценке.

Самым богатым человеком в сенате называют Эдварда Кеннеди. Свои миллионы он унаследовал от отца, бизнесмена Джозефа Кеннеди. Сенатор не предаёт гласности размеры состояния, однако не скрывает содержания своих налоговых деклараций. Последняя доступная из них, за 1974 г., показывает, что чистые личные доходы сенатора составили примерно 491 тыс. долл. (в основном от ренты). Состояние сенатора Пелла, составляющее примерно 2 млн. долл., было построено на индустрии средств связи, но теперь он перевел свои капиталы в увеселительные парки. Сенатор Брок унаследовал капитал от семьи, которая владела компанией по производству кондитерских изделий, основанной его дедом. Состояние члена палаты представителей Фенвик, которое оценивают примерно в 5 млн. долл., вложено в акции, облигации, кредитные бумаги. Деньги она унаследовала от матери. В палате представителей заседает один из отпрысков семьи миллиардеров Дюпонов, вкладывавший капиталы в производство химических продуктов и взрывчатых веществ. У конгрессмена — более миллиона долларов.

А вот ещё несколько наследников. Член палаты представителей Стаки — кондитерские магазины и рестораны; член палаты представителей Бройхилл — бывший вице-президент крупнейшей в стране семейной фирмы по производству мебели; член палаты представителей Хейнц — выходец из семьи, связанной с производством продовольственных товаров, прежде всего соусов и приправ; член палаты представителей Белл — сын основателя нефтяной компании «Белл петролеум».

Среди тех миллионеров в конгрессе, которые унаследовали основную часть своих капиталов, сенатор Лонг (бизнес на нефти); сенатор Гарри Бёрд (фруктовые сады и газетное дело); член палаты представителей Гуд (земля и цветочный бизнес); член палаты представителей Морхед (акционерный капитал); член палаты представителей Хатчинсон (фруктовые консервы); член палаты представителей Оттинджер (ценные бумаги).

В список конгрессменов, самостоятельно ско-

пивших миллионные состояния, входят сенатор Монтойя (недвижимость); сенатор Бентсен (земля, нефть, скотоводство, страхование); сенатор Стоун (адвокатская практика); член палаты представителей Старк (банковское дело); член палаты представителей Эдвардс (страхование собственности).

Высший законодательный орган страны — не исключение. Засилье «денежных мешков» характерно для всех органов власти, сверху донизу, о чем весьма убедительно рассказывает на примере столицы штата Калифорния Сакраменто французский журналист и публицист Жак Арно в книге «Демократия в Сакраменто», которая была выпущена в 1976 г.

— Влиянием обладают крупные вкладчики капиталов. На нашем уровне власть не в руках муниципального совета, а в руках дельцов, — пожаловался автору книги мэр этого города Ричард Мариотт.

Кто же правит в Сакраменто? — задался вопросом Ж. Арно. В поисках ответа он наткнулся на орган местных консерваторов газету «С а к р а м е н т о ю н ь о н», которая провела опрос, обратившись к известным в городе людям с просьбой указать тех, кто «оказывает наибольшее влияние на жизнь сограждан».

Опрашиваемые чаще всего называли 12 имен. Этот список включал представителей старых «патрицианских» семей, предпринимателей последующих поколений, добившихся богатства и известности, а также новых лиц, появившихся на местной политической арене в последние годы, — одного профсоюзного руководителя и одного чернокожего американца. В списке не оказалось ни мэра, ни какого-либо другого выборного лица.

10 из этих 12 влиятельных граждан Сакраменто — бизнесмены, предприниматели, адвокаты — все состоятельные люди.

Среди «патрициев» — семьи Макклэтчи и Барнет Миллер, Элеонора Макклэтчи и ее сын — владельцы трех ежедневных газет, ряда радиотелевизионных станций и других предприятий. 10 лет назад во время подобного же опроса Макклэтчи

шли во главе списка «десяти самых влиятельных и могущественных граждан».

Барнет Миллер — член ассоциации «Сакраменто пайонир фаундейшн», объединяющей потомков семей, обосновавшихся в этих местах до 1849 г. Один из Миллеров был первым губернатором штата. Сам Барнет — лесопромышленник. Его жена, Мими Глайдз, также принадлежит к аристократии старых семейств.

Боб и Джон Келли — владельцы крупнейшей телевизионной станции и двух радиостанций, акционеры «Райвер сити бэнк», располагающие контрольным пакетом; у них есть предприятия на Аляске. Брюс Аллен — совладелец юридической конторы «Макдонау, Холланд, Шварц, Аллен и Уорхевтиг». Седьмой в списке — Генри Тейчерт, президент крупнейшей в Калифорнии строительной фирмы, основанной его дедом. Тейчерт по профессии адвокат, в свободное время выполняющий поручения вышеназванной юридической конторы. Он республиканец, влиятельный член епископальной церкви. Гордон Шеберт — хозяин частной школы права, которой он руководит с 1957 г. В ней насчитывается 1300 учащихся. Кстати, касаясь состава выборных органов, Ж. Арно приходит к выводу, что этим богачам незачем добиваться своего участия в них: «В муниципальном совете вы встретите юристов, представляющих интересы богачей и средних классов. Единственная социальная категория, не представленная в выборных органах, — рабочие».

Адвокаты, заседающие в выборных органах или занимающие кабинеты на самых верхних этажах здания государственной власти, — типичная картина. Тесно связанные в повседневной «деловой» жизни с крупными корпорациями, интересы которых представляют, они, оказавшись в «коридорах власти», усердно отстаивают интересы своих патронов в государственных делах, только ставки тут бывают выше — миллиардные заказы для «своих» монополий или угодные им законы в результате принятия тех или иных решений.

Но чтобы достойно представлять интересы ка-

кой-нибудь корпорации в законодательных или правительственных органах, не обязательно быть адвокатом по профессии, им надо быть по существу. И тогда, исходя из принципа «Вы — нам, мы — вам», «жирные коты», как в США называют крупные монополии, жертвующие немалые средства в фонды избирательных кампаний, не поспеют ни на деньги, ни на влияние ради своих протекторов, писал журнал «Ньюрипблнк».

— Объективно говоря, если вы приняли 50 тыс., пожертвованные «Бэнк оф Америка», и добились успеха на выборах, то предложенным вам законопроектом наверняка не будет закон о повышении налога с банков. Финансируя выборы, крупные капиталисты стремятся, как и прежде, прибрать к рукам политические органы — говорит Марк Поше, профессор права, помощник губернатора Калифорнии по политическим делам.

Скандалную известность, например, приобрело имя сенатора Генри Джексона, ярого противника разрядки, который выступает против советско-американских соглашений о сокращении ядерных вооружений. Видного члена демократической партии, председателя влиятельных органов в сенате, в том числе подкомиссии по делам вооруженных сил, которая тесно связана с Пентагоном, Г. Джексона в американской прессе называют «сенатором от «Боинга». Этот эпитет «прилип» к нему не случайно: уж очень откровенно защищает он интересы кампании, штаб-квартира и заводы которой находятся в штате Вашингтон. А его-то Г. Джексон и представляет в сенате. Рассчитанные на получение односторонних преимуществ американские предложения на советско-американских переговорах по ограничению стратегических наступательных вооружений, которые государственный секретарь С. Вэнс привозил в Москву в марте 1977 г., были подготовлены на основе меморандума, который для правительства составил сенатор Г. Джексон, сообщила бостонская газета «Кристенсайенсмонитор». Согласно этому документу, правительство США делало основную ставку на производство крылатых ракет, которые выдавались

за тактическое оружие и оставались за пределами соглашения. А в числе главных производителей крылатых ракет — «Боинг»!

Одним из «напарников» Г. Джексона в палате представителей является видный член национального совета ультраправого «Общества Джона Бёрча» Ларри Макдональд, представляющий в конгрессе округ Мариетта, штат Джорджия, начиная с 1974 г.

Давайте заглянем в официальные отчеты Федеральной избирательной комиссии. Они показывают, что средства на избирательную кампанию Макдональда предоставляли богатейшие подрядчики Пентагона, нефтяные миллионеры, профсоюзные воротилы и ультрареакционеры.

На родине Макдональда, в городе Мариетта, расположен крупнейший завод «Локхид» по производству реактивных самолетов С-130. Корпорация «Локхид эйркрафт», занимающая второе место среди поставщиков министерства обороны, оказалась в списке «жирных котов» Макдональда на одном из первых мест. Отдельные взносы сделали владельцы «Локхид» в частном порядке. Еще один щедрый жертвователь конгрессмена — корпорация «Рокуэл интернэшнл» (10-й по значимости подрядчик Пентагона), которая надеялась получить контракт на производство бомбардировщика Б-1. Группа Фонд активной гражданственности, детище корпорации «Хьюз эйркрафт», также переводила деньги в фонд Макдональда.

Пять членов семьи ныне покойного Ханта, крайне реакционного нефтяного магната из Техаса, замешанного, как утверждали многие американские газеты, в организации убийства президента Кеннеди, внесли в фонд избирательной кампании Макдональда по тысяче долларов каждый. В отчете Федеральной избирательной комиссии перечислены и другие вкладчики, включая такие ультраправые группировки, как Собрание Арлингтона за национальные консервативные политические акции, Фонд победы консерваторов, Американская медицинская ассоциация и Комитет за права нанимателей. Самым крупным вкладчиком в фонд

кампании Макдональда оказался Комитет за сохранение независимого конгресса. Этот комитет учрежден в 1974 г. придерживающимся правых взглядов хозяином компании «Адольф Курс», шестой по величине пивоваренной корпорации США, с целью проташить в конгресс ультрареакционных законодателей, включая тайных и явных членов «Общества Джона Бёрча», со вполне определенными задачами — подорвать разрядку в советско-американских отношениях, вернуть времена «холодной войны», развернуть ожесточенное наступление на права негров, американцев латиноамериканского происхождения и рабочего класса в целом. Макдональд получил также по тысяче долларов от самого Дж. Курса и от Комитета политических действий компании «Адольф Курс». Добавим, что филиал этой компании, «Курс порслин», производит конусы-обтекатели для ракет, блоки к ядерному оружию и другие «детали» по заказам Пентагона.

«Адвокатская практика» Г. Джексона или Л. Макдональда на ниве американского конгресса — типичная картина и для государственных органов.

«Если прочитать краткие биографические справки на подавляющее большинство должностных лиц, назначенных в средние звенья правительства Картера, создается впечатление, что почти все это уже давно знакомо, — пишет журнал «Х а р п е р с». — Выходцы преимущественно из юридических фирм, занимающихся корпоративным правом, из делового мира и аппарата конгресса — это люди, которые, подобно их патронам, живут в малодоступных сферах с точки зрения доходов и социальных контактов. Десятки имен, званий и постов — и все они почти без исключения связаны с финансовыми или управляющими кругами: та или иная фирма или центр, пост вице-президента в той или иной корпорации, принадлежность к привилегированному обществу выпускников определенных учебных заведений».

В этом смысле характерную картину являет собой и правительство Соединенных Штатов.

«Современная политическая загадка: какая группа из 11 человек, близкая к Дж. Картеру, имеет около 70 лет совокупной государственной службы, примерно 30 директорских постов в корпорациях и средний доход на человека, составивший в 1976 году 211 тысяч долларов?»

Ответ: кабинет министров Соединенных Штатов, тот самый, который получили американцы. Заметим, что во время предвыборной кампании Дж. Картер обещал провести чистку правительственного аппарата сверху донизу — так начинает свою статью в «Х а р п е р с е» журналист Роджер Моррис.

Рассмотрение биографических данных ряда членов кабинета (о государственном секретаре Сайрусе Вэнсе он пишет: образование, полученное в привилегированных учебных заведениях, женитьба, стажировка в видной нью-йоркской юридической фирме привели его как протеже Линдона Джонсона в правительство Кеннеди, где его подчеркнутая лояльность и отсутствие собственного мнения помогли ему стать важным, хотя и безвестным творцом внешней политики. Впоследствии благодаря тем же качествам он стал преуспевающим юристом — специалистом по корпоративному праву и сговорчивым членом советов директоров Фонда Рокфеллера, «Пан-Америкэн», ИБМ и «Нью-Йорк таймс» во время президентства Никсона и Форда) позволило Р. Моррису сделать следующее обобщение:

«Налицо несколько черт, свойственных всем нашим правителям, которые определяют их принадлежность к известному классу. Хотя это тщательно маскируется, главный объект приверженности этих людей и источник их власти — это деньги. Нынешние президенты и члены кабинета немислимы на своих высоких постах или вблизи них без денег и отличий, полученных благодаря накоплению финансовых средств для себя либо для других. Их возвышение не обусловлено никакими другими достижениями, и никакие иные успехи особенно не выделяют их из толпы сограждан, обладающих в общем не меньшими достоинствами.

Те, кто то и дело попадает в состав правительства, обычно могут рассчитывать, что их рыночная стоимость удвоится и даже утроится, когда они возвращаются в частный сектор, принося с собой влияние. Примером может служить завидная синекюра, полученная бывшими должностными лицами правительства Никсона — Форда, а также прибыльные «антракты» Вэнса, Блюментала (миллионера, министра финансов. — *Авт.*) или Харрис (которая была членом совета директоров кампаний «Рейнольдс тобэкко», «Истмэн Кодак», «Уэстерн электрик» и Нью-Йоркской фондовой биржи. — *Авт.*) в период между правлением Джонсона и Картера».

Сила денег как социального фактора имеет решающее значение. Таким образом, продвижение этих людей и ныне в очень большой степени зависит от денег, продолжает автор статьи, считая нужным оговориться: в этом отношении высшие должностные лица администрации Картера едва ли отличаются от своих предшественников-республиканцев. И правительство Картера напоминает «выразительный по составу» кабинет Никсона 1969 г., в который входили Уильям Роджерс (юрист корпораций) — государственный секретарь, Дэвид Кеннеди (банкир) — министр финансов, Мелвин Лэйрд (конгрессмен) — министр обороны, Джон Волпе (строительный магнат и губернатор штата) — министр транспорта и так далее, не говоря уже о «лощенном приспешнике Рокфеллера, политике по имени Генри Киссинджер». По иронии судьбы министров Дж. Картера больше всего отличает от республиканцев то, что члены нынешнего кабинета, каждый в отдельности и все, вместе взятые, гораздо богаче. Без заметных исключений все они представляют группу рвущихся вперед людей, жизнь которых определяется, а карьера обеспечивается тем местом, которое они прочно занимают в данный момент в правительстве, юридической фирме, университете, корпорации.

Внутри класса — это деятели-политики в начальном смысле этих понятий. Они прекрасно усвоили, кого обхаживать, когда и как. Подобно

всем, кто достиг видного положения, они старательно соблюдают приличия хотя бы потому, что надежная репутация — это современный заменитель не только благородного происхождения, но и таланта, подчеркивает «Харперс». В известной степени интеллект играет роль, но обычно это просто рекламное объявление, в котором никто не читает слов, написанных мелким шрифтом. Так, в январе 1977 г. гораздо большее значение имело то, что Збигнев Бжезинский — протеже Дэвида Рокфеллера, что он гостил в доме Аверелла Гарримана в Джорджтауне, чем то, что он автор бесконечной серии путаных, посредственных книг. Подобно своим предшественникам за последние три десятилетия, самые видные советники Дж. Картера едва ли могут считаться самыми лучшими и талантливыми представителями многомиллионного населения США. Это просто пригодные или вызывающие наименьшие возражения люди из класса удержавшихся в верхах бонз.

Наличие покровителя — самое важное для кандидатов в члены правящего класса, и, когда решается вопрос о надежности протеже, его партийная принадлежность не имеет большого значения, утверждает Роджер Моррис. В подкрепление своего тезиса он приводит пример Александра Хейга, которого «дал» Джозеф Калифано (сам протеже бывшего министра обороны Макнамары, юрист, имевший в 1976 г. доход в 600 тыс. долл., представляя интересы химических и фармацевтических компаний, а в кабинете Картера — министр здравоохранения, образования и социального обеспечения. — *Авт.*), рекомендовав его Киссинджеру в 1969 г. на основании той работы, которую Хейг делал в Пентагоне для Калифано. Хейг сыграл решающую роль в разработке политики в отношении Вьетнама в 1969—1972 гг. и, разумеется, был лояльным подданным Ричарда Никсона в последний год его правления. Правительство Картера в свою очередь выиграло от двухпартийности правящего класса. Помимо Хейга, который в настоящее время является верховным главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Евро-

пе, оно привлекло к работе в Белом доме, государственном департаменте и Пентагоне более десятка ведущих «непрофессиональных» должностных лиц, которые занимали ответственные посты при Никсоне.

Наличие одних и тех же людей на постах, от которых зависит политика, или по крайней мере людей одного рода помогает ответить на вопрос, который публика задает каждые четыре года, а именно: почему выборы существенно не меняют правительственную политику, констатирует «Х а р п е р с».

Подсчитав, что 90 % представителей политической элиты — выходцы из 20 % богатейших американских семей, «М о н д д и п л о м а т и к» горько восклицает: «До чего же жалким и наивным рядом с ними выглядит гражданин, помахивающий своим бюллетенем! На сколько световых лет отстоит все это от демократии!»

Но даже если с помощью этого бюллетеня избирателю все же удастся послать в законодательные органы честных людей, они сразу оказываются в трясине, которая быстро засасывает их, приучая к главной для буржуазной «демократии» мысли: законодатели — слуги не народа, а капитала. Об этом, в частности, весьма убедительно поведал «Н ь ю - Й о р к т а й м с м э г э з и н», опубликовавший статью Джеймса Нортонна, который построил ее на дневниках молодого конгрессмена Окойна от штата Орегон.

...Почти всю ночь, как было отмечено в его дневнике, Окойн после победы на выборах проговорил с женой о том, что «положение страны требует критических решений». Масса нерешенных проблем: как вести себя с остальным миром после краха в Индокитае, как оживить экономику, не раздувая инфляции, как обеспечить энергетическое снабжение, не опустошая национальные ресурсы. И Окойн с удовольствием отмечал, как велико будет в палате большинство демократической партии и как много в ней будет новичков. Он вспоминает, что думал о «возможностях структурных изменений в палате», о громадности задач, кото-

рые он будет вместе с другими решать. «У меня захватывало дух...»

— Избиратели, — думал каждый из новичков, избранных в конгресс, — посадили меня на белого коня, чтобы доскакать в столицу как раз вовремя.

«Они прискакали в столицу, но ничего не переменилось и не случилось. Быть может, не случится никогда, — комментирует Дж. Нортон. — Быть может, начинают думать новички вроде Окойна, этого и не нужно. Конгресс вновь погрузился в традиционное болото бюрократизма, неэффективности, узости интересов отдельных групп законодателей. Бравые лидеры демократов обещали, что выработают национальную энергетическую программу. Однако конгресс не породил ни программы, ни даже соглашения о том, что в ней должно содержаться. Лидеры демократов, прошедшие в конгрессе много лет, брюзжали, что новички — это «компания тупоголовых идеологов», как выразился председатель одной из комиссий, которые «хотят слишком много». Новички затеяли открытую ссору с демократической иерархией Капитолия. Но уже полгода спустя... Окойн говорил о «подавляющем чувстве тщетности усилий». Он убедился, что конгресс никогда и не собирался работать эффективно».

Что же повлияло на столь резкое изменение взглядов?

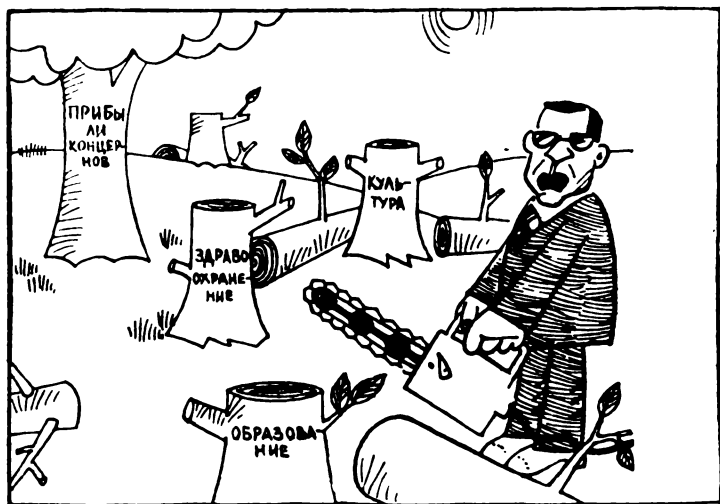
...На первом семинаре, проведенном для новичков «демократической исследовательской группой» — умеренно-либеральной коалицией членов палаты, им сказали, как делать заявления в целях саморекламы, сколько им положено казенных календарей и конвертов, почему неполитично требовать от служащих делиться незаконными доходами и когда самый дешевый телефонный тариф. Но больше всего говорили о том, как добиться переизбрания. Конгрессмен Томас Фоули от штата Вашингтон заявил откровенно:

— Вы вступили теперь в новый клуб. Его называют закрытым клубом.

А вот страничка из дневника Окойна:

«Лучший совет, который когда-либо слышал,

исходил от сенатора Уэйна Морзе: «Главное правило в политике состоит, во-первых, в том, чтобы выяснить факты и, во-вторых, чтобы следовать туда, куда они указывают». Уэйн Морзе был одним из двух сенаторов, голосовавших в 1964 г. против резолюции об инциденте в Тонкинском заливе, которая привела к массированному вмеша-

— Если хорошенько поискать,
всегда найдется, за счет чего
пополнить казну

тельству США во вьетнамскую войну. Но на следующих выборах Морзе потерпел поражение. Совет его никогда не пользовался популярностью в конгрессе».

... В феврале 1975 г. палата представителей большинством в 78 голосов проголосовала за то, чтобы поднять потолок федерального долга на 36 млрд. долл. — до 531 млрд. долл. Окойн, рассказывает Дж. Нортона, поглядывал украдкой на электронное табло за галереей прессы, где зеленые и красные лампочки показывали, как голосовали конгрессмены. Он был ошеломлен: либералы без колебаний отклоняли предложения об ассигновании

средств на создание новых рабочих мест, образование и жилищное строительство. Это была политическая уступка консервативно настроенным деятелям.

«Чистейшее и потрясающее лицемерие», — записал Окойн в дневнике.

Электронное табло зарегистрировало провал законопроекта, который создал бы 900 тыс. рабочих мест для безработных. Законопроект был ключевым элементом разрекламированной программы, с помощью которой некоторые демократы рассчитывали с Капитолийского холма оживить экономику. Им не хватило пяти голосов, чтобы одобрить законопроект.

«В этот момент, — записал Окойн, — я понял наконец, что хвастливые слова о «правлении конгресса» — пустой звук».

Окойна ждали и другие неприятности. Он был одним из авторов «чрезвычайного закона о жилищном строительстве для лиц со средним доходом», в котором предусматривались федеральные субсидии на строительство домов и, следовательно, создание новых рабочих мест. Это был недешевый способ сокращения безработицы — расходы превысили бы миллиард долларов. Однако, происходя из штата, где экономика базировалась на лесной и деревообрабатывающей промышленности, из округа, где 20 % самодеятельного населения — безработные, Окойн видел в законопроекте средство помочь и своему округу, и всей стране.

Через десять дней после того, как законопроект лег на стол Джеральда Форда, президент наложил на него вето.

Дома, в Орегоне, размышляя над своей работой в конгрессе, Окойн записал в дневнике: «Позади семь месяцев — семь месяцев разочарований. Стоила ли игра свеч? Конечно, многие вещи просто обескураживают. Буквально каждый день в конгрессе можно наблюдать мелочность, беспринципность, себялюбие, непроходимое невежество, оппортунизм, жестокость, демагогию и все прочие пороки».

К числу «всех прочих пороков» относится и взя-

точничество, что особенно ярко проявилось, когда раскрылся скандал с подкупом конгрессменов представителями южнокорейского правительства ради выделения военной и экономической помощи Сеулу; и жульничество типа торговли выгодными контрактами, которым занимался член палаты представителей Эйлберг, попавший под расследование в начале 1978 г.; и моральная нечистоплотность, которой отличался влиятельный член палаты представителей Хейс, содержавший любовницу в штате своих помощников и выплачивавший ей жалованье за счет налогоплательщиков в 14 тыс. долл. в год; и, наконец, алкоголизм и разврат, которыми отличался председатель бюджетной комиссии палаты представителей Миллс, «развлекавшийся» со звездой стриптиза.

— Повсюду люди говорят об обвинениях в адрес некоторых членов конгресса, нарушающих финансовую дисциплину и использующих свое положение для личного обогащения,— сказал по этому поводу репортеру журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» член палаты представителей от штата Пенсильвания Уильям Гудлинг.— Победа на выборах дает членам конгресса возможность делать все, что они пожелают, даже если это незаконно и противоречит моральным нормам.

Но, пожалуй, все, вместе взятые, эти пороки отступают на второй план в сравнении с пресмыкательством перед крупным капиталом, диктующим свою волю высшему законодательному органу страны. Именно согласно пожеланиям большого бизнеса поступил, например, в конце 1977 г. сенат, когда, как писал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «представляющие нефтяные группы законодатели, возглавляемые сенатором-демократом Расселом Лонгом, практически полностью искромсали энергетическую программу Картера (который заявил, что с ее помощью он хочет гарантировать нужды страны и ограничить прибыли нефтяных монополий — 100 млрд. долл. к 1985 г., в то время как те хотят получить 150 млрд., что президент назвал «шкуродерством»).—

Авт.). В то же время они словно тараном пробили через конгресс законопроект, отменяющий контроль над ценами на природный газ».

Подобный диктат монополий, наряду с анализом социальных корней и богатства руководящей элиты, позволил американскому профессору Уильяму Домхофу, написавшему статью для «М о н д д и п л о м а т и к», прийти к следующему заключению: «Правительство Соединенных Штатов находится под контролем незначительного меньшинства населения страны, обладающего колоссальными богатствами. Отдельные лица, компании или даже целые секторы экономики добиваются привилегий, субсидий и законодательства, отвечающих их интересам. Достигается это с помощью влиятельных групп лоббистов, крупных вашингтонских деятелей, верхушки профессиональных союзов, консультативных комитетов при министерствах и официальных учреждениях».

Про лоббистов, представляющих интересы отдельных групп большого бизнеса — промышленных и торговых фирм, банков и различных ассоциаций, — говорят, что они составляют в конгрессе «третью палату», или «палату толкачей». Эти определения не только отражают суть их деятельности, сводящейся к «пробиванию» выгодного для их клиентов законодательства или, наоборот, блокированию неугодного, но и официальный статус — ведь лоббисты регистрируются при законодательных органах и ежегодно с данными на них распространяются правительством.

«Капитолий забит лоббистами — представителями древнейшей профессии в Вашингтоне. Эти дельцы проталкивают требования своих хозяев на всех стадиях подготовки законов в конгрессе. Они обрабатывают сенаторов, членов палаты представителей и их помощников», — это свидетельство журнала, к которому мы уже не раз обращались, — «Ю. С. н ь ю с э н д У о р л д р и п о р т». Никто точно не знает, сколько их в столице, но, говорят, шесть тысяч человек. Сенаторы и конгрессмены порой выглядят марионетками лоббистов.

Слово «лоббист» вызывает в воображении многих американцев картины разврата с реками вин и саквояжами, набитыми банкнотами. Чаще ставка делается на индивидуальные встречи с законодателями и сотрудниками комиссий конгресса. Ряд ресторанов в районе Капитолия процветает на обслуживании подобного рода «завтраков» или «обедов», которые «скрепляют отношения». Взятки наличными также пользуются успехом.

«Член палаты представителей Ричард Боллинг (демократ от штата Миссури) признает, что финансирование лоббистами избирательной кампании кандидатов в конгресс делается с целью оказания влияния на процесс принятия законов. Часто доллары вкладываются на личный счет кандидата в таких условиях, что он лишится денег, если будет голосовать против интересов тех, кто финансировал его избирательную кампанию. Взносы в фонды избирательной кампании позволяют лоббистам держать в узде законодателей», — заключает еженедельник.

И как тут не вспомнить исчерпывающую характеристику законодательным органам капиталистического мира, которую дал В. И. Ленин: «Участие в буржуазном парламенте (который *никогда не решает* серьезнейших вопросов в буржуазной демократии: их решает биржа, банки) *загорожено* от трудящихся масс тысячами загорожек, и рабочие великолепно знают и чувствуют, видят и осязают, что буржуазный парламент *чужое* учреждение, *орудие угнетения* пролетариев буржуазией, учреждение враждебного класса, эксплуататорского меньшинства»¹.

В списке, датированном 24 марта 1975 г. и изданном секретарем штата Калифорния, значатся имена 629 лоббистов, представляющих 734 организации. Некоторые промышленно-финансовые группы содержат целый штат «толкачей». Например, у «Стандард ойл оф Калифорния» их 16.

Вот, например, как выглядит, судя по книге Жака Арно, «деятельность» лоббиста Дэниеля Кри-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 256—257.

дона, отстаивающего в Калифорнии интересы ассоциаций калифорнийских пивоваров, директоров похоронных бюро, компаний ссудных и сберегательных касс, инженеров-консультантов и полицейских. Его задача — добиться от членов палаты представителей и сенаторов штата, а также от местной администрации принятия решений и мер, благоприятствующих интересам тех, кто платит ему за труды 10 тыс. долл. в год. Средство воздействия на нужных лиц — деньги представляемых им фирм. По словам Кридона, он ежемесячно тратит около 4 тыс. долл. на выпивку и угощение членов палаты представителей и сената. Во время выборов 1974 г. он снабжал деньгами 8 сенаторов, выдав каждому по 500 долл., и 42 членов палаты представителей (им по 250 долл.) из сумм, выделенных на эти цели пивоварами. Он же выплатил по 300 долл. 24 членам законодательного собрания штата от имени ассоциации директоров похоронных бюро; по 400 долл. — 11 членам законодательного собрания от имени ассоциации инженеров-консультантов. До того, как стать лоббистом, Дэниел Кридон был членом законодательного собрания штата; ныне он использует старые связи и опыт в интересах своих хозяев.

Но самым влиятельным лоббистом в штате Калифорния, по данным Ж. Арно, считают Джеймса Гарибальди. В свое время он был судьей, а затем членом законодательного собрания. Представляет ассоциацию торговцев винами и крепкими спиртными напитками в Калифорнии, «Голливуд терф клуб», «Берма ойл энд гэз компани», рекламные фирмы и многих других. Во время сессии его ежедневный доход составляет до 900 долл.; кроме того, он ежемесячно предъявляет своим доверителям счет за угощение и выпивку в размере 3500 долл. Во время выборов 1974 г. Джеймс Гарибальди роздал от имени своих нанимателей 80 тыс. долл. в виде пожертвований кандидатам в сенат, палату представителей и выборные органы штата. Он способствовал избранию 70 % нынешних членов законодательного собрания Калифорнии, так как цинично заявляет: лучше посадить на выборную

должность своего человека, чем оказывать давление на избранных при помощи других.

А как при подобном «распределении обязанностей» происходит процесс выработки политических идей и принятия решений правительством? На этот вопрос отвечает профессор Уильям Домхоф:

— Главные роли в этой области принадлежат Совету международных отношений, Комитету экономического развития, Совету предпринимателей, Американской ассамблее и Национальной муниципальной лиге — организациям, основным назначением которых является достижение согласия в рядах правящей элиты. Эти организации субсидируются и находятся во власти тех же представителей правящего класса, которые контролируют крупные компании, банки и фонды. Они объединяют представителей правящей элиты всей страны для обсуждения общих проблем, например помощи иностранным государствам, использования ядерного оружия, налоговых или демографических вопросов. Кроме того, в ходе деятельности этих организаций выявляются качества новых лидеров из рядов правящего класса. Именно там хозяева крупных компаний могут выдвигать лиц, которые имеют наиболее подходящие данные для занятия правительственных постов. Наконец, подобная система позволяет заказывать исследования по важным вопросам самым компетентным экспертам, а затем через книги, журналы, заявления, коммюнике в печати и речи влиять на общественное мнение...

Наличие подобного механизма планирования политики свидетельствует о главном: «кто платит, тот и заказывает музыку». В самом деле, он показывает, что главные руководители различных секторов экономики встречаются именно для того, чтобы обсуждать проблемы всей системы; что представители правящей элиты, которые назначаются на правительственные посты, уже в курсе общих политических перспектив, с которыми они ознакомились в упомянутых выше влиятельных организациях; что правительственные чиновники, являю-

щиеся выходцами из среды крупной буржуазии, служат тем, кто им платит.

При наличии столь мощных действующих за кулисами сил партии США — имеются в виду сменяющие друг друга на «качелях власти» демократическая и республиканская — «имеют мало общего с выработкой политики», делает вывод профессор У. Домхоф.

Этим, в частности, объясняется схожесть политики правительств республиканской и демократической партий. Как писал Джозеф Крафт в статье под заголовком «Школа для государственных мужей», опубликованной во многих газетах страны, «Совет международных отношений играет особую роль, способствуя сглаживанию противоречий между двумя партиями, когда в Вашингтоне происходит смена власти».

Дэвид Халберстам в книге «Их считали лучшими и самыми умными» показывает, до какой степени политические деятели полагаются на представителей господствующей элиты, участвующих в процессе выработки политических идей. Победив на выборах под лозунгами «новых рубежей» и необходимости ликвидации «отставания от русских в области межконтинентальных ракет», пишет он, Джон Кеннеди пригласил к себе финансиста с Уолл-стрита республиканца Роберта Ловета (который даже не голосовал за него), чтобы узнать мнение о людях для назначения на важные правительственные посты. Среди имен, названных Ловетом, фигурировали имена Дина Раска из «Фонда Рокфеллера», Роберта Макнамары из компании «Форд» и Дугласа Диллона из финансовой компании «Диллон, Рид энд компани». Как известно, эти люди затем оказались: один во главе государственного департамента, другой — министерства обороны, третий — министерства финансов.

Рассматривая проблему отбора большим бизнесом кандидатов на высшие государственные должности, любопытно ознакомиться с мнением видного французского журналиста Клода Жульена, хорошо знающего Соединенные Штаты, которым он поделился в интервью с корреспондентом одного

из парижских журналов в начале 1977 г., когда правительство Джеймса Картера едва начало свою деятельность.

Вопрос. В результате президентских выборов 1976 г. в США главой одной из крупнейших мировых держав стал почти неизвестный человек, во всяком случае неизвестный большей части американских избирателей и почти всей международной общественности. Чем объяснить вторжение Джеймса Картера на политическую арену? Кто такой Джеймс Картер, или, точнее сказать, какие силы он представляет? Кто сделал его президентом?

Ответ. Появление кандидатуры Картера, его головокружительный взлет нельзя объяснить исключительно личными достоинствами. В его избрании нет ничего сверхъестественного, как об этом нередко говорят. Следует вспомнить, что задолго до того, как о нем заговорили в масштабах страны, и даже до того, как его имя вообще появилось на страницах газет, журнал «Тайм» поместил на обложке фото бывшего губернатора штата Джорджия и пространную статью о нем. С какой стати? Потому что между Джеймсом Картером и главным редактором «Тайм» установились контакты при посредничестве «трехсторонней комиссии», о которой относительно мало известно. Отмечу также, что при подборе своих главных советников Картер постоянно находил их все в той же комиссии: советник по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский, вице-президент Уолтер Мондейл, Ричард Гарднер, Джордж Болл. Назначение Сайруса Вэнса государственным секретарем США подтвердило существование тесных уз, объединяющих «трехстороннюю комиссию» и Картера...

Дополняя сказанное К. Жульеном, напомним со своей стороны, что «трехсторонняя комиссия» была создана в 1973 г. по инициативе президента «Чейз Манхэттен бэнк» Дэвида Рокфеллера. Ее возглавил известный в США «советолог» Збигнев Бжезинский, она объединяет руководителей крупнейших американских фирм и банков, таких, как «Кока-кола», «Бен-дикс», «Бэнк оф Америка», «Эксон», «Катерпиллер», «Леман бразерс», «Чейз Ман-

хэттен банк», «Сирз энд Рэбек», «Тексас инструментс», «Хьюлет — Паккард», Си-Би-Эс и др.; к ним можно прибавить представителей нескольких крупных канадских компаний. Западноевропейская сторона «комиссии» представлена Аньели («Фиат»), генеральными директорами-президентами «Банк де Пари и де Пэи-ба», «Пешинэ-Южин-Кюльман», «Сен-Гобен-Понт-а-Муссон», «Ламбер», «Роял датч», «Барклейз», «Креди банк» и некоторыми другими. Третья, японская, сторона представлена руководителями концерна «Мицубиси», «Тоёта», Токийского банка.

К промышленникам следует прибавить несколько профсоюзных и университетских деятелей. С французской стороны, весьма известные имена: профессор Раймон Арон из «Коллеж де Франс», профессор Раймон Барр, нынешний премьер-министр Франции. Из США — это профессор Гарвардского университета Сэмюел Хантингтон, выступающий в качестве ведущего теоретика комиссии.

Однако снова — слово К. Жульену.

— В Соединенных Штатах, как и в любом другом западном обществе, существуют различные, весьма влиятельные группировки. Само собой разумеется, ни одно американское правительство не может игнорировать точку зрения и интересы групп, отождествляющих могущество Соединенных Штатов, — во все времена, независимо от того, какое правительство — республиканцев или демократов — ни находилось бы у власти, эти группировки играли весьма важную роль в принятии экономических и, само собой разумеется, политических решений. Но в последние годы республиканская администрация дискредитировала себя в глазах общественности; у комиссии не было другого выбора, кроме демократической партии.

— Кандидатура Дж. Картера, — говорит далее он, — изучалась тщательнейшим образом. Была проделана огромная подготовительная работа, чтобы собрать под его именем как можно больше голосов и привлечь на его сторону самые широкие социальные, экономические, политические, другие круги. Его умеренность должна была помочь

среднему американцу узнать себя в нем (легче сравнивать себя с Джеймсом Картером, чем с Дэвидом Рокфеллером) и выразить ему свое доверие. В то же время кандидат, предложенный демократической партии извне ее иерархии, позволил избежать риска появления новой «левой» кандидатуры из низов партии, которую могли бы выдвинуть молодые демократы и социальные слои, по традиции связывающие все свои надежды с этой партией, — кандидатуры, которая в довершение всего поставила бы в затруднительное положение кандидата «трехсторонней комиссии». Наконец, «арахисовый фермер» дал возможность американским многонациональным компаниям хорошо замаскироваться, несмотря на то, что они широко финансировали избирательную кампанию Картера и приставили к нему необходимых экспертов...

Заметим со своей стороны, что, согласно данным Федеральной избирательной комиссии, Дж. Картера поддерживали банкиры с Уолл-стрит, гигантские нефтяные компании Нью-Йорка и южных штатов, крупные корпорации, — все те, которые поддерживают и других представителей правящей элиты и с которыми мы «встречались» ранее. Список могущественных финансистов, сделавших личные солидные взносы в фонд избирательной кампании Дж. Картера, возглавили старший вице-президент банка «Морган гаранти энд траст» А. Вагляно и вице-президент рокфеллеровского «Чейз Манхэттен бэнк» К. Уинзор-младший. В числе крупных пожертвователей с Уолл-стрита были С. Уилбэнкс из группы «Сити бэнкс» и председатель правления «Диллон, Рид энд компани» С. Диллон. Нефтяные корпорации представлялись бывшими и нынешними членами правлений и директорами «Экссон», «Мобил ойл», «Трансконтинентл ойл», «Континентл ойл», техасскими магнатами Далласа и Хьюстона. От ведущих промышленных монополий в области электроники пожертвования делали руководители «Интернэшнл бизнес мэшинс», «Отомэтик дейта просесинг», «Ксерокс корпорейшн». Кроме того, раскошелились директора и ведущие деятели «Тайм инкорпорейтед»,

«Кока-кола», «Пьедмонт нэчурэл гэс компани», «Сазерн Белл телефон» и др. Личные взносы сделали бывший заместитель министра обороны П. Нитце — один из «ястребов» и сторонник наращивания военных расходов, бывший государственный секретарь Д. Раск и нынешний — С. Вэнс.

Вопрос. Что же остается в таком случае от американской демократии, вернее, от мифа об американской демократии, когда представители крупных монополий могут столь беззастенчиво манипулировать политическими структурами страны?

Ответ. Надо со всей ясностью сказать, что «трехсторонняя комиссия» — не секретная организация наподобие Центрального разведывательного управления. Это своего рода дискуссионный клуб, где встречаются не только руководители крупных фирм, о которых говорилось выше, но также и представители профсоюзной верхушки и кое-кто из университетских профессоров и других лиц, уверенных в том, что процветание американского «большого бизнеса» выгодно. Здесь не говорят откровенно, напрямик: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо для Америки». Но во имя некой национальной «солидарности» (что не ново в американской политической жизни) пытаются отодвинуть на задний план классовые конфликты, столкновение интересов в обществе. Это старая идеология. В данном случае она весьма хитроумна и более ловко преподносится. Особенность здесь в том, что в руках этих людей сосредоточена огромная экономическая мощь, что в их распоряжении множество специалистов и экспертов в самых различных областях. Политика, вырабатываемая «трехсторонней комиссией», предусматривает систематическое вмешательство в дела других стран; именно такой курс проводился президентами Джонсоном и Никсоном. Одно время — этот период относился к первым послевоенным годам — США были убеждены, что они беспрепятственно могут устанавливать свои законы повсюду в мире, диктовать выбор системы. Отсюда — интервенция во Вьетнаме и других странах, организованные Вашингтоном государственные пе-

ревероты и выступления подрывных групп и т. д. И сейчас Вашингтон стремится добиваться превалирующей роли в крупных стратегических районах мира.

Вопрос. Иными словами, есть ли изменения при сохранении верности прежней политике?

Ответ. Да, меняются не цели, а только методы...

Помимо «трехсторонней комиссии» есть еще одно неофициальное «надправительство», действующее в международном масштабе и состоящее из «сильных мира сего». О нем миланский журнал «Э у р о п е о» писал:

«Общество, окруженное почти непроницаемой завесой секретности, — «Билдербергский клуб». Его члены обязаны хранить молчание, а официальных публикуемых документов о деятельности этого клуба, председателем которого является голландский принц Бернард, не существует. Раз в 12 месяцев 60—80 видных деятелей Западной Европы и Америки встречаются и совместно обсуждают «проблемы текущего момента». Если присмотреться к перечню фамилий бывших и нынешних участников клуба, то увидим, что собрания эти похожи на заседания некоего «теневого кабинета министров», причем кабинета, стоящего над национальными правительствами (и куда более могущественного, чем эти последние). На протяжении трех дней — именно столько длятся «билдербергские встречи» — сходятся и беседуют друг с другом в высшей степени влиятельные люди».

Они ведут свои обсуждения в «неофициальном» порядке, уверенные, что сохранение в тайне их мнений, которые нигде не записываются и никем не разглашаются, гарантировано. По завершении дискуссии они принимают решения.

Несмотря на секретность, журналистам «Э у р о п е о» удалось добыть повестки дня. Для примера приводим некоторые из них. В 1954 г. в отделе «Билдерберг» в Остербеке (Голландия), когда был создан «клуб», обсуждалась тема «Защита Европы от коммунистической опасности. Позиция Советского Союза». В 1955 г. в Барбизоне

(Франция) темой встречи было «Коммунистическое проникновение на Запад: ответ Запада в политическом, идеологическом и экономическом плане». На внеочередном заседании в том же году в ФРГ: «Состояние Атлантического союза; некоторые стратегические аспекты использования атомной энергии; объединение Германии». 1971 г.— Вудсток (США): «Роль экономического вмешательства в обстановке социальной нестабильности. Изменение роли Соединенных Штатов в мире». 1972 г.— Кнокке (Бельгия): «Положение в Европе и в Атлантическом союзе. Новые стратегические проблемы». Уже сама одна постановка вопросов говорит за себя.

Собрания клуба неизменно приходятся на наиболее сложные и напряженные моменты международной обстановки. К примеру, встреча на французском курорте Межёв в 1974 г. состоялась накануне ухода в отставку Вилли Брандта в ФРГ и революции в Португалии. Примечательно, что на этой встрече присутствовали противники Брандта, а от португальцев — директор компании «Лижнаве», связанной с генералом Спинолой, который несколько дней спустя пришел к власти в Португалии.

Что касается участников от Италии, то предпочтение отдается руководителям национальной экономики, умеренно консервативным политикам правительственных партий и дипломатам. Если говорить о США и о ядре этого «закулисного правительства», то в него входят самые высокопоставленные военные руководители, люди из окружения президента США, видные политические деятели, руководители ЦРУ.

«Официальная цель клуба — поиск «новых путей к достижению взаимопонимания между Западом и коммунистическим миром», между Западной Европой и Америкой, — констатирует «Э у р о п е о». — В действительности достаточно ознакомиться с темами встреч, состоявшихся до сего дня, чтобы убедиться: перед нами полный набор тех элементов, из которых складывается так называемый «западный» образ мыслей — платфор-

ма, объединяющая умеренно консервативных и проамерикански настроенных деятелей Западной Европы и твердолобых элементов политического мира США. Некоторые считают, что этот «теневой кабинет» дает советы национальным правительствам».

Итак, и в национальном, и в международном плане в мире капитала вся полнота власти принадлежит узкой, наиболее состоятельной, привилегированной и всемогущей группе, которая поставляет своих людей и в политическую, и в государственную, и в промышленно-банковскую сферы управления буржуазным обществом. Иными словами, как подчеркивал Л. И. Брежнев, выступая на Пленуме ЦК КПСС в мае 1977 г., в буржуазных странах «действительно управляет только немногочисленный класс капиталистов»¹, навязывая с помощью послушных средств пропаганды угодные ему идеи, взгляды, диктуя внутреннюю и внешнюю политику.

О том, что это несет широким народным массам, мы уже говорили в предыдущих главах: безработицу и нищету, насилие и бесправие, постоянные ограничения в социальной сфере и попрание гражданских прав. И никакая маскировка, никакие «переодевания» в «народные одежды» не помогают буржуазии скрыть остроклассовый характер своего государства.

¹ См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 6, с. 386.

Глава IX

Кто платит, тот и заказывает прессе «музыку»...

Выступая 31 июля 1975 г. во дворце «Финляндия» с трибуны Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Л. И. Брежнев сказал: «Не секрет, что средства информации могут служить целям мира и доверия, а могут разносить по свету отраву розни между странами и народами»¹.

Печать, телевидение и радио в наши дни — неизменные «спутники» каждого человека. Они — своеобразные «окна» во внешний мир, могущественные средства информации, способные, используя современную технику, поставлять известия почти мгновенно. Однако передаваемые прессой новости отнюдь не только средство удовлетворения духовных запросов человека, его жажды знаний. Это и один из важнейших инструментов пропаганды, идеологического воздействия, управления жизнью государства и общества. Это в значительной степени предопределяет роль, которую для каждого государства и международного сообщества в целом они играют, чьи интересы защищают, на чьей стороне находятся.

«Финансовый капитал создал эпоху монополий, — писал В. И. Ленин. — А монополии всюду несут с собой монополистические начала...»² Это определение полностью справедливо для характеристики состояния прессы капиталистического мира. 99 % газет в странах Запада — частнокапиталистические предприятия; более четырех пятых тиража ежедневных газет, выходящих за пределами социалистического лагеря, девять десятых мощностей радиопередатчиков и по крайней мере 95 % мощностей телевидения находятся под

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, с. 337.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 362.

контролем очень небольшой группы капиталистических концернов.

Каково положение в этой отрасли в Соединенных Штатах Америки, ведущей капиталистической державе?

В роли «толкователей» национальных интересов, используя монополизированную прессу, выступает прежде всего военно-промышленный комплекс.

Концентрация «четвертой власти», как в США называют печать, четвертой после администрации, конгресса и Верховного суда, в руках нескольких лиц или нескольких конгломератов — общеизвестный факт. В 1975 г. в одной из солидных публикаций Академии политических наук США говорилось: «Печать, быть может, является самым могущественным в стране институтом после президентской власти... С каждым годом все больше ежедневных газет скупается крупными издательскими группами». Зачастую один и тот же концерн может быть владельцем ведущей газеты, крупной радиостанции и телевизионной компании. Финансовые группы, проявляющие интерес к печати, начиная с 1968 г. покупали в среднем по 68 так называемых независимых газет в год. Если темп сохранится и впредь, последнее «независимое» издание исчезнет уже к 1984 г.

Орган деловых кругов Соединенных Штатов Америки журнал «Б и з н е с у и к» в 1977 г. в одной из своих статей информировал читателей о поглощении магнатами прессы так называемых независимых газет, иначе говоря, о том, как «свободная печать» попадает в карманы монополистов: в феврале 1977 г. «Капитал ситиз комьюникейшнз инкорпорейтед» купила компанию «Канзас — Сити стар» за 125 млн. долл. Осенью 1976 г. компания «Ганнет ньюспейперс» за 61 млн. долл. сделала сразу несколько приобретений. Среди них — «Шривпорт таймс» и две другие газеты в Луизиане, а также радиостанция. Два месяца спустя «Ганнетт» купила компанию «Спидел», которой принадлежит 13 ежедневных газет на Среднем Западе. Сделка в 178 млн. долл. стала одной из крупнейших в истории газетного бизнеса, однако пока ус-

тупает рекорду, установленному компанией «Нью-хауз», которая за 305 млн. долл. приобрела «Бут ньюспейперс инкорпорейтед». «Таймс миррор», потерпев неудачу на торгах за «Бут ньюспейперс», ответила покупкой «Спортинг ньюс паблишинг компани», которая издает спортивный еженедельник тиражом 330 тыс. экземпляров.

Следует отметить и деяния австралийского «короля прессы» Руперта Мэрдока. Осенью 1976 г. он прибрал к рукам вечернюю газету «Нью-Йорк пост», выложив 30 млн. долл., а через несколько месяцев, оказавшись победителем в ожесточенной схватке, присоединил к своей империи «Нью-Йорк мэгэзин компани», которая издает журналы «Нью-Йорк», «Нью Уэст», также и еженедельную газету «Виллидж войс».

Американский еженедельник «Ю. С. нью энд Уорлд рипорт», считающий себя «независимым», был вынужден в связи с этим горько вздохнуть: «Независимые газеты становятся редкостью в Америке. Вырастают гигантские газетные империи. В последнее время многие американские издания перешли к новым хозяевам, что служит наглядным проявлением одной из основных тенденций: печать США сосредоточивается в руках все меньшего числа владельцев. Одна за другой газеты, которые до этого находились в руках местных владельцев, поглощаются пришельцами со стороны, которые рассматривают свои приобретения как в высшей степени выгодное размещение капиталов».

Процесс концентрации прессы США после второй мировой войны усиливается непрерывно. Его хорошо иллюстрируют некоторые цифры, относящиеся на 1971 г. К этому времени более половины ежедневных газет, т. е. 883 из 1748, принадлежали какой-либо из крупных издательских групп и составляли 63 % от общего тиража.

Группа «Ганнет ньюспейперс» была и остается одним из наиболее ярких примеров роста «четвертой власти». В 1968 г. она владела 30 газетами, в 1971-м — 50, спустя еще три года — 57. Параллельно она контролирует ряд радио- и телевизионных

станций. Сначала ограничиваясь штатом Нью-Йорк (колыбель фирмы), она впоследствии проникла в Мичиган, Индиану, Айдахо, Калифорнию и Флориду.

Пресловутой «газетной империи» Херста, играющей ведущую роль в деле идеологической обработки масс, принадлежат 8 газет (тираж 2 млн. экз., а также 14 радио- и телестанций, 14 журналов, книжное издательство «Эйвон букс» и целый ряд других издательств, фирм и т. д.

«Свобода печати сводится к свободе предпринимательства, которое не контролируется законом. Газету покупают и продают, как покупают завод или магазин, хотя на бумаге принцип «равноправия» остается нетронутым: простой гражданин и крупный капиталист формально располагают одинаковой свободой издавать газету или еженедельник, — пришел к печальному выводу французский журнал «М о н д д и п л о м а т и к». — Концентрация как самих компаний, издающих газеты, так и средства сбора и распространения информации преграждает путь демократической дискуссии, подменяя ее насаждением предвзятого мнения, искусно подсовываемого читателю в общем, на вид стихийном и беспорядочном потоке сообщений».

Все сказанное о Соединенных Штатах полностью применимо к Англии, Франции, Западной Германии, Италии, другим странам капитала, меняются лишь названия газет, журналов, телевизионных станций и монополий, которым они принадлежат.

Ежеутренний завтрак британца — ритуал, предусматривающий неизменные овсяную кашу и яйцо, вареное или поджаренное с беконом, а также чтение газеты. Но просматривая новости в «респектабельной» лондонской «Таймс», «либеральной» «Гардиан», ультраконсервативной «Дейли мейл» или в других изданиях, он не задумывается над тем, что четыре крупнейшие финансово-издательские группы контролируют сейчас 86 % тиража ежедневных и воскресных газет.

Первая из них «Рид интернэшнл» — гигантский международный конгломерат с разветвлен-

ной сетью предприятий бумажной, лесной, деревообрабатывающей промышленности, керамических изделий в 40 странах.

Затем следует группа «Ньюс интернэшнл», которой руководит австралиец Руперт Мэрдок. Перекупив в 1969 г. у «Интернэшнл паблишинг корпорэйшн», находившуюся в трудном положении, газету «Сан», он положил конец ее робким попыткам проводить курс, который бы отражал волнующие народ проблемы. Броский, напористый стиль, сразу же навязанный новым хозяином, вызывающие фотографии обнаженных девиц, рыночные методы распространения позволили вчетверо увеличить тираж «Сан». Но сегодня эта газета настолько реакционна в своих вкусах и симпатиях, что даже порой превосходит ожидания ее новых издателей.

«Бивербрук ньюспейперс», возглавляемая сыном крупнейшего газетного магната лорда Бивербрука, прибрала к рукам одну из двух вечерних лондонских газет — «Ивнинг стандарт». Другая вечерняя газета — «Ивнинг ньюс» — принадлежит «Ассошиэйтед ньюспейпер». Вместе с «Ньюс интернэшнл» эта группа пыталась в конце 1976 г. купить «Обсервер», однако в конце концов газета попала в руки американской нефтяной монополии АРОК.

Газетные тресты скупили также и провинциальную прессу. Четыре группы контролируют почти половину ежедневных газет в графствах и пятую часть еженедельников. Одной из них — группе «Томсон», возглавлявшейся ныне покойным лордом Роем Томсоном, канадцем по происхождению, удалось спасти севшую на мель «Таймс» благодаря доходам от таких «побочных» форм деятельности, как туризм, добыча нефти в Северном море, создание торговых предприятий и гостиниц в разных частях света. Тот же лорд Томсон заявил однажды, что его лицензия на право издавать газеты «равнозначна праву чеканить монету».

Великобритания была в числе четырех стран-союзниц, участвовавших в разгроме гитлеровской Германии и пришедших совместно к выводу о необ-

ходимости мер, которые обеспечили бы Германии полный разрыв с прошлым. «Однако, — пишет тот же «Монд дипломатик», — вскоре в западном лагере главной заботой стало создание военного блока и разжигание антисоветизма. В контексте «холодной войны» западногерманской прессе отводилась роль рупора антикоммунизма. В результате газетные издатели, процветавшие в годы гитлеровской диктатуры, в 1949 г. получили разрешение вновь заняться своим делом».

В 50-х и 60-х годах пресса ФРГ развивалась по общим законам экономики: как и другие отрасли промышленности, ее затронул процесс концентрации и монополизации. Число газетных издателей, пользующихся экономической независимостью, постоянно сокращалось. С 1970 г. этот процесс особенно усилился. Во многих районах страны монополия на информацию принадлежит одной-единственной газете. Так обстоит дело в районе городов Касселя, Кобленца, Фрибурга, Аугсбурга и др.

Концентрация прессы привела к образованию трестов массовой информации. Наиболее могущественный из них принадлежит Акселю Шпрингеру. Годовой оборот этой группы — 990 млн. марок. Она контролирует почти все ежедневные газеты Гамбурга и Западного Берлина, ей принадлежит 90 % рынка воскресных журналов-еженедельников, это самое крупное в ФРГ журнальное издательство. В руках Шпрингера — 40 % тиража всех ежедневных и воскресных газет, чем определяется его влияние и экономическое могущество. Концерн Шпрингера включает четыре газетно-издательских предприятия, множество журнальных и книжных издательств, два агентства новостей, компанию по распространению прессы, множество типографий; кроме того, у него есть капиталовложения в швейцарской фирме, занимающейся производством бумаги.

Фигурой, олицетворяющей концентрацию французской прессы — как в Париже, так и в провинции, — является Робер Эрсан, отъявленный реакционер, в годы второй мировой войны бывший

прислужником фашистских оккупантов. В 1976 г. его оборот составил 1100 млн. франков, т. е. одну десятую общего годового оборота прессы страны. Ему принадлежат уже 13 газет (две — в Париже, 11 — в провинции). Хозяин «Ото-журналь» (популярное издание для автолюбителей. — *Авт.*) и свыше десятка других специализированных изданий создает базу, чтобы прибрать к рукам всю французскую печать и достичь уровня «трех китов» мировой прессы — Аксея Шпрингера, Руперта Мэрдока и Роя Томсона, сколотивших монополии-гиганты.

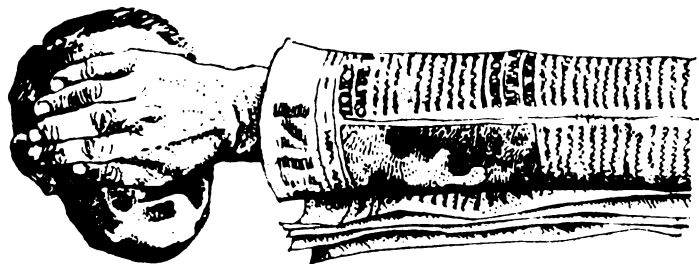
С эффектом неожиданно разорвавшейся бомбы можно сравнить приобретение в 1975 г. группой Робера Эрсана газеты «Фигаро», а спустя еще год и «Франс-суар», ибо, таким образом, впервые в истории французской национальной прессы один издатель стал контролировать больше трети тиража парижских газет. В руках Эрсана — 11 крупнейших журналов, агентство печати АГПИ, рекламное агентство «Пюбли-принт» и множество типографий. По подсчетам экспертов, полтора миллиона французов, не ведая того, ежедневно читают эрсановскую продукцию. 55 «инакомыслящих» сотрудников уже покинули «Фигаро», 40 — «Пари-Норманди». Большинство из них так и не смогли устроиться: во Франции сейчас среди журналистов 17,5% безработных.

Журналисты самой крупной по тиражу французской газеты «Франс-суар», возмущившиеся тем, что их бесцеремонно, вместе с мебелью и пишущими машинками перепродали «королю» французской прессы, объявили забастовку, которую поддержали газетчики по всей стране. В ответ Эрсан затеял в своем хозяйстве «большие маневры» с целью сделать непререкаемым властелином. Об их характере можно судить по такому примеру.

Выходящий в Фор-де-Франс на острове Мартиника неокOLONиалистский листок называется «Франс-Антий». Его тираж всего несколько тысяч экземпляров. Тем не менее именно он стал в некотором смысле школой кадров для треста Эрсана. Когда хозяин замечает «подходящего» журналиста, он посылает его туда. Разумеется, «обласканный»

должен обладать следующими главными качествами: во-первых, иметь политические взгляды «в духе президентского большинства»; во-вторых, уметь гнуть хребет в нужную сторону.

Очутившись «на стажировке» во «Франс-Антий», отрезанный от всех «дурных влияний и примеров», журналист начинает вращаться среди кучки при-

Глаза, закрытые на мир

вилегированных чиновников, вкушает «сладкую жизнь» на далеких островах и постепенно приучается к определенной манере работать. Например, ежеутренне являться в префектуру за получением указаний. За ним будут наблюдать, проверять его и, если он не «сорвется», зачислят в постоянные эрсановские кадры и дадут назначение в зависимости от услуг, которых от него ожидают. Так, некто Ребуа, вернувшись со «стажировки», стал заведующим политическим отделом «Фигаро». На заседании директората кто-то удивился выбору кандидатуры: как можно ставить во главе политической службы столь крупной газеты такого неопытного человека? Эрсан сухо парировал:

— Я вполне отдаю себе отчет в его способностях. Но он по крайней мере делает то, что я хочу!

Свою прессу, по его словам, он «размножает» с помощью отводков, когда боковой побег сажают в землю, не отделяя «веточки» от материнского корня. После того, как «побег» примется, его отрезают, и он становится «независимым». Полтора года — вот срок, который наметил себе этот магнат,

чтобы посадить четыре «отводка» газеты «Фигаро»: «Фигаро-Пари» (для Парижа и ближних пригородов); «Фигаро иль-де-Франс» (речь идет о том, чтобы в центральном районе Франции «подвесить» к парижскому изданию «Фигаро» местные страницы). «Фигаро-этранже» (будет печататься во франкоязычных странах), «Фигаро-провэнс» (предполагает издаваться в провинциях на единой основе, но под «местным соусом»).

Эрсан преследует две цели: политическую — облегчить себе контроль над содержанием, поскольку все газеты в конечном счете будут делаться одной редакцией, и финансовую — сократить число журналистов в провинции, т. е. часть уволить; повысить приток рекламы, ибо естественно, что «Фигаро» — хорошая приманка для крупных рекламодателей. Как эта идея будет претворяться в жизнь, служит пример выходящей в Руане «Пари-Норманди», которая печатается фотонаборным способом, при том, что наборные машины стоят в Париже, в помещении агентства АГПИ — техническом центре издания. В Руане редакция кроме местных новостей формирует лишь первую полосу. Но чтобы напечатать даже подпись под фото, ее нужно сначала продиктовать в Париж. В АГПИ печатник наберет эти две-три строки, а фотонаборный агрегат проявит их... в Руане. Столь сложная процедура позволяет контролировать каждое слово в провинциальных газетах Эрсана, что и входит в число основных задач АГПИ. А о характере идеологического контроля говорит то, что правой рукой хозяина в агентстве является некий Балестр, бывший эсэовец из дивизии «Карл Великий», одно из формирований которой обороняло до последнего патрона бункер Гитлера в Берлине.

Какова же общая картина состояния французской печати? Как пишет «М о н д д и п л о м а т и к», цифры производят удручающее впечатление: в конце XIX в. во Франции насчитывалось свыше 400 ежедневных газет, ныне их осталось меньше ста. Концентрация французской ежедневной прессы не принадлежит к новым явлениям, однако этот процесс не перестает ускоряться. Реклама, способ-

ствующая выпуску так называемой непартийной прессы, которая в действительности неизменно защищает интересы различных буржуазных политических группировок, в значительной степени повинна в исчезновении изданий и газет, выражающих более или менее широкое общественное мнение. Исчезли все газеты Сопротивления, т. е. основанные сразу после освобождения от фашистской оккупации людьми, участвовавшими в движении Сопротивления, пытавшиеся сохранить свое политическое лицо: «Эпок», «Об», «Се матэн», «Сэ суар», «Франтирёр», «Либерасьон», «Попюлер»; последней прекратила существование в 1974 г. «Комба».

В провинции почти повсюду читатели получают местную информацию только из одного источника. «М о н д д и п л о м а т и к» приводит такие цифры: в 1892 г. во Франции было 69 городов, где выходило по нескольку газет; в 1962 г. таких городов осталось 17, в 1976 г. — 14. В действительности же по-настоящему разные газеты выходят сегодня лишь в восьми провинциальных городах. В шести других разнообразие газет — фикция, ибо все они принадлежат одному газетному издательству. Узел на «горле» «свободной» прессы затягивается все туже.

Администратор провинциальной газеты «У э с т ф р а н с» Франсуа-Ксавье Ютэн отмечает:

— Под маской разнообразия названий и ориентации скрывается система исключительно однородной информации, а это не может не оказывать сильнейшего воздействия на формирование общественного мнения, если к тому же учесть, что на каждую тысячу жителей во Франции продается 238 экз. газет.

В отличие от Франции для Италии всегда было характерно крайне низкое число постоянных читателей. В настоящее время их приходится на каждую тысячу людей всего 127. Это — одна из особенностей страны. Другая в этой области сводится к тому, что итальянские газеты всегда находились либо в руках профессиональных политиков, либо принадлежали издательским фирмам, которые зависят от промышленно-финансовых и банковских групп. Примерно с 1970 г. наблюдается вторжение крупных финан-

сово-промышленных групп во все отрасли индустрии культуры. Главная фигура в этом наступлении — глава автомобильной фирмы «ФИАТ» Дж. Аньелли (он же глава многих других предприятий, хозяин газеты «Стампа», распорядитель «Фонда Аньелли» и т. д.), а основной документ — доклад, представленный итальянскому патронату в феврале 1970 года и отражавший неоконсервативные, экспансионистские и «модернистские» тезисы ведущих промышленников. Это наступление преследовало цель упрочить присутствие упомянутых групп в социальной и политической жизни страны путем контроля над индустрией информации.

На ежедневную прессу «атаку» повели четыре группы: ИФИ — «ФИАТ» (Аньелли), ЭНИ, «Монтэдисон» и ИРИ-СТЭТ (которая от имени правительства управляет итальянским радио и телевидением). Уже в 1973 г. им удалось прибрать к рукам 70 % газет. Эти четыре группы представляют две наиболее развитые отрасли промышленности — автомобильную и нефтехимическую. «Если считать, что основное условие свободы прессы в капиталистической стране — ее экономическая независимость, ныне в Италии нет свободной прессы, как, впрочем, никогда не было и раньше, — выносит приговор «Монддипломатик». — Итальянские газеты всегда были подчинены экономическим интересам».

И хозяева, как это усвоил на своем горьком опыте бывший редактор журнала «Эуропео» Джанлуиджи Мелега, умеют воздействовать на журналистов любого ранга в своих изданиях, если они, по мнению боссов, выходят за рамки дозволенного, и впрямь поверив в «свободу» прессы.

В 1976 г. Мелега был назначен редактором «Эуропео» и вскоре разрешил напечатать в нем историю о махинациях Ватикана на римском рынке по торговле недвижимостью. По общему мнению, он начал весьма успешно — значительно увеличилась розничная продажа журнала. Но не прошло и недели с момента появления первой из двух статей, где говорилось о том, что церковь владеет четвертью территории Рима и что готовит новые нечистоплотные операции по купле и продаже, как редактору

позвонил его хозяин, Анджело Риццоли, глава крупнейшего в Италии концерна с множеством изданий, которому помимо журнала «Эуропео» и еженедельника «Оджи» принадлежит газета «Коррьере делла сера». Риццоли хотел знать, собирается ли Мелега напечатать статью о компании по производству химикатов «Хофман—ла Рош», по вине которой произошла утечка ядовитых веществ на заводе компании в городе Севезо. Мелега подтвердил, что такая статья действительно готовится. Риццоли попросил Мелегу не печатать ее. Но редактор, переоценив свои силы, отказался это сделать и статья была опубликована 21 января 1977 г.

Вскоре Мелега получил от хозяина письмо с осуждением публикации в «Эуропео» ватиканской истории и статьи о виновниках трагедии Севезо. Финал? Редактора выгнали.

«Случаи, подобные тому, который произошел с Мелегой, безусловно, имели место и в прошлом, — комментировала этот эпизод издающаяся в Париже газета «И н т е р н э ш н л г е р а л ь д т р и б ю н». — Но до сих пор подобные дела разрешались с помощью почетных отставок и щедрых рукопожатий. История Мелеги представляет собой классический случай увольнения редактора за то, что он осмелился воспротивиться попытке грубого нажима со стороны своего издателя и стоящих за ним политических сил».

Горькую чашу Джанлуиджи Мелеги пришлось в начале 1978 г. испить и Манфреду Биссингеру, заместителю главного редактора журнала «Штерн». Те, кто держал в руках «поводья» журнала, могли разрешить ему подчас «взбрыкнуть», приводя в статьях конкретные примеры о судьбе конкретных людей в совершенно конкретных обстоятельствах. Однако ему не позволяли замахиваться на «святая святых» капитализма — на большой бизнес и его устои. А стоило «Ш т е р н у» с разрешения Биссингера опубликовать статью «...А завтра весь мир?» (строка из песни гитлеровских штурмовиков «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра — весь мир»), посвященную экономической экспансии западногерманского капитала, в погоне за сверхпри-

блями устремляющегося на иностранные рынки, как последовал грозный окрик. Отсутствовавший во время выхода этого номера главный редактор Наннен позже в гневе воскликнул, делая выговор своему заместителю:

— Из материала создается впечатление, что предприниматели ведут себя по-свински, когда помещают свои капиталы за границу, производят продукцию за счет использования дешевой рабочей силы, а полученные при этом прибыли скрывают в Швейцарии...

И Манфреду Биссингеру было указано на дверь.

Секрет непреклонности «шефа» объяснялся просто: он, как информировал журнал «Ш п и г е л ь», сам оказался под прессом со стороны «героев» статьи, от имени которых выступил Рейнгард Мон, глава могущественного издательства концерна «Бертельсман», которому принадлежит большая часть акций другого издательства — «Грунер унд Яр». А в нем-то выходит «Штерн». «Пожелание» Мона «принять меры» было выполнено.

В связи с этим увольнением западногерманская газета «Т а т» напомнила меткое выражение известного публициста Курта Тухольского, который, характеризуя нравы «свободной» печати, однажды заметил: «Издатель всегда может сказать вам в итоге: «Я нанимал вас, господа, служить не богине Истине... а моему гешефту. Если вам это не по вкусу — уходите»».

Кстати, «дело Биссингера» не было закрыто с его увольнением: как сообщило агентство ДПА, в редакции началась «тотальная» проверка статей 12 сотрудников, которые не очень лестно отозвались об акте политической вендетты. Не исключено, что их ждет такая же судьба.

Подобные истории — отнюдь не исключение, скорее — правило. И происходят они во всех странах «свободного мира». В той же ФРГ издатель газеты «Кельнер штатд-анцайгер» выгнал журналиста Петера Кляйнерта потому, что тот, написав сценарий для местного телевидения, рассказал правду о жутких условиях труда на принадлежащей концерну Флика фабрике по производству поли-

хлорвинила, где в результате отравления 5 рабочих умерло, а 150 стали инвалидами. Гнев издателя объяснялся просто: заводы концерна снабжают газету выгодной рекламой. В Англии немало шуму наделал арест главного редактора газеты «Йоркширский горняк» Джонса, который осмелился выйти в рабочие пикеты. Во Франции, где десятки журналистов оказались за дверями редакций газетной империи Эрсана, жертвой «запрета на профессии» в 1977 г. стал работник государственного радио в Страсбурге только потому, что... прошел слух, будто он — коммунист.

А вот история южноафриканского журналиста Дональда Вудса, которую он поведал западногерманскому журналу «Ш п и г е л ь»: «Тринадцать лет был я главным редактором «Дейли диспетч» — газеты, которая критиковала политику апартеида националистического правительства Южной Африки. Южноафриканская пресса подвергается строжайшему контролю, основанному на более чем двадцати законах, но южноафриканские редакторы знали правила и ухитрялись порой заниматься критикой, не выходя за их рамки.

Такая ситуация существовала до 19 октября 1977 г. В этот день министр юстиции, полиции и тюрем ЮАР Крюгер запретил «Уорлд» — газету для цветного населения, бросил в тюрьму ее главного редактора Перси Квобозу и объявил меня вне закона.

Отныне я не смел переступить порога ни издательств, ни редакций, ни фабрик, ни школ. Я не имел права ни в какое время разговаривать или находиться в обществе более чем одного человека, исключая лишь членов моей семьи. Каждую неделю я должен был регистрироваться в полиции.

В такой обстановке я прожил более двух месяцев. Служба безопасности угрожала моей семье. Однажды ночью кто-то пять раз выстрелил из ружья в окна моего дома. Моей пятилетней дочке прислали майку, обработанную какой-то кислотой. Понадобилось срочное врачебное вмешательство, чтобы спасти ребенка, который доверчиво натянул на себя этот «подарок». И хотя в обоих случаях

существовали ясные доказательства, что виновные принадлежат к службе безопасности, полиция отказалась их рассмотреть...»

Д. Вудсу пришлось тайно бежать из ЮАР.

Три десятилетия назад британский могущественный магнат прессы лорд Бивербрук откровенно заявил: «Я издаю газеты исключительно с целью ведения пропаганды». Десять лет назад один из «наследников» Бивербрука лорд Рой Томсон утверждал, будто он «приобретает газеты, чтобы делать деньги, а делает деньги, чтобы приобретать газеты».

Однако противоречие между ними — сугубо кажущееся. Подняв под себя добрую половину британской прессы, Томсон твердо придерживался старой поговорки: кто платит, тот заказывает и музыку. Просто разница во времени наложила отпечаток на методы работы: более тонкая обработка общественности позволила громче кричать о «свободе прессы». Это, впрочем, не предполагает отказа от фальсификации новостей, манипулирования ими, замалчивания или раздувания отдельных фактов, открытой или тщательно замаскированной лжи, которые перемежаются с какой-то долей объективизма, критики и разоблачений, поскольку, как отмечал американский эксперт в области пропаганды У. Дэвидсон, «коммерческим предприятиям (он имел в виду находящиеся в частных руках средства массовой информации. — *Авт.*) известно, что они утратят доверие, если их сообщения неизменно будут расходиться с действительным положением дел». Чередование объективности и фальсификаций позволяет ловчее манипулировать сознанием масс, воздействуя на читателя в нужном для магнатов прессы направлении. Это же позволяет монополистическому капиталу, в руках которого находится пресса, вести самыми грязными методами психологическую войну против Советского Союза и лагеря социализма в целом, все чаще прибегая к идеологическим диверсиям по мере углубления общего кризиса капитализма.

Владимир Ильич Ленин, говоря о роли прессы в обществе, ставил в качестве критериев принципиаль-

ные вопросы: «...какую свободу печати? для чего? для какого класса?»

Попробуем с помощью фактов сегодняшнего дня дать на них ответ.

Рассказывают, что бывший президент США Линдон Джонсон как-то заметил:

— В нашей стране есть две крупных радиотелевизионных корпораций — Эн-Би-Си, Си-Би-Эс, два крупных общественно-политических журнала — «Ньюсуик» и «Тайм», два информационных телеграфных агентства — АП и ЮПИ, две организации по изучению общественного мнения — институт Гэллага и служба Харриса, две крупные газеты — «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс». Все они чертовски влиятельны и полагают, что владеют всей страной. Однако если вы думаете, что подобная «двойственность» служит борьбе различных точек зрения, то ошибаетесь.

Это редкое откровение словно дополнил французский «М о н д д и п л о м а т и к», который провел большое исследование о состоянии печати в капиталистических странах и смог сделать следующий вывод: «Сколько бы нам ни говорили, что газетное предприятие не такое, как другие, мы видим все больше свидетельств того, что с газетой обращаются, как с товаром. Всевозможные рекламные компании стараются навязать газету публике, увеличить ее тираж, чтобы заполучить от фирм максимум рекламных объявлений. Коммерческая сторона дела влияет не только на независимость печатного органа, но и на его содержание и общий уровень. Чтобы существовать, газете нужны деньги, но, подчинившись закону прибыли в обществе потребления, она может погибнуть, как любой другой товар».

В Соединенных Штатах подсчитано, что реклама приносит среднему издателю в 3—4 раза больше дохода, чем он получает от продажи тиража газеты или журнала. В этой связи социолог Дэниел Бурстин писал в 1974 г.: «Реклама превратилась в рупор буржуазной демократии. Под воздействием рекламы общество приучают больше заботиться о том, что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 78.

говорят, чем о том, что существует на самом деле; больше интересоваться тем, что правдоподобно, чем тем, что есть правда. Миссия рекламы — убеждать мужчин и женщин поступать так, как это выгодно тому, кто составил данную рекламу.

Это значит, что восхваление ритуалов «американского образа жизни» предполагает рекламу как сигарет «Кент» или автомобилей фирмы «Дженерал моторс», так и буржуазных устоев.

Но дело не в одной рекламе. Как мы уже видели, газетно-издательский капитал тесно срастается с банковско-промышленным. Концерны, владеющие различными средствами массовой информации, нередко вкладывают значительную часть своих средств в дела, не имеющие никакого отношения к информации. Когда какая-либо издательская группа приобретает, например, телевизионные станции, она попадает в зависимость от крупнейших компаний коммерческого телевидения, которые сами находятся под контролем промышленных трестов, связанных многочисленными контрактами с министерством обороны и зависящих от военно-промышленного комплекса. А последние относятся к той категории воротил, которые любят заказывать пропагандистскую музыку, написанную под диктовку, что приобретает особо опасный характер при высокой концентрации прессы.

Объединение, слияние различных органов, готовящих и распространяющих информацию, ведут ко все большей ее идеологической унификации, констатирует в своем исследовании «М о н д д и п л о м а т и к». Пример тому — деятельность группы «Скриппс-Говард», власть которой выходит далеко за пределы США, распространяясь на весь так называемый западный мир. Ей помимо 31 американской ежедневной газеты, радио- и телевизионных станций принадлежит 95 % акций агентства печати Юнайтед Пресс Интернэшнл, которое «регулирует» значительную часть всей информации на Западе и контролирует «Ньюспейперс синдикейт», поставляющий газетам передовые статьи, комментарии, материалы для различных рубрик. К этому нужно добавить отдел ЮПИ, который снабжает хроникаль-

ными лентами множество телевизионных станций в США и в Западной Европе. ЮПИ и другие крупные агентства печати, имея самую разношерстную клиентуру, прибегают к крайне низкому «общему знаменателю» при отборе информации и насаждают во всей прессе штампы стиля и содержания.

Этот «информационный тоталитаризм» признал директор иностранной службы агентства Ассошиэйтед Пресс Стэнли Суинтон, заявив: «Более миллиарда людей ежедневно основывают свои суждения о международных событиях на информации АП». Заметим, что АП снабжает 10 тыс. газет, выходящих в 104 странах.

Деятельность агентств дополняют газетные синдикаты. «Синдикат дайректорз», основанный издательством «Эдитор энд паблишер», постоянно имеет в своем распоряжении свежие статьи 40 различных жанров, которые рассылает по требованию клиентов, т. е. газет-подписчиков. Таким образом, понятие «свободы печати» лишается всякого смысла: на всей территории США в самых разных изданиях американцы вынуждены читать одни и те же передовые и комментарии одних и тех же авторов; связанный с ЦРУ автор «колонки» Джек Андерсон, например, печатается примерно в 700 ежедневных газетах и т. п.

Социолог Джеймс Аронсон еще в 1971 г. в книге «Расфасовывание новостей» указал на опасность концентрации и унификации прессы. «Образовалась сеть отбирателей информации, которая так или иначе пригодна каждой газете, выходящей в стране. Назначение такой сети — обеспечить положение, когда все люди, читающие «разную» прессу, попали бы под одинаковое влияние. Таким образом, они будут думать одинаково и им будет навязываться одно и то же представление о пресловутых «национальных интересах», которые надо защищать. Толкователями же этих «национальных интересов» выступают руководители синдикатов и агентств печати, владельцы газет — предприниматели, которые имеют обыкновение отождествлять оные со своими финансовыми интересами. Причем немалую долю тут составляют интересы, связанные

с капиталовложениями в военные программы». И как тут не напомнить, что подавляющая часть прессы США вплоть до 1969 г. поддерживала агрессию США во Вьетнаме, что она в унисон ведет психологическую войну против СССР, активно участвуя как в пресловутой кампании «в защиту прав человека» в социалистических государствах, так и поддерживая попытки Пентагона и всего военно-промышленного комплекса оправдать растущий военный бюджет и гонку вооружений «опасностью», якобы проистекающей из-за «чрезмерного наращивания» Советским Союзом своей военной мощи. Нельзя не отметить и другого. Под видом отбора «конкурирующей» информации в органах печати действует самая настоящая цензура, причем очень жесткая и всегда — в интересах правящих кругов.

Как-то британский газетный лорд Нортклиф заметил: «Сила прессы — в умолчании». Это — многозначительное заявление. Историк Освальд Шпенглер в своей книге «Закат Запада» как бы разъяснил его: «Здесь, на Западе, каждый волен сказать все, что пожелает, но пресса также вольна публиковать либо не публиковать сказанное. Она способна вынести смертный приговор правде, просто не сообщая ее миру. Это страшная цензура, действующая методом замалчивания; она тем более опасна, что массы читателей совершенно не подозревают о ее существовании».

Постоянный заговор молчания существует, например, в капиталистической прессе США, Великобритании, Франции, ФРГ, Швеции и других «демократических» стран вокруг деятельности движения борцов за мир и разоружение. Мощная демонстрация под лозунгом «Нет — нейтронной бомбе!», которая состоялась в октябре 1977 г. в Вашингтоне, была полностью перечеркнута как событие «большой прессой». Знаменитые Олдермастонские походы в Великобритании, которые привлекали тысячи сторонников мира, маршировавших по четыре дня кряду в любую погоду, находили отражение в прессе Флит-стрит только тогда, когда провокаторы затевали какую-нибудь потасовку. Многомесячный поход против нищеты и гонки вооружений от

Тихого до Атлантического океана в середине 1977 г. с участием тысяч и тысяч американцев остался «незамеченным» газетами монополий так же, как и крупнейший форум в истории Швеции — «Народный ригстаг (парламент) мира», прошедший в январе 1978 г.

Отнюдь не отсутствием места на газетных полосах или времени в программах телевидения объясняется тот факт, что кандидаты коммунистической партии на выборах каких бы то ни было ступеней, от местных до президентских, никогда не получают возможности апеллировать к широкому общественному мнению. Впрочем, не только коммунисты, но и все те, кто не попадает на «двухпартийные качели» крупнейших буржуазных партий США. Недаром опрос жителей, проведенный несколько лет назад, показал, что 50% американцев считают «свою» газету пристрастной, несправедливой и тенденциозной.

— Каждая газета может с бахвальством заявлять, что она публикует «все новости, какие только можно публиковать», — сказал однажды Юджин Маккарти, на себе испытавший «объективность» американской буржуазной печати во время борьбы за президентское кресло в 1972 г. — Но ни одна из них не осмелилась пока заверить в конце номера: «Все, что здесь напечатано, — правда и только правда».

В самом деле, очень часто «свобода печати», как ее понимают буржуазные газеты, — это свобода клеветать и лгать самым низкопробным образом, причем очень часто объектами этого «свободного выражения мнений» становятся лидеры политических партий и государственные руководители, деятельность которых неужодна наиболее реакционной и богатой части класса капиталистов. В число подобных объектов атаки со стороны британской правобуржуазной прессы попал, в частности, бывший лидер лейбористов и премьер-министр страны Гарольд Вильсон, который был вынужден даже подать жалобу в королевскую комиссию по вопросам печати.

— Британская пресса в большинстве своем проявляет традиционную враждебность по отношению

к лейбористской партии. Степень этой враждебности время от времени меняется — в зависимости от того, находится ли лейбористское правительство у власти, или у лейбористов, находящихся в оппозиции, появляется перспектива одержать победу на очередных парламентских выборах, — заявил он. — Курс, взятый некоторыми органами прессы, и в первую очередь «Дейли экспресс» и «Дейли мейл», в отношении лидеров лейбористской партии, представляется мне нарушением даже минимума элементарных принципов, которых должны придерживаться на Флит-стрит. Я глубоко убежден в том, что посредством преднамеренных и неустанных попыток очернить лидеров лейбористской партии они пытались повлиять на результаты дважды проводившихся в 1974 г. парламентских выборов. Ни одна газета, каковы бы ни были ее политические симпатии, не занималась с такой последовательностью и в таких масштабах дискредитацией политиков из консервативной партии.

Чем же он подкрепил свои обвинения?

Оказывается, в канун объявления даты всеобщих выборов в 1974 г. и он и его коллеги по руководству партией получали многочисленные предупреждения о том, что в газетном мире, на Флит-стрит, идет работа по подготовке «сенсационно-разоблачительных материалов», которые будут пущены в ход, когда начнется предвыборная кампания.

Лондонская «Т а й м с», опубликовавшая заявление Вильсона, воспроизвела один из конкретных эпизодов травли, относившейся, правда, к 1964 г., когда Г. Вильсон впервые стал премьер-министром. Но он отлично характеризует нечистоплотные методы прессы.

Газетчики перерыли мусорные ящики у его резиденции на Даунинг-стрит 10 (занявшись разгребанием грязи в буквальном смысле слова) и в качестве сенсации сообщили о множестве найденных там бутылок из-под шампанского. Как раз накануне состоялся прием, запланированный еще прежним правительством, для английских участников Олимпийских игр 1964 г. Корреспонденты «Дейли мейл» прибыли рано утром и попросили мусорщиков по-

позировать им для фото и допить остатки шампанского прямо из бутылок. Эти фотографии с соответствующим текстом появились на центральных полосах махровой «Дейли мейл».

Не трудно догадаться о причинах вспышек активности, приходящихся на избирательные кампании: консервативная пресса любой ценой добивалась победы тори. Как свидетельствует Г. Вильсон, «обвинения, обнародованные в канун выборов, трудно опровергнуть, ибо не хватает времени. Ведь сенсационные разоблачения накануне голосования, запущенные в последний момент, — все это неизменная часть истории всех выборов и связанной с ними деятельности газет начиная с 1924 г., с «письма Зиновьева». (Он имел в виду крупную провокацию консерваторов накануне парламентских выборов 1924 г. В печати было опубликовано фальшивое письмо, в котором якобы излагались указания Коминтерна английским коммунистам о плане организации вооруженного восстания в Англии.— *Авт.*)

— Для меня совершенно очевидно, — заявил однажды Шпрингер, — что с конца войны немецкий читатель ни в коем случае не хочет думать. Мои газеты ориентируются на этот принцип.

Это циничное заявление не означает, разумеется, что все его издания всего лишь учат читателя не думать. Западногерманский профессор Э. Кюхенхоф провел исследование социальной информации, распространяемой шпрингеровской «Бильд-цайтунг» (22,4 % рынка западногерманской ежедневной прессы), и пришел в следующем выводу:

— Газета «Бильд-цайтунг» фальсифицирует информацию, действует в целях ослабления боевого духа и солидарности трудящихся, ведет всяческие интриги, добиваясь раскола между рядовыми трудящимися и профсоюзами.

Множество исследований идеологического содержания западногерманских газет показывают: они все ориентируются на сенсационность, игнорируют историческую перспективу, враждебны выступлениям трудящихся, агрессивны по отношению к национальным меньшинствам, отличаются ярким анти-

коммунизмом. К этой махровой «цветовой гамме» можно добавить оголтелый антисоветизм, выступления против разрядки и «восточной политики», развития сотрудничества с СССР, против движения за мир, но — в поддержку гонки вооружений, в частности ядерных, — таковы лейтмотивы прессы Шпрингера, этого некоронованного короля в области реакционной западногерманской пропаганды.

Британская монополистическая пресса не уступит шпрингеровским изданиям в изощренности своих атак против углубления разрядки, налаживания сотрудничества между государствами с различным социальным строем на основе мирного сосуществования, в защиту политики военно-промышленного комплекса, пропагандирующего гонку вооружений под фальшивыми антисоветскими лозунгами.

В начале 1978 г. весьма неожиданно вскрылся источник этого яростного антисоветского «вдохновения».

В один из последних январских дней газета «Г а р д и а н» опубликовала статью под интригующим заголовком: «Кончина департамента, которого не было». «С момента окончания последней войны Англия занималась некоторыми видами той тайной международной пропагандистской деятельности, которую вело ЦРУ и которая, будучи широко подтвержденной документами, вызвала такое недовольство в Соединенных Штатах», — сообщил ее автор, добавив, что «впервые за многие годы начинают выплывать на свет подробности о тайной кончине — после тайного существования в течение 30 лет — глобальной английской системы антикоммунистической пропаганды».

Начало статьи в «Г а р д и а н» было сенсационным, но, увы! — не совсем точным: в Лондоне, к сожалению, не отказались от пропаганды в духе «холодной войны», направленной против Советского Союза, против других социалистических и развивающихся стран, избравших социалистический путь развития, против национально-освободительных движений. Однако британский Форин оффис действительно был вынужден закрыть дискредитировав-

ший себя сверхсекретный «департамент изучения информации», чтобы... заменить его другим с измененными функциями.

Какую же информацию департамент изучал? Разумеется, тенденциозную, свидетельствует «Г а р д и а н», и такую же выпускал сам, что не удивительно, ибо среди его работников — а их число только в отделе Советского Союза доходило до 60! — подвизалось немало предателей-отщепенцев, а также доморощенных антисоветчиков из числа «журналистов и писателей, специально завербованных в этот тайный мир». В посольства назначались постоянные сотрудники этого департамента под видом дипломатов, которые подбрасывали материалы местным журналистам и различным деятелям, способным влиять на формирование общественного мнения.

В Великобритании у департамента были проверенные друзья, которым подбрасывались инспирированные материалы для написания статей. «Г а р д и а н» перечисляет их оптом: три журналиста из «Файнэншл таймс», пять из «Таймс», два из «Обсервер», пять из «Дейли телеграф», шесть из «Экономист», один из «Дейли мейл», два из «Дейли миррор», один из «Санди миррор» и один из «Дейли экспресс». Судя по всему, «департамент изучения информации» работал для них на совесть!

Однако, Англию все-таки, видимо, не случайно называют младшим партнером Соединенных Штатов, где, в отличие от Британских островов, все гораздо масштабнее — от автомобилей и зданий до злоупотреблений и манипуляций общественным мнением.

Более грандиозным оказался и скандал, когда на поверку оказалось, что «независимая» и «свободная» американская печать — газеты и журналы, книжные издательства и радио-телевизионные компании — на протяжении трех десятков лет были одним из главных бастионов психологической войны против Советского Союза и других стран социализма, выступая в качестве инструмента Центрального разведывательного управления, этого пресловутого гнезда шпионажа и диверсий. Предоставляя

свои страницы, эфир и телеэкраны для агентов ЦРУ, подвизавшихся под личиной журналистов, направляя разведчиков за рубеж под видом репортеров, практически все ведущие органы буржуазной печати Соединенных Штатов Америки оказались помощниками этого ведомства «плаща и кинжала», активными проводниками политики империализма на международной арене — политики разжигания вражды и розни между народами, политики «холодной войны», которая в конечном счете направлена на усиление напряженности и форсирование гонки вооружений во имя заполнения бездонных сейфов военных монополий.

Долголетние связи ЦРУ с американскими журналистами впервые привлекли к себе внимание общественности в 1973 г., когда директор Центрального разведывательного управления У. Колби в конфиденциальном порядке информировал узкую группу «приближенных» корреспондентов о некоторых деталях этого дела после «утечки» информации. Вопрос очень остро всплыл в сентябре 1977 г., когда К. Бернштейн на страницах журнала «Р о л л и н г с т о у н» «взорвал бомбу», сообщив, что почти 400 американских журналистов, во многих случаях с ведома и согласия своих редакторов, выполняли секретные задания ЦРУ со времен его создания в 1947 г. Взрыв этой «бомбы» прогремел с такой оглушительной силой, вызвав возмущение мировой общественности, что расследованием этих связей вынуждена была вновь заняться специальная комиссия конгресса.

Используя имевшуюся информацию, газета «Н ь ю - Й о р к т а й м с» пошла на опубликование серии статей журналиста Джона Крюдсона с «собственным анализом» отношений ЦРУ с американскими органами печати. Это «забегание вперед» было вынужденным и весьма тонко рассчитанным маневром, вызванным желанием прежде всего спасти собственное лицо в глазах читателя. Но от этого не меньший интерес представляют содержащиеся в этих статьях факты и признания, хотя они и даны в точно отмеренных дозах.

«Большую часть тридцатилетнего периода сво-

его существования Центральное разведывательное управление непрестанно, стараясь не привлекать особого внимания, прилагало усилия к тому, чтобы влиять на общественное мнение других стран (т. е. вмешивалось в их внутренние дела.— *Авт.*), побуждая его к поддержке американской политики за границей. Управление направляло информацию и дезинформацию через некогда широкую сеть газет, информационных агентств и других органов информации, в большинстве своем базирующихся за границей, которыми оно владело, которые субсидировало или на которые оказывало то или иное влияние на протяжении всех этих лет,— начинает Дж. Крюдсон и по законам американской журналистики сразу дает основной сгусток информации,— В различные времена ЦРУ владело более чем 50 газетами, информационными службами, радиостанциями, периодическими изданиями и другими органами или субсидировало их большей частью в других странах, используя их для широкой пропагандистской кампании, в качестве «крыши» для своих операций или в том и в другом качестве одновременно. В другие информационные организации, базирующиеся за границей, хотя они и не финансировались ЦРУ, проникли штатные агенты управления.

Около 10 американских издательств, в том числе ряд самых видных, выпустили по крайней мере 20 из более 250 книг на английском языке, написанных либо по заданию ЦРУ, либо сотрудниками самого ЦРУ в начале 50-х годов.

После окончания второй мировой войны свыше 30, а возможно, до 100 американских журналистов, находившихся на службе примерно 20 американских информационных организаций, работали в качестве штатных агентов разведки, хотя в то же время выполняли и журналистские обязанности. Некоторые журналисты использовались американскими вооруженными силами и, по сообщению кругов разведки, иностранными органами разведки.

За минувшие 30 лет кадровые сотрудники ЦРУ работали за границей в качестве корреспондентов или нередакционных сотрудников американских органов информации, в некоторых случаях с одобре-

ния организаций, в которых они официально числились.

ЦРУ прибегало ко всевозможным ухищрениям, чтобы повлиять на общественное мнение других стран,— от подделки исторических документов до приукрашивания истинного положения вещей и тенденциозной подачи новостей и до откровенных фальшивок».

В ответ на вопрос, заданный в интервью в 1976 г. о том, предписывало ли ЦРУ таким агентам, что им писать, бывший директор ЦРУ Уильям Колби ответил:

— Да, разумеется, все время.

Как сообщила «Нью-Йорк таймс», ЦРУ использовало платных агентов в зарубежных отделениях Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнл для передачи по каналам этих агентств сообщений, специально подготовленных ЦРУ. В некоторых случаях, как, например, в сингапурском отделении Ассошиэйтед Пресс в начале 50-х годов, такими агентами были местные жители. Но в других это были американцы. «Мы не сообщали руководству ЮПИ или АП в Соединенных Штатах, когда навязывали им какое-то подтасованное сообщение за границей»,— сказал один сотрудник ЦРУ, признав, что в результате такие сообщения, как правило, передавались по каналам этих агентств и на Соединенные Штаты, «если казались мало-мальски достоверными».

Известно, что одну из самых широких пропагандистских кампаний ЦРУ развернуло против чилийского президента Сальвадора Альенде до его избрания в 1970 г. и вело ее вплоть до его свержения в 1973 г.

По сообщению сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов, ЦРУ затратило миллионы долларов на сочинение историй, редакционных статей и радиопередач, направленных против Альенде и печатавшихся в газетах и передававшихся по радио по всей Латинской Америке. «Подобные материалы также были напечатаны в «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост»,— говорилось в докладе комиссии.— Пропа-

гандистские операции продолжают создавать условия для освещения событий в Чили под нашим углом зрения».

Широкую пропагандистскую кампанию ЦРУ вело во время вьетнамской войны на основе принципа «все плохое, что происходит во Вьетнаме, не может не происходить по вине противника».

Еще одним примером фальшивки, сработанной с помощью ЦРУ «маститым» американским журналистом, является комментарий обозревателя «Нью-Йорк таймс» Сайруса Сульцбергера, опубликованный в газете 13 сентября 1967 г., в котором «разоблачалась» деятельность КГБ. Сотрудник управления, имевший в прошлом доступ к конфиденциальным материалам, позже рассказал, что этот «комментарий» был дословным изложением документа, подготовленного для Сульцбергера ЦРУ.

Приведенные примеры показывают некоторые из методов работы, а о размахе «подпольной» деятельности прессы по указке американской разведки снова дадим возможность высказаться Дж. Крюдсону: «Лет десять назад, когда вся эта империя средств массовой информации, подвластных ЦРУ, была в самом расцвете, она включала свыше 800 информационных служб, организаций и частных лиц. Диапазон этой империи был самым широким — в нее входила, например, радиостанция «Свободная Европа» и, скажем, какой-нибудь неприметный паренек в Кито, который мог раздобыть какие-то сведения в местной газете.

В результате разоблачений в 1967 г. финансовых связей ЦРУ с научными, культурными организациями и издательствами сеть эта несколько сократилась. Однако по-прежнему существует не столь широкая, как прежде, сеть иностранных журналистов, и тайные агенты ЦРУ, возможно, разъезжают по всему миру под видом корреспондентов малоизвестных отраслевых журналов и коммерческих бюллетеней. Первым руководителем тайных пропагандистских операций ЦРУ был Том Брейден, который и сейчас пишет для многих газет».

Весьма своеобразным «связующим звеном» между ЦРУ и его пропагандистским активом были... деньги,

что обеспечивало ему частичный или полный контроль над изданием.

В одних случаях оно просто основывало газету или информационную службу и оплачивало все расходы через какую-то подставную корпорацию. В других прямо или косвенно субсидировало какого-нибудь предпринимателя или, воспользовавшись подходящим моментом, «выручало» организацию, испытывавшую финансовые затруднения.

«По словам одного из сотрудников ЦРУ, — пишет «Нью-Йорк Таймс», — Управление предпочитало по возможности вкладывать свои средства в уже существующие организации, вместо того чтобы создавать свои собственные. — Если речь идет о действующем предприятии, — рассказал этот сотрудник, — это более удобная «крыша». Важно иметь редактора или какого-то человека, у которого ваш материал найдет отклик».

Субсидирование пресловутых радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» — факт известный всему миру. Гораздо меньше известны два других. Речь идет о радиостанциях «Свободная Азия» и «Свободная Куба». Радиостанция «Свободная Куба», созданная в начале 60-х годов, пользовалась не своими радиопередатчиками, а арендовала время выхода в эфир у коммерческих радиостанций во Флориде, Луизиане, Майами, Новом Орлеане и радиостанцию на небольшом островке в Карибском море. «Свободная Азия» начала вещание на Китай в 1951 г. с помощью радиопередатчиков в Маниле. «ЦРУ финансировало и руководило работой множества газет, выходящих на иностранных языках, информационных служб и других организаций; говорят, что наиболее известные среди них — это западногерманское информационное агентство ДПА и латиноамериканская информационная служба ОРБЕ. Кроме того, ЦРУ вложило огромные средства в самые разные издания, выходящие на английском языке», — цитируем мы снова Д. Крюдсона.

В Риме издавалась «Дейли америкен». Были газеты в Афинах и Рангуне, их редакции служили не только для ведения идеологическо-диверсионной работы, но и «крышей» для заокеанских разведчи-

ков. В числе финансировавшихся, а следовательно, использовавшихся Центральным разведывательным управлением были «Манила таймс», «Бангкок уорлд», «Токио ивнинг ньюс».

«Мы имели по крайней мере одну газету в каждой иностранной столице» — как-то похвалился один из бывших чинов ЦРУ, а в те, которые не субсидировались им, «внедрялись» агенты.

По утверждению Д. Крюдсона, английское агентство Рейтер — вотчина британской разведки. Однако ЦРУ периодически использовало его, чтобы «протолкнуть» в прессу свои материалы. На вопрос, адресованный У. Колби, бывшему директору ЦРУ, действительно ли оно никогда «не манипулировало» агентством Рейтер в своих целях, представитель управления сказал, что «это не было манипуляцией» — агентство Рейтер знало, «что эти материалы помещает ЦРУ и что некоторые из них — фальшивки».

Ряд информационных агентств принадлежал или щедро финансировался ЦРУ. Одно из них, «Форин ньюс сервис», выпускало статьи, которые распродавались 300 газетам во всем мире, включая такие, как «Нью-Йорк таймс» и «Крисчен сайенс монитор».

Из каких же органов американской печати черпало ЦРУ свою агентуру? В их число входили самые влиятельные американские радиокорпорации Эй-би-си и Си-би-эс, журналы «Тайм», «Лайф» и «Ньюсуик», газеты «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн», телеграфные агентства Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнл, а также газеты треста «Скриппс-Говард», «Крисчен сайенс монитор», «Уолл-стрит джорнэл», луисвильская «Курьер джорнэл» и издательство путеводителей «Фодор».

Шпионские задания ЦРУ выполнял в числе очень многих других бывший корреспондент радиотелевизионной компании Си-би-эс Дэниел Шорр. В 1957 г. он был выдворен из СССР. В то время американская пресса встала на дыбы, обвиняя Советский Союз в неправомερных действиях и изображая Шорра в качестве «невинной жертвы». А в январе 1978 г. в связи со скандалом по поводу «братания» ЦРУ и прессы, Д. Шорр сам признался:

«Различные эпизоды моей журналистской карьеры должны квалифицировать меня как «активного агента ЦРУ»». Так сказать, для «вящей убедительности» он подкрепил заявление конкретными примерами работы на разведку в СССР, ГДР, других государствах социализма и даже в ФРГ.

«Еще несколько лет назад было общепринято, что американские корреспонденты, вернувшиеся на родину или готовящиеся уехать за границу, проводили какое-то время со специалистами ЦРУ по определенным районам мира. Эта практика продолжается, хотя и не в таких масштабах, как прежде. Как сообщают бывшие сотрудники ЦРУ, таких корреспондентов, когда они находятся за границей, просят обращать внимание на определенные проблемы, представляющие интерес для ЦРУ. Многие выполняли эту просьбу, — снова читаем мы в газете. — Как только корреспондент дает согласие сотрудничать с ЦРУ, его начинают обучать «искусству» шпионажа — тайнописи, слежке, организации секретных встреч и т. п.»

Любопытный факт: все сказанное в «Нью-Йорк таймс» выдержано только в прошедшем времени. И сделано это совершенно сознательно: дескать, информация относится к 10- и 20-летней давности, эти контакты были данью прошлому, «холодной войне». Однако преднамеренный «перевод стрелок» назад — одна из характерных особенностей маневра «Нью-Йорк таймс» с этой публикацией, рассчитанного на «самоочищение». Другая — упор на давно «почившие в бозе» органы печати. Но попытки исподволь доказать, будто такие операции не проводятся в настоящее время, рассчитаны на неосведомленность читателя. А ведь на деле лишь в прошлом году пришлось уехать из Москвы корреспонденту этой газеты Рену, который, мягко выражаясь, занимался не только своими репортерскими делами. Спешно покинул пределы СССР перед фактом разоблачений и работник бюро журнала «Ньюсуик» Кримски, а корреспондент газеты «Лос-Анджелес таймс» Тот в конце года был просто-напросто выдворен. Следовательно, все остается по-прежнему!

Как ни парадоксально это может звучать, но цели публикации разоблачительных статей состоят в том, чтобы скрыть очевидный факт: ЦРУ и «Нью-Йорк таймс», а с ней и другие органы печати до сих пор распространяют заведомо ложную и тенденциозную информацию.

В оригиналах статей красуются такие подзаголовки, как «Попытки повлиять на мировое общественное мнение» или «ЦРУ — тайное орудие воздействия на общественное мнение». Очевидно, здесь редакторы газеты хотели бы изобразить многолетнюю кампанию распространения фальшивок, лживых сообщений и явно тенденциозных антисоветских материалов, направленных на подрыв сотрудничества народов, просто как невинную «пропаганду», за которую пресса ответственности к тому же не несет. Следовательно, руководители «Нью-Йорк таймс» считают нарочитое разжигание антисоветских настроений вполне допустимым. Но, не желая видеть принципиальной разницы между «оказанием влияния на людей» и ложью, редакторы невольно признают, что единственный способ защиты капитализма состоит в распространении заведомой лжи: ведь правда ударила бы по защитникам этой антигуманной системы, вскрыв ее антинародный характер.

И все же страх перед будущими результатами расследования подталкивал редакцию газеты на признание некоторых фактов.

Так или иначе, теперь общеизвестно:

— ЦРУ тратит миллиарды долларов из средств американских налогоплательщиков на распространение ложной информации и сведений, искажающих действительность в Соединенных Штатах и во всем мире;

— ЦРУ делает это, подкупая сотни газет, журналов, радио- или телевизионных станций; это делается посредством содержания на службе ЦРУ тысяч журналистов, комментаторов и редакторов как в Соединенных Штатах Америки, так и в других странах. И это служит грустной иллюстрацией к так называемой «свободе печати» и «объективной журналистике».

В. И. Ленин писал, что «буржуазная свобода печати есть только свобода для капиталистов, свобода подкупать общественное мнение, давить на него всей силой денег»¹. Факты о «свободной печати», находящейся в кармане монополистического капитала, полностью подкрепляют эти прозорливые слова.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 392.

Еще несколько слов в заключение

На протяжении всей своей истории человечество, создавая материальные, духовные, моральные и этические ценности и нормы, создавало одновременно предпосылки для того, чтобы положить конец господству человека над человеком. Маркс неоднократно признавал за капитализмом историческую заслугу в том, что этот строй означал переход от индивидуального разобщенного труда к общественному, правда ограниченному частной собственностью. Но пока общественная деятельность диктуется частными интересами, т. е. интересами получения прибыли, пока эксплуатация и угнетение определяют характер общественного труда, свобода в этой решающей для социального развития области в принципе исключена и, следовательно, лишь формально, случайно и относительно возможна в других сферах.

Быть свободным — значит иметь право на труд; быть свободным — значит иметь право на удовлетворение потребностей в соответствии с достигнутым уровнем производительных сил, на справедливое в социальном отношении распределение созданных ценностей, на совершенствование общественных отношений ради лучшей и более достойной человека жизни. Быть свободным — значит иметь возможности для получения образования, для приобретения профессии, для повышения квалификации.

Без всего этого не может быть и речи о свободном развитии личности. Без этой «базы» лозунги о свободе оказываются лишь декларациями, рассчитанными на обман народных масс.

Но именно этой основы основ лишает капитализм подавляющее большинство населения — людей труда, а вместе с ней — подлинной свободы. И даже если с помощью жонглирования завлекательными пропагандистскими лозунгами о «демокра-

тии» удастся ввести в заблуждение отдельные общественные группы, которые верят в «свободы», якобы дарованные капитализмом, это не меняет сути дела.

Конечно, было бы неразумным отрицать тот факт, что немало людей на Западе имеют собственные дома и автомашины, холодильники и телевизоры, пользуются определенной долей комфорта. Однако морально-политический климат, в котором живут миллионы людей, наглядно демонстрирует главное: даже материальные блага отдельных категорий граждан не означают наличия подлинных социальных прав и свобод, ибо они в конечном итоге определяются характером собственности на средства производства, а последние сосредоточены в руках немногочисленной элиты. Поэтому экономический кризис, который господствует в мире капитала, породил кризис политический, резко активизировав процесс, о котором Л. И. Брежнев говорил с трибуны XXV съезда КПСС: «Усилился идейно-политический кризис буржуазного общества. Он поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы»¹.

В результате капиталистическое общество, сводящее проблему политических прав и свобод народа к некоему шумному и нарочито яркому политическому ревию с участием очень небольшого круга одних и тех же актеров — «звезд», в лучшем случае отводит роль безмолвных статистов миллионам простых граждан, которых старательно отучают критически мыслить, постигать взаимную связь окружающих явлений, в том числе уметь определить собственное место в обществе. И как следствие этого, «постановщики» из правящей элиты стремятся сделать все, чтобы спектакль о буржуазной «демократии» оказывался не слишком демократичным, поскольку в этом случае рухнут подпорки «моральных ценностей» и «свобод» империализма.

В одной книге относительно небольшого объема невозможно полностью осветить затронутую проб-

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 29.

лему — слишком обширна и многопланова эта тема. Мы взяли лишь ее отдельные аспекты. Стремление рассмотреть ее через призму самой буржуазной печати Запада (причем использовались материалы только двух последних лет) в какой-то степени диктовало пути исследования. И тем не менее, на наш взгляд, вывод несомненен: надругаясь над правами и свободами миллионов граждан, искореняя всяческое «инакомыслие» в социальной и внутриполитической сферах жизни, империализм вследствие своей алчности и агрессивности на международной арене служит постоянным источником напряженности, конфликтов и войн. Иначе говоря, приведенные выше факты убеждают в бессмертии определения В. И. Ленина, подчеркивавшего: «И во внешней политике, и во внутренней, одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» демократии вообще...»¹

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

Оглавление

- Глава I. «Охота на ведьм», или тотальная слежка
10
- Глава II. Лишенные права на труд
84
- Глава III. Общество изобилия... отверженных
122
- Глава IV. Хотя рабовладение формально и отменено...
160
- Глава V. «Свобода отмирает сантиметр за сантиметром»
184
- Глава VI. «Суверенитет? А с чем его едят?»
219
- Глава VII. Беззаконие — «именем закона»
248
- Глава VIII. От имени народа — против народа
277
- Глава IX. Кто платит, тот и заказывает прессе «музыку»...
314
- Еще несколько слов в заключение
347

- К89 Кузнецов Г., Поляковский В.
Иллюзии свобод и горькая действительность. — М.: Мысль, 1978. — 350 с. — (Империализм. События. Факты. Документы.)

Эта книга—документ. С привлечением богатейшего фактического материала она рассказывает о том, что в странах, где правит капитал, «демократия», «безграничные права» и «широчайшие свободы», которыми столь назойливо похваляется официальная западная пропаганда, есть ничто иное, как фикция. И доказывает эту очевидную истину в предлагаемой книге ... сама буржуазная пресса.

Георгий Кузнецов и Вадим Поляковский, советские журналисты-международники, собрали вместе эти свидетельские показания, опубликованные в газете «За рубежом», и прокомментировали их. Так родилась эта книга об иллюзиях свобод и горькой действительности.

Кузнецов
Георгий
Александрович

Поляковский
Вадим
Вольфович

**Иллюзии
свобод
и горькая
действи-
тельность**

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы

Заведующая
редакцией
Т. И. Харламова

Редактор
Т. И. Харламова

Младшие
редакторы
Л. А. Кондарина
В. И. Козловский
З. И. Багурцева

Оформление
художника
А. Б. Боброви

Художественный
редактор
Н. В. Пллариионова

Технические
редакторы
Е. А. Данилова
В. И. Корнилова

Сдано в набор
16.02.78. Подписано
в печать 02.03.78.
А05043.

Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типограф-
ская, № 1. Школьн.
гарн. Высокая
печать. Условных
печатных листов
18,48.

Учетно-издательских
листов 17,85.
Тираж 50 000 экз.
Заказ № 2393.
Цена 70 к.

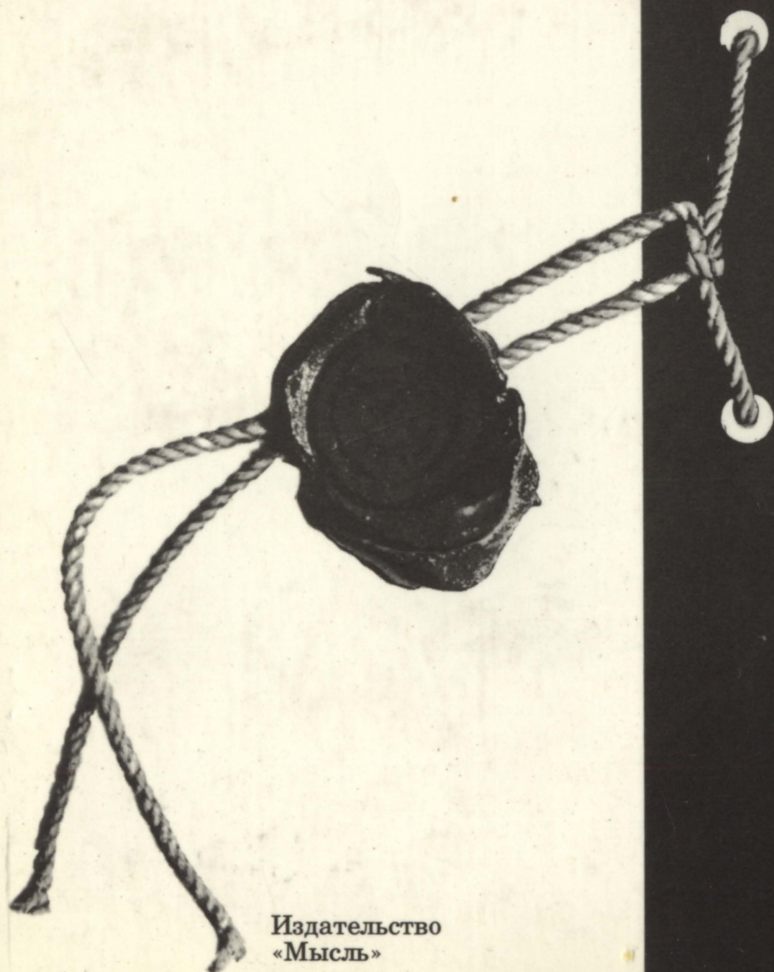
Издательство
«Мысль».
117071. Москва,
В-71, Ленинский про-
спект, 15.

Ордена Октябрьской
Революции и
ордена Трудового
Красного Знамени
Первая Образцовая
типография имени
А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном
комитете Совета
Министров СССР
поделям издательств,
полиграфии и
книжной торговли.
Москва, М-54,
Валовая, 28.

MEB
33

70 коп.

Издательство
«Мысль»